

ДЕНЬ ПОЭЗИИ ❖ ИЗБРАННОЕ

ДЕНЬ
ПОЭЗИИ

1956-1981

ИЗБРАННОЕ

ДЕНЬ
ПОЭЗИИ
1956–1981

ИЗБРАННОЕ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ

1982

С о с т а в и т е л и:

Е. М. ВИНОКУРОВ, В. С. ФОГЕЛЬСОН,
В. Д. ЦЫБИН

Художник
В. В. ЛОКШИН

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В 1956 году по инициативе Владимира Луговского был осуществлен первый выпуск московского сборника «День поэзии», со временем ставшего традиционным ежегодником поэтов столицы.

За четверть века своего существования «День поэзии» завоевал широкую популярность у читателей.

В эту книгу вошли избранные стихотворения из двадцати четырех выпусков ежегодника. Читатель найдет здесь произведения поэтов разных поколений: от тех, кто стоял у истоков советской поэзии, до тех, кто пришел в литературу в пятидесятые—шестидесятые годы.

Вместе с голосами активно работающих сегодня поэтов в этой книге звучат голоса тех, кого уже нет с нами, но чье творчество, как и прежде, обогащает духовную жизнь народа.

Николай АСЕЕВ

1889—1963

Еще за деньги люди держатся

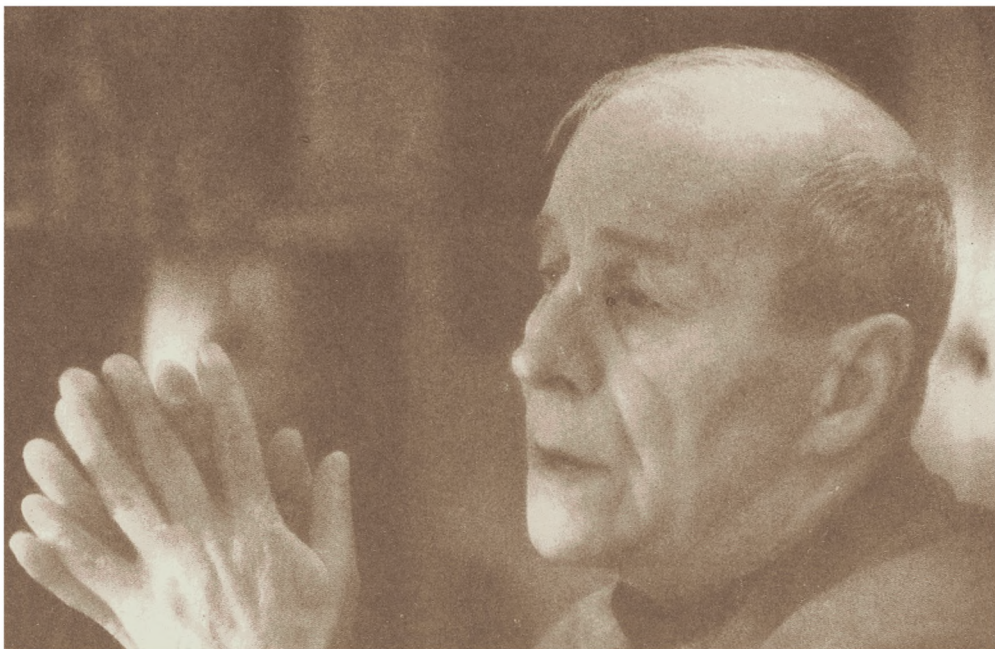
Еще за деньги
люди держатся,
как старины держались люди
во времена глухого Керженца,
но скоро
этого не будет.

Еще ко власти
люди тянутся,
не зная меры и цены ей,
но долго это не останется:
настанут
времена иные.

Еще гоняются
за славою, —
охотников за ней
несметно, —
пытаюсь
хоть бы тенью славою
остаться на земле
посмертно!

Мне кажется,
что власть и почести —
вода соленая морская:
чем больше пьешь,
тем жгучей хочется,
а жажда
все не отпускает.

А личное твоё бессмертие
не в том, что — кто ты,
как ты, где ты,

Фото Н. Лаврентьева

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

1896—1978

О старости

О, как я помню молодость, мгновенье до рассвета,
Кораблик в море времени таинственного цвета,
Когда жилая комната теряет очертанья,
Лишь окна приготовились и розовеют втайне,
О, как я помню молодость, как день ее последний
Напоминает сумрак мой шестидесятилетний.
Не сделано, не кончено, не собрано, не спето —
Кораблик в море времени, летящая торпеда!
Не считано, не меряно, не скроено, не шито,
Не набрано, не сверстано. И нет еще души той,
Которая поймет меня, полюбит иль погубит,
Едва напиток огненный нечаянно пригубит.

Но где ж она скрывается, над чем она смеется,
Зачем не отзывается и в руки не дается?
Что видится, что чудится, какой обещан праздник,
Какая быль не сбудется, какая небыль дразнит?
Иль некуда мне двинуться и некуда податься?
...Бьет десять. Бьет одиннадцать. Потом пробьет двенадцать.

День поэзии 1962

Все как было

Эти мокрые избы что гнезда вороны.
Эти голые сучья что розги черны.
Эта осень что вражьи войска в обороне,
В подмосковном селе, в самом сердце страны.
Так сойди с фонарем по скрипучим ступеням,
Двери настезь — и прямо в ненастную тишь.
Но с каким сожаленьем, с каким упоеньем
Ты на этой земле напоследок гостишь...

Все как было. И снова к загадочным звездам
Жадно тычется бедный глупец звездочет.
Все как было. Твой мир окончательно создан.
И пространство недвижно, и время течет.
Все как было. Да только тебя уже нету.
Ты не юн, не красив, не художник, не бог, —
Ненароком забрел на чужую планету,
Оскорбил ее кашлем и скрипом сапог.

Припади к ней губами, согрей, рассмотри хоть
 Этих мелких корней и травинок черты.
 Если даже она твоя смертная прихоть,
 Все равно она мать, — понимаешь ли ты?
 Расскажи ей о горе своем человечьем.
 Всех, кого сохранил ты, земля сберегла.
 Все как было. С тобою делиться ей нечем.
 Только глина, да пыль у нее, да зола.

1941

День поэзии 1972

Марина

Седая даль, морская гладь и ветер,
 Поющий, о несбыточном моля.
 В такое утро я внезапно встретил
 Тебя, подруга ранняя моя.

Тебя, Марина, вестница моряны!
 Ты шла по тучам и по гребням скал.
 И только дым зеленый и багряный
 Твои седые волосы ласкал.

И только вырез полосы прибрежной
 В хрустящей гальке лоснился
 чуть-чуть.
 Так повторялся он,
 твой зарубежный,
 Твой эмигрантский, обреченный путь.

Иль, может быть, в арбатских
 переулках...
 Но подожди, дай разглядеть мне след
 Твоих шагов, стремительных
 и гулких,
 Сама помолодей на сорок лет.

Иль, может быть, в Париже,
 или в Праге...
 Но подожди, остановись, не плачь!
 Зачем он сброшен и лежит во прахе,
 Твой страннический, твой потерянный
 плащ?

Зачем в глазах остекленела дико
 Посмертная одна голубизна?

Не оборачивайся, Эвридика,
 Назад, в провал беспамятного сна!

Не оборачивайся! Слышишь? Снова
 Шумит крылами время над тобой.
 В бездонной зыби зеркала дневного
 Сверкают скалы, пенится прибой...

Вот он — твой Крым. Вот молодость,
 вот детство,
 Распахнутое настежь на ветру.
 Вот будущее. Стоит лишь
 взглянуться —
 Отыщешь дочь, и мужа, и сестру.

Тот бедный мальчик, что пошел
 на гибель,
 В соленых брызгах с головы до ног, —
 О если даже без вести он выбыл,
 С тобою рядом он не одинок.

И звезды упадут тебе на плечи!
 Зачем же гаснут смутные черты
 И так далёко-далёко-далече
 Едва заметно усмехнулась ты?

Зачем твой взгляд рассеянный
 ответил
 Беспамятством, едва только возник?
 То утро, та морская даль, тот ветер
 С тобой, Марина. Смерти нет
 для них.

День поэзии 1962

Неотправленное письмо

Разве ты на себя не похож,
Не талантлив, не смел, не пригож,
Не удачливей сверстников всех?
Как же это случилось? Откуда
Взгляд потухший, растерянный смех?
Отвечай, — отчего тебе худо?

Но недвижим ты, как истукан,
И ворочаешь винный стакан,
Да и песню не прочь затянуть,
Да и слез не скрываешь горячих, —
Лишь бы время зазря протянуть,
Позабиться, как мелкий растратчик.

Никаких не бывает чудес!
Где бы ни было, там или здесь,

В светлом доме иль в темном лесу
Ты уснешь, ни к чему не готовясь.
А для встречи я сам припасу
Некрасивую вещь — твою совесть.

Узнаешь? Ведь была молода
И в ответах тверда и горда,
Отвечала за все и за всех,
Не смолчала в труднейшие годы...
Взгляд потухший, растерянный смех...
Ни отсрочки, ни спуска, ни льготы.

До свиданья, прощай и прости!
Я сжимаю в остывшей горсти
Свое скомканное письмо,
Не отправленное адресату,
Не прочтенное... Время само
Хоть на этом срывает досаду.

День поэзии 1976

Павел Антокольский, Александр Межиров, Семен Гудзенко и Михаил Луконин. 1947 год.

* * *

А.Н.Н.

Какой секущий ветер
 Вдоль Западной Двины!
 А что ее ты встретил,
 В том нет ничьей вины.
 Как лифты всех гостиниц
 Несутся вверх и вниз.
 Как, злобно ощетинаясь,
 Табачный дым повис.
 Как тонет в черном дыме
 Аэропорт чужой.
 Ты рядом с молодыми
 Состаришься душой.
 Не старься! Ты ведь плавал
 Когда-то а-ля брасс.
 Не старься, бедный дьявол,
 Хотя бы в этот раз!..

День поэзии 1973

Маргарита АЛИГЕР

* * *

Не бойся, я вернусь опять!
 Меня не свалит ветер хлесткий.
 Я не могу тебя отдать
 Той женщине на перекрестке,
 Я не отдам, я не отдам,
 Не бойся, я тебя не выдам
 Ни расстояньям, ни годам,
 Ни даже собственным обидам.
 Я лучше в комнате пустой
 Скажу их мебели и стенам,
 Чтоб снова встретиться с тобой
 В своем покое неизменном;
 Чтобы сберечь чудесный взгляд,
 Не остывающий в пространстве,
 Что возвратит тебя назад
 Ко мне одной из дальних
 странствий.

Я так решила, так хочу!
 Но есть соперница земная,

Перед которой я молчу,
 С поклоном низким отступая.
 Она идет через года,
 В жару, в огне, в потоках пота,
 Твоя жестокая страда,
 Твоя высокая работа.
 Поверь, она всего сильнее!
 Пусть отступиться нелегко мне,
 Я ухожу.

Будь счастлив с ней!
 Но только помни, помни,
 помни.

Но если память обо мне
 Обступит душною стеною,
 Пусть и она сгорит в огне
 Костра, разложенного мною.
 Забудь меня, забудь меня,
 Как забывает бурю судно,
 Как ночь не помнит света дня...

Забудь меня,
 забудь меня,
 Как песню, медленно и трудно.

Но знай, что воля и покой
 В моем последнем твердом взгляде
 Не ради женщины другой
 И не других обетов ради,
 А ради той и только той,
 Что наши участи решила,
 Что вдохновенной маетой
 Нас беспощадно иссушила;
 И ради тех последних слов,
 Почти отлитых из металла,
 Что наша грешная любовь
 Нам на прощанье нашептала.

Забудь меня, забудь меня! —
 Пусть жизнь пошлет тебе
 отваги! —

Во имя завтрашнего дня,
 Во имя вечного огня
 На нестареющей бумаге.

1949

День поэзии 1956

Тридцать лет назад

Сосновый дом стоит в сосновой
роще...

Что из того, что минули года...

Вернуться,
дверь толкнуть —
чего уж проще?!

Как будто не кончался никогда
прибереженный памятью с лихвою
тот подмосковный полдень, яркий час,
который завораживает нас,
звенит, гудит, на солнце плавит хвою
и на веревке простынь парусá
вздувает, словно паруса фрегата,
который отправляется куда-то;
и женские и птичьи голоса
сливаются,
и музыка вдали;
как будто бы фрегат отчалил
от земли
и сонно ждет попутного пассата.

Ах, подмосковный полдень, синева,
иван-чай и розовая кашка.
Стоит еще не сжатая трава,
нет-нет — мелькает пестрая
рубашка,
и, словно одуванчик, головенка
двухлетнего соседского внучонка,
в траве высокой видная едва.

Во что играет мальчик сам с собой?
Ах, подмосковный полдень голубой,
что для него ты, небо или море?
Ликует лето, сосны высоки.
И женщина, взглянув из-под руки,
зовет с крылечка сына:
— Боря! Боря!
Иди домой! К тебе пришел товарищ!

Она звала, звала и раз и два,
твердила те же самые слова,
пока ребенок наконец услышал,
и отозвался, и на голос вышел
из медной рощи, из высоких трав,
из голубых и розовых кустов.

Но, материнский голос услышав,
он сразу отличил среди знакомых
слова
впервые им услышанное слово.

Он удивленно произнес:
— Товарищ... —
Прислушался и повторил:
— Товарищ... —
И он пошел на зов, твердя:
— Товарищ...

Ребенок шел в густой траве до плеч,
в густом настое зелени и хвои,
и это слово нес, как будто меч
несет впервые в жизни юный воин.

— Товарищ... — он твердил на все
лады
и отстранял и прижимал к груди.
Ребенок шел на зов, а впереди
громоздко, близко, ярко и темно
клубились годы славы и беды...

Ах, слово! Послужило ли оно
тебе в пути, дитя далеких лет?
Ах, слово! Пригодилось или нет?
Товарищи!

Ты помнишь ли ту рощу, дом и двор?
Ты, человеком выросший с тех пор,
ты человеком вырос ли, однако?

...Клубятся годы зарев, годы мрака.
Между добром и злом размыты
рубежи.
Ты человеком вырос ли, — скажи? —
подхваченный в тот день потоком
русской речи,

ее значений и противоречий,
неразделимо сплавленных навек,
как в водах Волги струи разных рек,
Оки, и Белой, и Шексны, и Камы.
О, дикое величье нашей драмы!
Ее еще никто не написал,
она огромна и сложна, как мир,

и если снова не придет Шекспир,
ее никто и написать не сможет.
Но я не отрекаюсь ничем
от тех нагромождений за плечом,
от нашего пути.

Он был.

Он прожит.
От тьмы и света, от добра и зла.
То жизнь моя была.

Я в ней росла.

О молодость моя,
тебя кто хочет судит.
Но у меня другой уже не будет.
Товарищи!

Тот полдень. То дитя.
...Ребенок шел, на все лады вертя
впервые им услышанное слово,
шептал: — Товарищ... — Повторял:
— Товарищ... —

Он старше стал на несколько минут,
на несколько шагов от рожи
и до дома,
на это слово старше,
им ведомый,
впервые в жизни,
в мир,
туда, где ждут
товарищи.

Иди, дитя, иди в цветах до плеч,
ладошками расталкивая травы,
иди вперед,
в судьбу,
в родную речь,
в мир утренний, лазоревый,
к кровавый.

Там ждут тебя товарищи твои,
твои победы, праздники, бои,
и ропот сердца и раскаты славы.
Иди, дитя, не опуская глаз.
К тебе пришел товарищ в первый
раз.

Запомни это слово, этот час...
Ты у истока, у дверей, у входа.

...Стоит июль тридцать шестого года.

День поэзии 1967

* * *

Странное чувство меня томит:
каждую ночь, опять и опять,
снится Мадрид, снится Мадрид,
словно бы жизнь повернула вспять.

И начинает казаться мне,
чем дольше живу, чем труднее жить,
что я воевала на той войне
и не смогла в бою победить.

Стало быть, это моя вина
в том, что стряслось на пути крутом,
в том, как окончилась та война,
в том, что случилось в мире потом.

День поэзии 1976

Николай АНЦИФЕРОВ

1930—1964

Из детства

Темней угля
Он приходил с работы.
«Дитя не вымажь», — говорила мать.
А я до слез горел тогда охотой
Отца,
Такого грязного,
Обнять.
Мне батька позволял намылить спину.
Я это делал с радостью большой,
Но счастлив был всего наполовину,
И, словно в цирк, просился я в забой.
Мне так хотелось побывать
на штреках,
Но слышал неприятнейшую весть,
Что я всего лишь четверть человека,
Что мне два пуда соли нужно съесть.
Я стал врагом кондитерских изделий
(Солил похлебку с батькой наравне)
И отмечал свой рост семь раз в неделю
Царапиною ногтя на стене.

День поэзии 1960

Анна АХМАТОВА

1889—1966

* * *

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая — как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола —
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный,
незабвенный...

Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век — и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем
вспоминать.

И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает — мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,

Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку бог послал,
Прекрасно обошлись без нас — и даже
Все к лучшему...

1945

День поэзии 1956

Из ленинградских элегий

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина свет патриархальный,
Ни колыбелька моего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены...
Не уменьшало это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко.
В то время, как мы, замолчав,
старались
Не видеть, что творится в зазеркалье,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступени,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого *они* по лестнице несут?»

Теперь ты там, где знают всё, скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?

1921

День поэзии 1973

* * *

Жить — так на воле,
Умирать — так дома.
Волково поле,
Желтая солома.

22 июня 1941 г.

(День объявления войны)

День поэзии 1971

* * *

De profundis... Мое поколение
 Мало меду вкусило. И вот
 Только ветер гудит в отдаленье,
 Только память о мертвых поет.
 Наше было не кончено дело.
 Наши были часы сочтены,
 До желанного водораздела,
 До вершины великой горы,
 До неистового цветенья
 Оставалось лишь раз вздохнуть...
 Две войны, мое поколение,
 Освещали твой страшный путь.

Ташкент, 23 марта 1944 г.

День поэзии 1971

* * *

Дорогою ценой и нежданной
 Я узнала, что помнишь и ждешь.
 А быть может, и место найдешь
 Ты — могилы моей безымянной.

*Август 1946 г.
 Фонтанный Дом*

День поэзии 1973

* * *

Забудут? — Вот чем удивили!
 Меня забывали сто раз!
 Сто раз я лежала в могиле,
 Где, может быть, я и сейчас.
 А муза и глохла и слепа,
 В земле истлевала зерном,
 Чтоб снова, как Феникс из пепла,
 В тумане восстать голубом.

12 февраля 1957 г.

День поэзии 1972

* * *

Б. П.

Словно дочка слепого Эдипа,
 Муза к смерти провидца вела,
 И одна сумасшедшая липа
 В этом траурном мае цвела —
 Прямо против окна, где когда-то
 Он поведал мне, что перед ним
 Вьется путь золотой и крылатый,
 Где он вышнее волей храним.

*11 июня 1960 г.
 Москва
 Боткинская больница*

День поэзии 1972

Рисунок Юрия Анненкова. 1921 год.

К поэме

I

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон
И ворчал: «Там три темы сразу!
Дочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен,

II

Кто, когда и зачем встречался,
Кто погиб, и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой, —
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой?»

III

Я ответила: «Там их трое —
Главный был наряжен верстою,
А другой как демон одет,
Чтоб они столетьям достались,
Их стихи за них постарались,
Третий прожил лишь двадцать лет, —

IV

И мне жалко его». И снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел,
И над тем флаконом надбитым
Языком кривым и сердитым
Яд неведомый пламенел.

V

А во сне все казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто,
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон — это тоже вещьца,
Soft embalmer, Синяя Птица,
Эльсинорских террас парапет.

VI

И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издавека слышав вой.
Все надеялась я, что мимо
Белой залы, как хлопья дыма,
Пронесется сквозь сумрак хвой.

VII

Не отбиться от рухляди пестрой,
Это старый чудит Калиостро —
Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

День поэзии 1962

Полночные стихи

Тишина тишину сторожит...

Вместо посвящения

По волнам блуждаю и прячусь
в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою — едва ли.

Предвесенняя элегия

Меж сосен метель присмирела,
Но, пьяная и без вина,
Там, словно Офелия, пела
Всю ночь нам сама тишина.

А тот, кто мне только казался,
Был с той обручен тишиной,
Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.

10 марта,
Комарово

Первое предупреждение

Какое нам, в сущности, дело,
 Что все превращается в прах,
 Над сколькими безднами пела
 И в скольких жила зеркалах.
 Пускай я не сон, не отрада
 И меньше всего благодать,
 Но, может быть, чаще, чем надо,
 Придется тебе вспоминать —
 И гул затихающих строчек,
 И глаз, что скрывает на дне
 Тот ржавый колючий веночек
 В тревожной своей тишине.

6 июня,
 Москва

Тринадцать строчек

И наконец ты слово произнес,
 Не так, как те... что на одно колено, —
 А так, как тот, что вырвался из плена
 И видит сень священную берез
 Сквозь радугу невольных слез.
 И вокруг тебя запела тишина,
 И чистым солнцем сумрак озарился,
 И мир на миг один преобразился,
 И странно изменился вкус вина,
 И даже я — кому убийцей быть
 Божественного слова предстояло —
 Почти благоговейно замолчала,
 Чтоб жизнь благословенную продлить.

8—12 августа, Комарово

А. А. Ахматова и Б. Л. Пастернак. Апрель 1946 года.

Даруй мне тишь твоих библиотек,
Твоих концертов строгие мотивы,
И — мудрая — я позабуду тех,
Кто умерли или доселе живы.

И я познаю мудрость и печаль,
Свой тайный смысл доверяю мне
предметы.

Природа, прислонясь к моим плечам,
Объявит свои детские секреты.

И вот тогда из слез, из темноты,
Из бедного невежества былого
Друзей моих прекрасные черты
Появятся и растворятся снова.

День поэзии 1962

Свеча

Всего-то — чтоб была свеча,
Свеча простая, восковая,
И старомодность вековая
Так станет в памяти свежа.

И поспешит твое перо
К той грамоте витиеватой,
Разумной и замысловатой,
И ляжет на душу добро.

Уже ты мыслишь о друзьях
Все чище, способом старинным,
И сталактитом стеаринным
Займешься с нежностью в глазах.

И Пушкин ласково глядит,
И ночь прошла, и гаснут свечи,
И нежный вкус родимой речи
Так чисто губы холодит.

День поэзии 1962

Собрались, завели разговор,
Долго длились их важные речи.
Я смотрела на маленький двор,
Чудом выживший в Замоскворечьи.

Чтоб красу предыдущих времен
Возродить, а пока, исковеркав,
Изнывал и бранился ремонт,
Исцеляющий старую церковь.

Любоваться еще не пора:
Купол слеп, и весь вид не осанист,
Но уже по камням двора
Восхищенный бродил
чужестранец.

Я сидела, смотрела в окно,
Тосковала, что жить не умею.
Слово «скоросшиватель» влекло
Разрыдаться над жизнью моею.

Как вблизи расторопной иглы,
С невредимой травой зеленой,
С бузиною, затмившей углы,
Уцелел этот двор непреклонный?

Прорастание мха из камней
И хмельных маляров перебранка
Становились надеждой моей,
Одобряющей вестью от брата.

Дочь и внучка московских дворов,
Объявляю: мой срок не окончен.
Посреди сорока сороков
Не иссякла душа-колокольчик.

О, запекшийся в сердце моем
И зазубренный мной без запинки
Белокаменный свиток имен
Маросейки, Варварки, Ордынки!

Я, как старые камни, жива.
Дождь веков нас омыл
и промаслил.

На клею золотого желтка
Нас возвел незапамятный
мастер.

Как живучие эти дворы,
Уцелею и я, может статься.
Ну, а нет — так придут маляры.
А потом приведут чужестранца.

День поэзии 1974

* * *

Мы начали вместе: рабочие, я и зима.
Рабочих свезли, чтобы строить гараж с кабинетом
Соседу. Из них мне знакомы Матвей и Кузьма
И Павел-меньшой, окруженные кордебалетом.

Окно, под каким я сижу для затеи моей,
Выходит в их шум, порицающий силу раствора.
Прошло без помех увядание рощ и полей,
Листва поредела, и стало светло и просторно.

Зима поспешала. Холодный сентябрь иссякал.
Затея томила, и не давалось мне что-то.
Коль кончилось курево или вдруг нужен стакан,
Ко мне отряжали за прибылью Павла-меньшого.

Спрошу: — Как дела? — засмеется: — Как сажа бела.
То нет кирпича, то застряла машина с цементом.
— Вот-вот, — говорю, — и мои таковы же дела.
Утешимся, Павел, печальным напитком целебным.

Октябрь наступил. Стало Пушкина больше вокруг,
Верней, только он и остался в уме и природе.
Пока у зимы не валилась работа из рук,
Матвей и Кузьма на моем появлялись пороге.

— Ну что? — говорят. Говорю: — Для затеи пустой,
Наверно, живу. — Ничего, — говорят, — не печалься.
Ты видишь в окно: и у нас то аврал, то простой.
Тебе веселей: без зарплаты, а все ж — без начальства...

Нежданно-негаданно — невидаль: зной в октябре.
Кирпич и цемент обрели наконец-то единство.
Все травы и твари разнежались в чудном тепле,
В саду толчея: кто расцвел, кто воскрес, кто родился.

У друга какого, у юга неужто взаимы
Наш север выпрашивал блики, и блески, и тени?
Меня ободряла промашка неловкой зимы,
Не больше меня преуспевшей в заветной затее.

Сияет и греет, но рано сгущается темь,
И тотчас же стройка уходит, забыв о постройке.
Как, Пушкин, мне быть в октября девятнадцатый день?
Смеркается — к смерти. А где же друзья, где восторги?

И век мой жесточе, и дар мой совсем никакой.
Все кофе варю и сажу, пригорюнясь, на кухне.
Вдруг — что-то живое ползет меж щекой и рукой.
Слезу не узнала. Давай посвятим ее Кюхле.

Зима отслужила безумье каникул своих
И за ночь воздвигла такие хоромы, что диво.
Уж некуда выше, а снег все валил и валил.
Как строят — не видно, окно — непроглядная льдина.

Мы начали вместе. Зима завершила труды.
Стекло поскребла: ну и ну, с новосельем соседа!
Приложена крыша, и дым произрос из трубы.
А я все сажу, все смотрю на падение снега.

Вот Павел, Матвей и Кузьма попрощаться пришли.
— Прощай, — говорят. — Мы-то знаем тебя не по книжкам.
А все же для смеха стишок и про нас напиши.
Ты нам не чужая — такая простая, что слишком...

Ну что же, спасибо, и я тебя крепко люблю,
Заснеженных этих равнин и дорог обитатель.
За все рукоделья, за кроткий твой гнев во хмелю,
Еще и за то, что не ты моих книжек читатель.

Уходят. Сказали: — К ноябрьским уж точно сдадим.
Соседу втолкуй: все же праздник, пусть будет попроще...
Ноябрь на дворе. И горит мой огонь-нелюдим.
Без шума соседнего в комнате тихо, как в роще.

А что же затея? И в чем ее тайная связь
С окном, возлюбившим строительства скромную новость?

Не знаю.
Как Пушкину нынче луна удалась!
На славу мутна и огромна, к морозу, должно быть!

Прямо с марша в наступленье
Подкрепление ушло.
То не значилось сраженье
В сводках Совинформбюро.

И того не помнят плиты,
И в неведение село:
Сколько ожило убитых,
Сколько мертвых полегло.

День поэзии 1977

Иван БАУКОВ

1909—1977

Был я иль не был на войне

Все чаще думается мне,
Увидев битву на экране:
«Был я иль не был на войне?
Был я иль не был дважды ранен?»

И неужели,
Неужель
И я бежал в дыму сраженья,
И я бросал свою шинель
На вражеские укрепления!

И, обезумевши, кричал:
«Ур-ра-а!!!» —
Кричал, как все солдаты.
Потом — санбат.
Потом привал
У рубежей, еще не взятых.

...Теперь,
Лишь луч мелькнет в окне
Или скворец летит в скворешню,
Я снова радуюсь весне,
Рву колокольчики, как прежде.

Ломаю гибкую сирень,
Дарю цветы своей хорошей.
И кажется в весенний день —
Я навсегда забыл о прошлом.

Лишь в дни осенней непогоды
Военные я помню годы.
Я точно вспомню Богучары,
Баренково,
Бой под Орлом
И дым пылающей Варшавы,
Смоленск, охваченный огнем.

Но только боль в груди пройдет —
Меня сомненье вновь берет:
«Был я иль не был на войне?..»

Иль все это приснилось мне?..

День поэзии 1973

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

1910—1975

* * *

Ты приснись мне, хотя бы приснись,
Не такой, как на карточке серой, —
Точно лучик, и птица, и жизнь,
Точно юность и счастье без меры.

Так далеко тебя унесло,
Что черты расстояньем стирает.
Столько пепла на сердце легло,
Но горит оно и не сгорает.

Я сама виновата, сама,
В том, что рано тебя отпустила,
Что живу, не лишилась ума...
О проклятая, жадная сила!

Ты приснись мне, ну только приснись,
Не такой, как на карточке серой, —
Точно лучик, и птица, и жизнь,
Точно юность и счастье без меры...

1937

День поэзии 1980

Судьбе

Сохраню ль к судьбе презренье?..

А. Пушкин

Раскаиваться? Поздно. Да и в чем?
В том, что не научилась лицемерить?
Что, прежде чем любить, и братъ,
и верить,
Не спрашивала, как торгаш, —
«почем»?

Ты так сама учила... Как могла
Помыслить, что придешь заимодавцем,
Что за отказ —
продать и распродаться —
Отнимешь все и разоришь дотла.

Что ж, продавай по рыночной цене
Все то, что было для души бесценно.
Я все равно богаче и сильней
И чище — в нищете своей надменной.

(Конец 40-х)

День поэзии 1980

* * *

И все, кто порицал
и кто хвалил,
те, что преследовали,
что любили, —
равно печальные
придут к моей могиле,
и каждый бросит в яму горсть земли.
Последний дар,
вручаемый людьми.
Но ты не делай этого, не — надо.
Ты мне когда-то подарил весь мир,
всю горечь мира, всю его отраду.
Нет, даже мертвой — мне не нужен
прах
из рук твоих...
...А уж живой — тем боле.
Я лучше захлебнусь —
в вине, в обиде, в боли,
в своих пустых и темных вечерах.

1953

День поэзии 1980

Ахматовой

(Вариант)

Здесь только крест из дерева
невиданной породы
и над холмом трилистники встают.
Здесь —
только Ты.
Ты — как сама природа.
Ты и твоя последняя свобода...
Бездомный, как всегда,
твой мировой уют...

1970-е годы

День поэзии 1980

Фотография 30-х годов. Публикуется впервые.

Валентин БЕРЕСТОВ**На языке тех лет**

Был праздник под названием МЮД,
 И в МОПР вступал рабочий люд.
 Отец мой дважды в шестидневку
 В народный дом ходил на спевку.
 Лишь незадолго до войны
 Недели были введены.
 Спорт звали только физкультурой,
 Любую ткань — мануфактурой.
 Мне горло кутали кашне.
 С зажимом галстук был на мне.
 А на зажиме пять поленьев
 И пламени пять языков —
 Эмблема пионерских звеньев,
 Союз пяти материков.
 В копилку клали мы монетки
 Для новостроек пятилетки.
 Другьям на языке тех лет
 Мы слали пламенный привет.
 А недостатки мы вскрывали
 И постепенно изживали.
 И жизнь отдать за счастье масс
 Мечтали лучшие из нас.

День поэзии 1978

Повестка после Победы

Мир не видал врачей таких веселых,
 Как эти окулист или ушник,
 Как этот балагур невропатолог.
 А тот хирург с медалью? Вот
 шутник!

Мы нагишом пред ними представляли,
 Ремесленник, механик и студент,
 И совершенно не подозревали,
 Что это исторический момент.

Для тех, кто оперирует и лечит,
 Для тех, кто нас осматривает тут,
 Мы — первые, кого не изучечат,
 Мы — первые, которых не убьют.

День поэзии 1978

Яков БЕЛИНСКИЙ**Стихи расстрелянных поэтов**

Стихи расстрелянных поэтов
 во тьме гестапо или гетто —
 еще не собраны томами,
 они гвоздями и ногтями
 на штукатурке смертных камер
 вкось нацарапаны коряво
 и растекаются кроваво.

Поэтов записные книжки,
 Что сохранили запах гари,
 тираж завышен был не слишком —
 в одном
 бессмертном
 экземпляре.

Но, как трава меж плит бетонных
 иль разрывая их поверхность,
 в мир прорастают ваши стоны,
 ваш гнев и ярость, долг и верность.

Сквозь в рты затиснутые кляпы,
 сквозь двери плотные гестапо,
 сквозь толстый камень моабитов —
 вы к нам дошли, вы не забыты,
 поэтов праведные судьбы.
 Всему свои приходят сроки.
 Давно истлели ваши судьи.
 Живут бессмертных песен строки.

День поэзии 1960

Елена БЛАГИНИНА**Племянникам**

Запишите мой голос на пленку!
 Вдруг в две тысячи третьем году
 Вы услышите тетку Аленку,
 Ту, что будет в раю иль в аду.

Или в той беспредельности мрачной,
 Что зовется небытием,
 Иль в травинке — простой и
 невзрачной —
 Над иссохшим от зноя ручьем.

География

О земля моя! Ты — кафедра.
Мне с твоих родных страниц
Открывалась география
Гор и рек и русских лиц.

В Омске, в Томске, или
в Глазове,

Или где-нибудь в Орле
Улыбались кареглазые
Не кому-нибудь, а мне.

Чем я радовал их? Песнями
Своей родной страны.
Не изысканностью Гнесиных, —
Балалайкой в три струны.

Да частушечною азбукою
Со звоном в край зари,
Да словами, что за пазуху
Убирал, как сухари.

Да готовностью откликнуться
На каждый зов людской,
Поделиться, как из житницы,
Весельем и тоской.

О земля моя! Ты — кафедра.
С твоих родных страниц
Мне сияет география
Гор и рек, и милых лиц!

День поэзии 1956

Я — балалайка

Я — музыкальный инструмент.
Рукою тронь — и звук польется.
Его поймет в любой момент
Любая баба у колодца.

И даже глупому телку,
Бродящему по клеверку,
Как зов коровьего мычання,
Понравится мое звучанье.

Я рос, как он, среди лугов,
Под радугой семиполосной.
Во мне такая же любовь
К просторам, к этой рани росной.

К родной траве, к родной земле
И к солнышку, что на челе
Хранит родительские пятна, —
На нем и это мне приятно!

Была мне музыкою мать
С ее напевами простыми.
Я от нее стал понимать
Себя, людей и всю Россию.

Я — балалайка. Я звучу.
Душа моя на песни льется.
Я самый близкий брат лучу,
Который солнечным зовется!

День поэзии 1965

Подмосковные ежи

Ощетинились ежи,
Смело вылезли на бруствер.
Незабудки у межи
Так доверчиво смеются.

Лето ласково журчит,
Звонок зной в траве немятой.
На лугу телок мычит,
Словно в чем-то виноватый.

Глубока, покойна синь
Голубого циферблата.
Губы шепчут слово: — Сын! —
Это мать зовет солдата.

Ходит, ищет, мнет траву,
Говорит ромашкам лета:
— Я, сынок, еще живу,
Ты прости меня за это!

Говорит ручью, лугам,
Полю, речке, всей России:
— Хлеб несущий к своим губам,
Ты, сынок, за то прости мне!

Никакого сына нет!
 Есть трава, дорога, поле,
 Есть деревня, сельсовет,
 Седина, старуха, горе.

Это горе не избыть,
 Из души его не вынуть,
 У' дороги, у избы
 Встало — и его не сдвинуть!

День поэзии 1973

Исаак БОРИСОВ

1923—1972

* * *

Как юны были мы, как безмятежны!..
 Наш братский круг — одна душа и плоть,
 Всех нас мог накормить один ломоть,
 И полдень —
 белорусский —
 всех нас нежил.

И осыпался солью Млечный Путь
 На темную душистую краюху,
 И на санях мы мчались, что есть
 духу, —
 Через ворота ветра —
 лесу в грудь.

Не в поле — на небесном берегу —
 Вязали мы снопы рассветов росных;
 Как майские жуки в ребячьих космах,
 Барахтались зимой в густом снегу.

Гнездовья под застрехами найдя,
 Нырjali мы в теплынь соломы старой,
 И пили из цветка настоек нектара,
 И собирали бусинки дождя...

Как юны были мы, как безмятежны!..
 Когда всех нас, не ведавших беды,

В кровавый час —
 велев сомкнуть ряды —
 Беда из детства вырвала поспешно.

Ударил клюв железного дождя
 По звездам, по снопам зари спаленной,
 Цветочный мед потек слезой соленой...
 Шагал я с вами,
 жизни не шадя,

Но удалось врата страданья мне
 Пройти, —
 как те — лесные —
 ветровые, —

Со светлой верою,
 что неживые
 Простят живым разлуку на войне.

Перевела с еврейского Н. Горская

День поэзии 1972

Анатолий БРАГИН

* * *

В войну мне выдали бесплатно
 Американское пальто.
 Во всей округе, вероятно,
 Такого не имел никто.

Неловко было к оборванцам,
 К друзьям-приятелям моим,
 Вдруг заявиться иностранцем
 Или начальником каким.

Пальто и спереди, и сзади, —
 Не веришь, матушку спрости, —
 Я до того отделал за день,
 Что хоть тряпишнику неси.

За это мать со мной вожжами
 Поговорила.
 Но зато
 Уж никого не раздражало
 Американское пальто.

День поэзии 1968

Николай БУКИН**У Букингемского дворца**

Не только ноги ноют — руки,
 Но любопытству нет конца...
 И вот стою я, Колька Букин,
 У Букингемского дворца.

Безмолвен он и озадачен,
 И флаг не вьется на древе,
 Не вьется флаг, а это значит —
 Нет королевы во дворце.

В далекие уходит рейсы
 Корабль «Куин Элизабет»,
 Ее Величества гвардейцы
 Оберегают Старый Свет.

И от Шотландии до Крита
 Со всех полос глядит, смеясь,
 Сама принцесса Маргарита,
 С каникул римских возвратясь.

Ты дорога, земля Шекспира,
 Но не хочу, да и не спешу
 Свою московскую квартиру
 Менять на лондонский дворец,

В котором жизнь окаменела,
 Все так же, как в былых веках,
 Лишь где-то мчится королева
 На трех орловских рысаках.

День поэзии 1963

Нина БЯЛОСИНСКАЯ**Девчонка**

Смеется девчонка
 семнадцати лет,
 смеется
 в землянке,
 прикипшей к земле,
 над шуткой какой-то,
 простою и смелой,

смеется девчонка
 в потертой шинели,
 остатки мороза с себя отряхнув,
 промокшие ноги к огню протянув,
 смеется девчонка,
 в ладонях сжимая
 горячую кружку
 с промасленным чаем
 и капли с ушанки роняя на лоб.
 Смеется девчонка.
 Смеется — взахлѐб,
 со смаком,
 со вкусом,
 да так откровенно,
 как только девчонки умеют,
 наверно.

День поэзии 1956

Константин ВАНШЕНКИН**Букет**

Я шел к тебе с таким букетом, —
 Его подняв над миром ввысь, —
 Что молодые пчелы следом,
 Ошеломленные, вились.

Ступая тапочками звонко,
 Зажав замурзанный платок,
 Шла незнакомая девчонка
 И ныла: — Дядя, дай цветок!..

И на глаза довольной паре
 Потом попался мой букет.
 — Простите, где вы покупали?..
 — Какая прелесть этот цвет!..

Спросила встречная старуха:
 — Им георгины не родня?..
 И чей-то вздох коснулся слуха:
 — А ведь и ты любил меня!..

День поэзии 1956

Жаль, не осталось кадра
Из тех забавных лет.
В фойе кинотеатра
Уже притушен свет.

Лежал на дне кювета,
Прошел весь путь насквозь.
Потом еще и это
Изведать довелось.

День поэзии 1977

* * *

Были женщины в войну —
Всех любили, всех жалели,
Кто в обмотках и в шинели.
Я такую знал одну.

Было общее у них:
Возвышали в ласках женских
Не каких-нибудь снабженцев,
Интендантов и штабных,

А солдатика того,
Молодого, что, быть может,
За отчизну жизнь положит,
Не изведав ничего.

Но потом — войне конец.
Наступили перемены,
И они сошли со сцены,
И отнюдь не под венец.

Разумеется, тогда
Мы ничуть не ощущали
Благодарности, печали,
Сожаленья и стыда.

День поэзии 1978

Герман ВАЛИКОВ

В оружейном музее

Фузея с лихим раструбом —
Драгоценный экспонат.
Янтарем и рыбьим зубом
Инкрустирован приклад.

В филигранные рубашки
Принаряжены мечи.
Расчеканенные бляшки
На щитах дробят лучи.

Серебристая, как речка,
Горской сабли льется сталь.
По клинку бежит насечка,
В ножны вкраплена эмаль.

Рукоятку пистолета
Кроет черневой узор.
Львы с фигурного лафета,
Взъярены, глядят в упор.

Дальше ряд кремневых ружей,
Клейма царских вензелей.
Гравировочка похуже —
Можно б чуть повеселей!

Дальше штуцеры, винтовки...
Хоть махни на них рукой —
Ни малейшей гравировки,
Ни узоринки какой!

Росс канадских полукружье,
Строй японских арисак...
У художников к оружию
Интерес уже иссяк.

День поэзии 1963

Павел ВАСИЛЬЕВ

1910—1937

Любовь на кунцевской даче

Сначала поезда как бы во сне
Катились, отдаваясь длинным, гулким —
Стоверстным эхом.

О свиданье, дне, —
Заранее известно было мне,
Мы совершали дачные прогулки,
Едва догадываясь о весне.
Весна же просто нежилась пока
В твоих глазах.

В твоих глазах зеленых
Мелькали ветви, небо, облака —
Мы ехали в трясущихся вагонах.
Так мир перемещался на оси
Своей, согласно общему движенью,
У всех перед глазами.

Колеси,
Кровь бешеная, бей же без стеснения
В ладони нам, в сухой фанер виска.
Не трогая ничем, не замечая
Раздумья, милицейского свистка, —
Твой скрытый бег, как целый мир,
случаен...

И разговор случаен... И к ответу
Притянут в нем весь круг твоих забот,
И этот день, и пара рваных бот,
И даже я — все это канет в Лету.

Так я смеюсь. И вот уж наконец
Разлучены мы с целым страшным
веком —

Тому свидетель ноющий слепец
С горошиной под заведенным веком.
Ведь он хитрил всегда. И даже здесь,
В моих стихах. Морщинистым и старым
Он два столетья шлялся по базарам —
И руку протянул нам...

— Инга, есть
Немного мелочи. Отдай ему ее. —
Ведь я тебя приобретал без сдачи.
Клянусь я всем, что видит он с мое...

И тормоза... И кунцевские дачи.
Вот отступление: ясно вижу я,
Пока весна, пока земля потела,

Ты счастье двух мелких буржуа,
Республика, ей-богу, проглядела.
И мудрено, что вижу я сквозь дым
Теперь одни лишь возгласы и лица.
Республика, ты разрешила им
Сплетать ладони, плакать и плодиться.
Ты радоваться разрешила. Ах,
А если нет? Подумаешь — обида!
Мы погрешим, покудова монах
Еще нам индульгенции не выдал.

Но ты... не понимаешь слов, ты вся,
До перышка, падений жаждешь снова
И, глазом недоверчиво кося,
С себя старье снимаешь и обнови.
Но комнатка. Но комнатка! Сам бог
Ее, наверно, вымерял аршином —
Она, как я к тебе привыкнуть смог,
Привыкла к поздравленьям
матерщинным.

Се вызов совершенству всех Европ —
Наполовину в тишину влюбленный,

Наполовину негодующий... А клоп
Застынувший — как поп перед иконой!
А зеркальце разбитое — звездой.
А фартучек, который не дошла...
А вся сама ты излучаешь зной...

Лебязьей шеей выгнута рука,
И алый след от скинутых подвязок...
Ты тяжела, как золото, легка,
Как легкий пух полузабытых сказок.
Исчезло все. И только двое нас.
По хребтовине холодок, но ранний,
И я тебя, нацеливаясь, враз
Охватываю вдруг по-обезьяньи.
Жеманница! Ты тужель не сняла.
Как высоки они! Как высоко взлетели!
Нет ничего. Нет берега и цели.
Лишь радостные, хриплые тела
По безразличной мечутся постели.
Пускай узнает старая кровать
Двух счастлих вес. Пусть принимает
милость

Таить, молчать и до поры скрывать,
Ведь этому она не разучилась.

Ага, кричишь? Я научу забыть,
Идти, бежать, перегонять и мчаться,
Ты не имеешь права равной быть,
Но ты имеешь право задыхаться.
Ты падаешь. Ты стынешь. Падай,
стынь,

Для нас, для окаянных, обреченных.
Да здравствуют наездники пустынь,
Взнуздавшие коней неукрошенных!

Пусть слышишь ты...

Как рассветало рано.

Тринадцатое? Значит, быть беде!
И мы в плену пустынного обмана,
Переплелись, не разберешь — кто где...
— Плутовка. Драгоценная. Позор.
Как ни крути — ты выглядишь
по-курью. —

Целуемся. И вот вам разговор.
Лежим и, переругиваясь, курим.

Весна, 1931

День поэзии 1979

Сергей ВАСИЛЬЕВ

1911—1975

Родник

Памяти Николая Асеева

Нету Асеева. Нету.

Нету.

Зови не зови...

Рыщет по белому свету
оклик сыновней любви.

Где же он, добрый наставник,
где же он, труженик злой,
крестный дебагов недавних,
с редкой своей похвалой?
Некому взять меня в клещи
за онемевшим столом,
с ласковым ропотом вещим
жару задать поделом.
Нету ни скрипа калитки,
ни перещелка замка,
ни запоздалой откритки,
ни затяжного звонка.
Затканы в сумерки, сыры,
недоуменно глядят
окна московской квартиры
на равнодушный закат.
Может, зайти наудачу:
«Вот я!» — и вся недолга?
Может,

уехал на дачу?

Может,

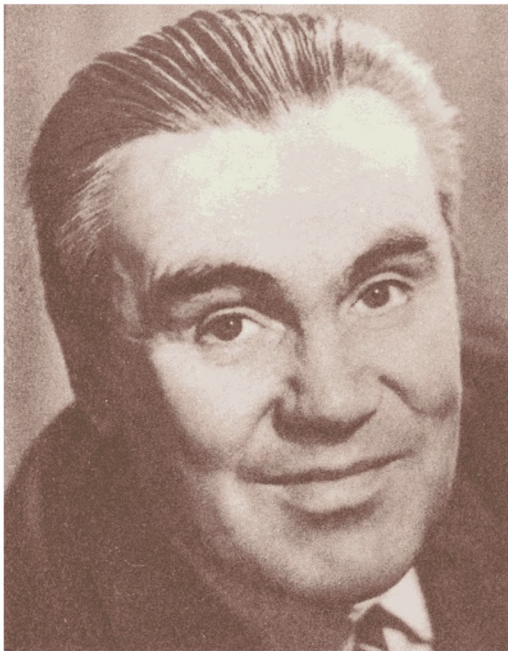
махнул на бега?

Нету на Каме, на Волге,
нету у курских холмов...

Замерли чинно на полке
пять тяжелых томов.
Ну-ка, возьми из-за створки
в руки любой из пяти,
сядь и от корки до корки
с тихим вниманьем прочти.
Хлынут с отверстой страницы
и завладеют тобой
вдумчивых красок зарницы,
кованых звуков прибор.

Трогай,
 лови,
 соучаствуй,
 жадною грудью вбирай
 гомон хмельной и гривастый,
 наполнящий жизнь через край.
 Чуешь, как утренней ранью,
 дивно свежа и легка,
 снегом,
 полянью,
 геранью
 терпкая пахнет строка?
 Как набегают кругами
 то холодище, то зной,
 то нестерпимое пламя,
 то низовик ледяной?

Слышишь, как в дымке предгрозя,
 словно летя на пожар,
 вскачь подпевают полозья
 говору синих гусар?
 Веришь, как, трогая хвою,
 сквозь колчаковский заслон

в темь уползает тайгою
 храбрый Проскаков Семен?
 Видишь, как в рост, по-бойцовски
 (время ему ничем!),
 к Пресне идет Маяковский,
 день подпирая плечом.
 Где же Асеев?

Далече...

Лишь в тишине, как впервой,
 бьется родник его речи,
 плещется голос живой.

День поэзии 1969

Друг

Есть у меня старинный друг,
 который

(точно!)

лучше двух.

Не дай бог, вдруг случись беда —
 мой друг со мной в беде всегда.
 А нет беды — и друга нет.
 И так вот три десятка лет.
 — Ну, как дела?
 — Дела табак..
 — Зачем же ты молчал, чудак!

И начинает верный друг,
 не покладая добрых рук,
 в подмогу вкладывать труды
 вплоть до изгнания беды.
 Ушла беда далеко в тыл —
 и, смотришь, друга след простыл.
 И снова не слышать о нем,
 не сыщешь друга днем с огнем.
 Ан нет!

Звонок издалека:

— Здоров?!
 — В порядке.
 — Ну, пока!

Чудаковат мой друг. Так что ж!
 Зато он явственно похож
 на долгожданный ветер в зной,
 на благодатный дождь грибной,
 на исцеляющий покой,
 на огонек в ночи глухой.

День поэзии 1973

Братская песня

Катит Волга волны голубые
в бурный Каспий, к южному
теплу.
Держит путь свой матушка
Россия
на Баку, на солнечный Баку.

Хочется ей теплый край
проведать,
смуглых братьев ласково обнять,
сока виноградного отведать,
слово задушевное сказать.

Хочется России всесторонне
распознать прославленную знать,
посмотреть на чудо Апшерона
и себя, конечно, показать.

Ой ты, ширь, каспийское
приволье!
Хочется России погостить,
разделить с южанами застолье
и к себе на Волгу пригласить.

День поэзии 1973

Лариса ВАСИЛЬЕВА

* * *

Тайна раскрыта случайно.
Радость открытия — миг.
Не улыбнется печально
рядом возникший двойник,
мудрый, лукавый, холодный,
все понимающий бес,
от сновиденья свободный;
выгода, цель, интерес —
все ему ныне подвластно.
Холод пронзил торжество.
Как это было прекрасно —
не понимать ничего.

День поэзии 1973

Эвакуация

(Воспоминание детства)

Бегут, как овечки, теплушки,
коровой ревет паровоз,
летят серебристые стружки
с пристанционных берез.

Какое хорошее лето,
смешное поют провода.
Я еду, я еду, я еду
и даже не знаю — куда!

Как низко летят самолеты,
над поездом вьются они,
я, кажется, вижу пилотов:
— Эй, ты, дурачок, догони!

А ну, поднажми-ка немножко,
меня не догнать все равно! —
Веселое слово «бомбешка»,
с картошкой схоже оно.

Вся в дырочках крыша, как сито.
Не страшно мне — мама со мной.
Неведеньем детства прикрыта
я, как неприступной стеной...

Недавно одна кинолента
войной опаленного дня
с отчетливостью документа
вернула в то время меня.

И время разверзлось, как яма,
и ночи волна наплыла,
и страшно подумать, что мама
на волос от смерти была.

День поэзии 1974

Голос героини

В океане стою, на мели.
Волны бьют, а убить не вольны.
Я — горячая точка Земли.
Мне закрытые дали видны.

На исходе столетья миры
замыкают истории круг.
Окончание старой игры
все во власти стремительных рук.

На три цвета разбившийся свет,
на два мира расколотый пласт
наконец-то раскроет секрет:
кто же прав? И героям воздаст.

И взлетят перекрестья путей
над открывшейся истиной дня, —
но ценою напрасных смертей,
но ценою большого огня.

Пусть! Любая цена не цена,
Привыкать ли идти на костер!
Ах, далекий огонь из окна,
он нам светит с невиданных пор:
это мать запалила его.
То любимый случайно зажег.
Хорошо ли в костре?
Ничего...
Свет в окне — одинокий ожог.

Я — горячая точка Земли,
я предчувствую сильный толчок,
то не кони взлетают в пыли,
это бьет электрический ток,

это вверх с океанского дна
Атлантида восходит. Куда?!
О, несет нам погибель она —
захлестнет человека вода.

И — напрасно горела в аду,
не сгорела — напрасно жива,
чтоб увидеть такую беду
по закону Ее Естества...

Я — горячая точка Земли,
не боюсь катаклизмов Ее, —
не одни ль это силы зажгли
пламя солнца и сердце мое?

Я боюсь — не погасло б оно,
материнское окно.

День поэзии 1978

Петр ВЕГИН

* * *

Куда ты, Музыка, куда?
Куда ты, Муза? Может, следом
за женщиной — вниз, навсегда,
не удостоивши ответа?

Неужто слабнут наши узы
и неужели справедлив
единовременный разрыв
с любимой женщиной и Музой?!

Твои запястья обхватив,
я спрашиваю молчаливо:
«Уж если ты несправедлива,
то кто на свете справедлив?»

Пускай несправедлива та,
с чьей русой своенравной прядки
пошли все в жизни беспорядки
и прекратилась простота.

Зачем ты, Музыка, зачем
не удостоишь каплей влаги
меня, смятенного, бумаги
мятежные листы? Зачем

ты так безжизненно мертва?
Неужто впрямь невероятно
ту женщину вернуть обратно
священной силою стиха?

День поэзии 1971

Арон ВЕРГЕЛИС

На обратном пути из Америки

Аэропорт покинув, наша птица
Взлетела в небо выше облаков.
Кто, господи, мне скажет, где граница —
Здесь, в небе, — где граница двух
миров?

Нет в лайнере деленья территорий.
Для всех уютен самолет и чист.
Я — коммунист, ты — очевидно, тори.
Католик — этот, ну, а тот — нацист.

Лишь в синем небе может быть такое,
 Да в сказках мы читали о таком —
 Был Белый дом недавно подо мною,
 А скоро пролетим мы над Кремлем.
 Спор о прическах, об удобстве кресел, —
 Как будто темы не найти иной.
 А там, внизу, идет под нами крейсер,
 Орудия направив на Ханой.
 Один на крейсер посмотрел, зевая,
 Другой —

как будто целятся в него.
 Вот тут-то и границу ощущаю
 Я мира твоего и моего.

Перевел с еврейского П. Градов

День поэзии 1972

Евгений ВИНОКУРОВ

Жена

Она жена моя.
 Нет, не невеста.
 Она жена.
 Она встает чуть свет.
 Она в смятенье не находит места,
 Когда меня с работы долго нет.

Шла девочка
 Со мной когда-то, где-то.
 Беспечная.
 Мы плыли по реке...
 Пять лет уже ночами до рассвета
 Моя жена спит на моей руке.

Она жена моя,
 Нет, не подруга.
 Она жена.
 Рот молчаливо сжат.
 Коль плохо мне — два черных полукруга,
 Печальные, у глаз ее лежат.

Шла девочка со мной.
 Над нами лютой
 Пылала полночь
 Лунной красотой...

Мою жену с той девочкой не спутай.
 Я девочки совсем не знаю той.

День поэзии 1956

* * *

Художник, воспитай ученика.
 Сил не жалея его ученья ради.
 Пусть вслед твоей ведет его рука
 Каракули по клеточкам тетради.

Пусть на тебя он взглянет свысока,
 Себя на миг считая за провидца.
 Художник, воспитай ученика,
 Чтоб было у кого потом учиться.

День поэзии 1961

* * *

Вот меня отпустили заботы
 посредине июньского дня.
 Ощущение тихой свободы
 посетило сегодня меня...
 Слышал я: где-то птицы пропели!..
 От святой пустоты бестолков,
 словно небо увидел в пробеле
 расступившихся вдруг облаков.
 А всего-то пустячное дело!..
 Я под небом до вечера был.
 Просто память моя отлетела...
 Просто я свою жизнь позабыл.

День поэзии 1975

Цветок

Забудем ли обои,
 что ведь не без труда
 придирчиво с тобою
 мы выбрали тогда?..

Теперь такие редки —
 не модные чуток:
 внутри лиловой клетки
 голубенький цветок!

Каморка как каюта,
 и вот приятно мне
 от милого уюта,
 от клеток на стене.

...К чему теперь вопросы?
 Сморкаешься в платок,
 и видится сквозь слезы
 тот голубой цветок.

День поэзии 1975

Из цикла «Мифы»

Мысль

...враги филистерства, то есть все
мыслящие и страдающие люди.

К. Маркс

Иоанн постиг умом софиста:
истина сурова и проста
в час, когда открыл он триединство
в белоснежном облике Христа.
От копья еще саднила рана.
Люди еще жили наобум.
С той поры по воле Иоанна
связаны страдание и ум!..
Проходя неуволимой гранью,
человек берет за пядью пядь,
подчинясь священному желанью
в этом мире мыслить и страдать.

Кафе

Я видел раз в простом кафе нарпита,
как человек корпел над холодцом,
трагическую маску Эврипида
напоминая сумрачным лицом.
И видел, как, быть может, взявший ссуду
и к чашке кофе заказавший ром,
сидел старик, похожий на Иуду,
подсчитывая сдачу серебром.
А раз видал, взяв порцию салата
и взглядом обведя жужжащий зал,
как человек массивным лбом Сократа
на столике неубранном лежал.

День поэзии 1979

Сергей ВИКУЛОВ

«Авось!»

Уж это наше русское «авось»!
Не честь, издевок сколько да насмешек
за тыщу лет из-за него нам, грешным,
со стороны услышать довелось!
Мы на «авось» вбивали в стену гвоздь,
пахали,
выходили на охоту...
О господи, какую мы работу
не начинали только на «авось»!

И очертя головушку то вниз
летели мы, то вверх —
судьбу пытали,
ее капризу противопоставив
души смятенной собственный каприз.
...Смеяться над «авось» —
ты это брось!
Отвага. Непокой. Игра в удачу.
И риск еще. И дерзость!..
Вот что значит
от века наше русское «авось»!
С рождения — болота да леса
в глаза нам. Мы не баловни природы.
Нет хуже нам — ждать у моря погоды:
«Авось!» — и поднимаем паруса.
Кто первым встал —
тому хвала и честь!
Нет злей для нас и нет жесточе муки
сидеть, когда прижало, сложа руки,
смириться и оставить все, как есть!
Такой уж нрав с рождения у нас!
Мы ищем не «нельзя» во всем,
а «можно»!
Мы в деле, даже самом безнадежном,
всегда «авось!» имеем про запас!

День поэзии 1976

Поэт

Поведай тайну, мне Природа:
ты, в черед бегущих лет,
зачем кого-то из народа
венчаешь званием — Поэт?

И наделяешь даром скорби
и ликования, любя?..
И мне ответил голос горний:
— Затем, чтоб выразить себя.

Поэт — мой слух. Поэт — мой голос.
Он говорит — я говорю.
Поэт — мой самый спелый колос
из тех, которые творю.

И самый хрупкий и ранимый,
и самый твердый... Если ж — нет,
ищи ему другое имя —
любое! — это не Поэт.

День поэзии 1977

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Плач по двум нерожденным поэтам

Аминь.

Убил я поэму. Убил, не родивши. К Харонам!

Хороним.

Хороним поэму. Вход всем посторонним.

Хороним.

На черной вселенной любовниками отравленными
лежат две поэмы,

как белый бинокль театральный.

Две жизни прижались судьбой половинной —
две самых поэмы моих

соловьиных!

Вы, люди,

вы, звери,

пруды, где они зарождались в Останкине, —

встаньте!

Вы, липы ночные,

как лапы в ветвях хиромантии, —

встаньте,

дороги, убитые горем,

довольно валяться в асфальте,

как волосы дыбом над городом,

вы встаньте.

Раскройтесь, гробы,

как складные ножи гиганта,

вы встаньте —

Сервантес, Борис Леонидович, Данте,

вы бы их полюбили, теперь они тоже останки,

встаньте.

И вы, член президиума товарищ Гамзатов,

встаньте,

погибли поэмы, незаменимо это,

и это не менее важно, чем речь на торжественной дате,

встаньте.

О, как ты хотела, чтоб сын твой шел чисто и прямо,

встань, мама.

Вы встаньте в Сибири,

в Париже, в глухих городишках,

мы столько убили в себе, не родивши,

встаньте.

Ландау, погибший в бухом лаборанте,

встаньте,

Коперник, погибший в Ландау галантном,
 встаньте,
 вы, девка в джазбанде,
 вы помните школьные банты?
 Встаньте.
 Геройские мальчишки вышли в герои, но в анти,
 встаньте
 (я не о кастратах — о самоубийцах,
 кто саморастратил
 святые крупички),
 встаньте.
 Погибли поэмы. Друзья мои в радостной панике —
 «Вечная память!».
 Министр, вы мечтали, чтоб юнгой в Атлантике плавать,
 вечная память,
 громовый Ливанов, ну где ваш несыгранный Гамлет,
 вечная память,
 где принц ваш, бабуся? а девственность можно
 хоть в рамку обрмить,
 вечная память,
 зеленые замыслы, встаньте, как пламень,
 вечная память,
 мечта и надежда, ты вышла на паперть?
 вечная память!..
 Аминь.
 Минута молчанья. Минута — как годы.
 Себя промолчали — все ждали погоды.
 Сегодня не скажешь, а завтра уже не поправить.
 Вечная память.
 И памяти нашей, ушедшей, как мамонт,
 Вечная память!..
 Аминь!..
 Тому же, кто вынес огонь сквозь потраву, —
 Вечная слава!
 Вечная слава!

День поэзии 1966

Васильки Шагала

Лик Ваш — серебряный, как алебарда.
 Жесты легки.
 В Вашей гостинице аляповатой
 в банке спрессованы васильки.
 Милый!
 Вот что Вы действительно любите!
 С Витебска ими раним и любим.

Дикорастущие сорные тюбики
 с дьявольски
 выдавленным
 голубым!

Сирий цветок из породы репейников,
 но его синий не знает соперников.
 Марка Шагала,
 загадка Шагала —
 рупь у Савеловского вокзала!

Все из пластика — даже рубища,
надоело жить очерково.
Нас с тобою не будет в будущем,
а церковка...

И когда мне хохочет в рожу
идиотствующая мафия,
говорю: «Идиоты — в прошлом.
В настоящем — рост понимания».

Хлещет черная вода из крана,
хлещет рыжая, настоявшаяся,
хлещет красная вода из крана,
я дождусь — пойдет настоящая.

Что прошло, то прошло. К лучшему.
Но прикусываю как тайну
ностальгию по настоящему,
что настанет, да не застану.

День поэзии 1976

Сага

Ты меня на рассвете разбудишь,
проводить необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь.
Ты меня никогда не увидишь.

Заслонивши тебя от простуды,
я подумаю: «Боже всевышний!
Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

Эту воду в мурашках запруды,
это Адмиралтейство и Биржу
я уже никогда не забуду
и уже никогда не увижу.

Не мигают, слезятся от ветра
безнадежные карие вишни.
Возвращаться — плохая примета.
Я тебя никогда не увижу.

Даже если на землю вернемся
мы вторично, согласно Гафизу,
мы, конечно, с тобой разминемся
Я тебя никогда не увижу.

И окажется так минимальным
наше непониманье с тобою
перед будущим непониманьем
двух живых с пустотой неживою.

И качнется бессмысленной высью
пара фраз, залетевших отсюда:
«Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

День поэзии 1977

Игорь ВОЛГИН

* * *

Ты гнал, губитель мой прелестный.
Ты даже не притормозил.
И сразу свет померк небесный
и свет вечерний засквозил.

Я взмыл без видимых отметин
среди бензиновых паров —
уже фактически бессмертен,
еще практически здоров.

И ангел в облаке пунцовом
уже склонялся надо мной —
там,
на шоссе,
за Одинцовом,
у поворота в мир иной.

...Я покидал вас без печали,
в беспамятстве, не помня зла.
Но душу слабую держали
отец и мать — за два крыла.

Они вцепились, как умели,
не разбирая — что зачем.
И тем душа держалась в теле,
и больше, кажется, ничем.

И если б даже без оглядки
она отправилась туда,
то след от этой мертвой хватки
с нее не стерся б никогда.

День поэзии 1973

Максимилиан ВОЛОШИН

1877—1932

Доблесть поэта

Править поэму, как текст заокеанской депеши:
 Сухость, ясность, нажим, начеку каждое слово.
 Букву за буквой врубать на твердом и тесном камне:
 Чем скупее слова, тем напряженней их сила.
 Мысли заряд волевой равен замолчанным строфам.
 Вытравить из словаря слова: «Красота», «Вдохновенье» —
 Подлый жаргон рифмачей... Творцу же поэту — понятия:
 Правда, конструкция, план, равносильность, сжатость и точность.
 В трезвом, тугом ремесле — вдохновенье и честь поэта:
 В глухоманном веществе заострять запредельную зоркость.

1925

День поэзии 1971

* * *

Мир — лестница, по ступеням которой
 Шел человек.
 Мы осязаем то,
 Что он оставил на своей дороге.
 Животные и звезды — шлаки плоти,
 Перегоревшей в творческом огне;
 Все в свой черед служили человеку
 Подножием,
 И каждая ступень
 Была восстаньем творческого духа.

1923

День поэзии 1971

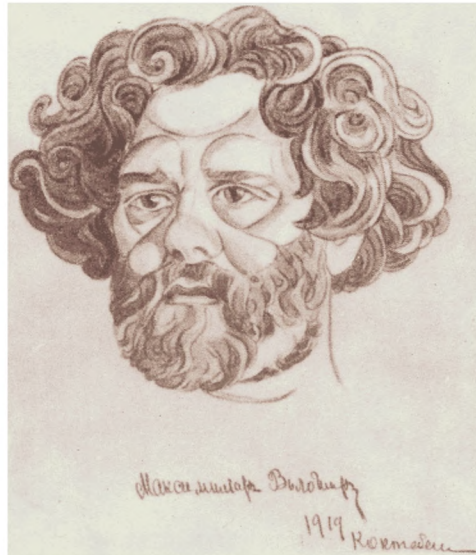
Цеппелины над Парижем

Весь день звучали сверху струны
 И гуды стерегущих птиц.
 А после ночь писала руны,
 И взмахи световых ресниц
 Чертили небо. От окрестных
 Полей поднялся мрак и лег.
 Тогда в ущелья улиц тесных
 Заголосил тревожный рог...
 И было видно: осветленный
 Сияньем бледного венца,
 Как ствол дорической колонны,
 Висел в созвездии Тельца
 Корабль... С земли взвивались змеи,

Высоко бил фонтан комет
 И гас средь звезд Кассиопей.
 Внизу несомый слабый свет
 Строений колыхал громады;
 Но взрывов гул и ядр поток
 Ни звездной тиши, ни прохлады
 Весенней — превозмочь не мог.

Париж, 22 марта 1915 г.

День поэзии 1971

М. Волошин. Автопортрет.

Я уснул за рулем.
Я давно разомлел до зевоты.
Ущипнуть себя за ухо
или глаза протереть?
И в машине с собой
я увидел сержанта пехоты.
«Ишь, трофейная пакость, —
сказал он. — Удобно сидеть».
Мы поели с сержантом
домашних котлет и редиски.
Он опять удивился:
откуда такое в войну?
«Я, браток, — говорит, —
восемь дней, как позавтракал в Минске.
Ну, спасибо. Езжай!
Будет время — опять загляну».
Он ушел на восток со своим поредевшим отрядом.
Снова мирное время
в кабину вошло сквозь броню.
Это время глядело
единственной женщиной рядом.
И она мне сказала:
«Устал? Отдохни — я сменю».
Все в порядке. На месте.
Мы едем к границе. Нас двое.
Тридцать лет отделяет
от только что виденных встреч.
Вот забегали щетки —
отмыли стекло лобовое.
Мы увидели знаки, что призваны предостеречь.
Кроме редких ухабов,
ничто на войну не похоже.
Только лес — молодой,
да сквозь снова налипшую грязь
Два огромных штыка
полоснули морозом по коже
Остриями —
по-мирному — кверху,
а не накренься.
Здесь, на трассе прямой,
мне, не знавшему пуль, показалось,
Что и я где-то здесь
довоевывал невдалеке.
Потому для меня
и шоссе, словно штык, заострялось,
И лохмотия свастик
болтались на этом штыке...

Николай ГЛАЗКОВ

1919—1979

* * *

Писатель рукопись посеял,
Но не сумел ее издать.
Она валялась средь Расеи
И начала
 произрастать.

Поднялся рукописи колос
Над сорняковой пустотой.
Людей громада раскололась
В признание рукописи той.

Одни кричали:
 — Это хлеб,
И надо им засеять степи. —
Другие — что поэт нелеп
И ничего не смыслит в хлебе.

1942

День поэзии 1981

Ворон

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась,
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, черный час.

Я спросил его: — Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда,
Все же буду я любимым? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — Невзгоды часты,
Неудачник я всегда.
Но друзья добьются счастья? —
Он ответил: — Никогда!

И на все мои вопросы,
Где возможны «нет» и «да»,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным НИКОГДА!..

Я спросил: — Какие в Чили
Существуют города? —
Он ответил: — Никогда! —
И его разоблачили!

День поэзии 1973

* * *

Жить и жить полезней и прелестней,
Чем лекарства смерти принимать.
После продолжительной болезни
Жить и жить мне хочется опять.

Живописны яблони и вишни,
И, беспомощно ложась в постель,
Жить и жить хочу во имя жизни:
Жизнь — не средство, это самоцель!

Увяданье, замерзанье грустно,
Радостно цветение цветка.
Жизнь —

 это искусство для искусства,
Смело устремленное в века!

День поэзии 1979

Рисунок Ильи Глазунова.

Как в сухой, обожженной Алушке,
виноградною шерстью увит,
дом в бараньем стоит полушубке,
прямо в нищую душу глядит.

Разжигает не окна, а розы,
проливает не кровь, а вино,
и зеленые свищут стрекозы,
размозжив слуховое окно.

Растревожив такие заклатья,
столько слез на глухом берегу...
Это серое юное платьё
я на черный твой день берегу.

Расстелю для последней забавы,
перечту черновые грехи...
В эти алые перышки славы
положите мне ветку ольхи.

Я любила ее при дороге,
где грачами взлетают кресты.
Что ты — бледный
торчишь на пороге:
это — я, это я, а не ты!..

Я одна к черноротому югу
пролечу, распушив полотно,
и, впряжась в эту душную вьюгу,
постучу в слуховое окно...

День поэзии 1976

Александр ГОВОРОВ

Под звездой вечерней

Вот и зима за летом
Медленно прикатила.
Шел за тобою следом,
Слушал, а ты говорила:
— Любишь или не любишь,
Обманешь или не обманешь.
Лучше найдешь —
Забудешь,

Хуже найдешь,
Вспомнешь... —
И под звездой вечерней
Так неуютно было,
Словно со всей Вселенной,
А не со мной говорила:
— Сейся, снежок,
Да сейся,
Рассеивайся по полю.
Зла не держу на сердце,
Лишь сожаленье с болью.
Знаешь,
Ну, если не любишь,
Сердце свое не обманешь:
Лучше найдешь —
Забудешь,
Хуже найдешь —
Вспомнешь.

День поэзии 1976

Дмитрий ГОЛУБКОВ

1930—1972

Твое лицо

Сверкнуло,
усмехнулось — и
Вверх,
за угол, в снега и ветер...
И вниз спускаюсь в забытье —
Еще не понял, не ответил.
«Стоит как столб»!
Как столб, да, да...
И вдруг, очнувшись —
первым к двери,
По эскалатору — туда,
Наверх... Найду ли? Верю, верю.
И задыхаюсь, и бегу
За ней, под небеса, наружу.
Я клок толпы. Мечусь в снегу —
Настигну, окружу, завьюжу!
Лицо.
На всю толпу — одно,
На всю судьбу одно, как солнце,

Распахнутое в синь окно
 Взамен подвального оконца!
 Темно я жил, лукаво жил,
 Несмело всматривался в лица.
 Я переулками кружил,
 Мечтая к площади пробиться.
 И вот — внезапно письмо,
 Конверт сорвавшей,
 как рубашку, —

Лицо...
 И охнула зима,
 Москва как шуба — нараспашку!
 Заброшен в темный снегопад
 И ветром свищущим подхвачен,
 Я появляюсь невпопад
 Среди компаний, сборов, складчин.

Все не по мне. Я никому
 Не ко двору. Шучу никчемно.
 Что говорят мне? Не пойму.
 Чему учили? Не припомню.

Ушла, завевя снегом след,
 В метельном многолюдье смерклась.
 Но в сердце бьет высокий свет,
 Поет очнувшаяся смелость.

День поэзии 1966

Все очень просто —
 И вот он выше,
 Чем честь поэта!
 А вот тупое
 Лицо убийцы и негодяя,
 Берется скальпель —
 И на портрете
 Душа родная.
 Я ненавижу ретушеров
 Дневного света, —
 Они надеть готовы маску
 На всю планету.
 А мы?
 Мы плачем и смеемся —
 Питомцы света.
 Родней
 Без лишних украшений —
 Для нас планета.
 Ты землю как ни ретушируй,
 Земля — землю...
 Ты знаешь правду,
 Она, как сердце,
 Всегда с тобою.

День поэзии 1956

Виктор ГОНЧАРОВ

Я ненавижу

Я ненавижу ретушеров,
 Страшнее нету,
 Чем их работа —
 За деньги правду
 Сживать со света.
 Ребенок плачет,
 Но скальпель хитрый
 Всегда добьется,
 И этот мальчик
 На радость миру
 Вдруг улыбнется.
 Вон коротышка —
 Не вышел ростом,
 Неважно это,

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

1884—1967

I

Дворец съездов

Средь древних стен дворец необычайн.
 Из белизны металла и стекла,
 Презрев земного тяготенья тайны,
 Архитектура дерзко возвела.

«В Кремле священном — это гость
 случайный!» —
 Залетный вздох летит из-за угла.
 С улыбкой дружной смотрят в свод
 бескрайний
 Ивана шлем, Успенья купола.

Тут Казаков, а там Фиоравенти —
Пестрит история, как в киноленте.
Но Кремль в своем единстве величав.

Не так ли нашу родину народы,
Различные в быту и от природы,
Навек сплотили в нерушимый сплав?

II Гомер

Его глазам сияли небеса,
Оружья блеск и сладострастье быта.
Эллады милой юная краса
Ему была пленительно открыта.

Но тесно было тайным думам в нем
О дерзком, богоравном человеке.
И вот Афина розовым перстом
Певцу закрыла трепетные веки.

— Ты видел всю земную красоту,
Теперь тебе дарю я слепоту,
Чтоб жизнь народа песней осветилась!

Его душа взметнулась, как орел.
Он посох взял и в даль веков пошел,
Богиню славя за любовь и милость.

День поэзии 1962

Юрий ГОРДИЕНКО

* * *

Пахнет грибами тундра,
мхами и красноталом.
Под северным бледным небом —
вода, гранит и вода...
Я еду на юг с товарищем,
с приятелем еду старым.
Мелькают в окне вагона
села и города.

Гипсовый пограничник
буфет стережет на станции.
Гипсовая доярка
маячит у сельсовета.

В пачке и на пуантах
летит над газоном в танце
к оперному театру
гипсовая Джульетта.

Гипсовые Венеры,
гипсовые Гомеры,
гипсовые пионеры,
словно в больничном сне...
Не взявшая полной мерой,
не давшая полной мерой,
рука художника в гипсе
висит на черной тесьме.
Глыбы гранита и мрамора,
обросшие серым ягелем,
его провожают к морю
с каменной тоской...

Я еду на юг со скульптором,
я еду в купе с ваятелем.
Он едет лечиться и держит
коньяк своей левой рукой.

День поэзии 1962

Бык

Он был красив
и там, у проруби,
боднувший рогом снежный наст.
Светилось небо
в тусклом олове
его тяжелых мертвых глаз.
Следы вокруг
снежок заваливал,
студил простреленный висок...
Из ляжки ножиком на варено
был кем-то выхвачен кусок —
все, что война из этой туши,
убийством сытая,
взяла...

В шинели кутаясь от стужи,
мы мимо шли.
Метель мела.

День поэзии 1963

Николай ГРИБАЧЕВ**Воспоминание об отступлении
с одной высоты**

Я отступал. Так было надо. Но
Из памяти не спишешь, как со склада,
Чужие танки под костром заката
И серый снег — на саван полотно.

Потом я был в тепле, здоров и сыт,
И через сутки все на место стало,
И только совесть воздух ртом хватала —
Как в омут шла. И жег мне щеки стыд.

И часто к ночи, перед тем, как спать,
Мне шепчет память грустно и тревожно:
Высот, где закрепиться невозможно,
Не занимай, чтоб не катиться вспять.

День поэзии 1967

Суть

В свой срок, для критиков незримый,
В тревожной духоте ночей
Терзался я, гонясь за рифмой,
Чтоб половчей да побойчей.

Я слова каждого особость
Стократ исследовал сполна —
Играй ворсистой, как соболь,
Звени, как струйка и струна,

Будь самоцельно, самоправно,
Когда твоя придет пора,
Витым дымком, клочком тумана
Стекай с неспешного пера,

Аукайся из дальней дали,
Шепчи былинкой у реки,
Чтоб после «Ну, мастак!» сказали
Ценители и знатоки.

Потом, что в общем-то не ново,
Узнал, как стал покруче путь, —

Для смысла существует слово,
Для созиданья. В том и суть!

Его деаньем стать усилья,
А не в подпевку бубенцам,
Дают мечте и песне крылья,
Язык — любви, огонь — сердцам!

Оно, порой от мук кричащее,
Идет под пули и ножи,
Оно в суде лежит на чаше
При искре правды против лжи.

И, не приемля сожаления,
Признаться должен, что тройне
Мучительней и тяжелее
Теперь слова даются мне!

День поэзии 1974

Поклажа

Что — искусство? Разновидность
блажи?

Времени досужный перевод?
Бесполезной на спину поклажи
Род людской в дорогу не берет.

Ни к чему тащить по круче горной, —
Нотой будь он, полотном, строкой, —
Груз, для дела жизни непригодный,
Клад, что станет к вечеру трухой.

Отметутся те штрихи и знаки,
Что, хоть и затейливы весьма,
Неспособны свет родить во мраке,
Жар для сердца, пламень для ума.

Но уж тем, что не на час —
в забаву, —
Как весна просторы — соловью,
Человечество вверяет славу,
Мудрость выстраданную свою,

Кто там?

...Багрицкий идет по панели
почему-то в обмотках, в шинели,
почему-то с нашивками за раненья.

И я столбенею в недоуменьи.

Два человека стоят и молчат.

...Мальчики ласточек бьют и галчат.
Вечер для мальчиков —
дымен и чуден.

Нет, это Юдин!

 Приятель мой, Юдин!

С Толькой расстались мы в первые дни.
Столько скитались
и столько страдали!

Там

от разрывов туманились дали.

...Два киевлянина, два чернобровых
ночь коротают на Воробьевых.

2

В Новодевичьем —
любовные сцены.

В Новодевичьем —
косят сено.

В Новодевичьем —
черный гранит,
в камнях и травах Багрицкий лежит.

Два человека стоят и молчат.

...Мальчики в гнездах находят галчат.
Утро для мальчиков —
ясность какая!

И сторожа им во всем потакают.

3

Буду я мертвым поэтом,
малы
станут рецензии, оды и стансы.

Большей не надо мне похвалы,
если мне скажут солдаты:

 «Останься

с нами в тот вечер,

 когда на углу

встретимся после весток о смерти...»

4

...Мальчики ящериц на лугу
ловят.
И девочкам дарят в конверте.

День поэзии 1956

Фотография весны 1941 года.

Публикуется впервые.

Во хмелю

Год один,
 год второй...
 Но забыть не вправе
 Годонин —
 под горой,
 Город на Мораве.

Как входили туда,
 как встречал нас город.
 Все забудешь города,
 Годонин —
 не скоро.

Все идет ходуном.
 В ус никто не дует.
 Над бочонком с вином
 девушка колдует.

Барабан и труба
 прибыли из клуба.
 Голубая трава
 и зеленый купол,

Фиолетовый хлеб,
 розовое пиво.
 Я оглох.
 Я ослеп.
 Я совсем счастливый!

Нет меня!
 Где-то сплю.
 Может, под возами.
 Я вас очень люблю
 с разными глазами.

Белоснежный один,
 а другой оранжев.
 Годонин, Годонин!
 Жаль, что не был раньше.
 Пьян солдат.
 Вот беда,
 выпил после боя.
 Завтра будет,
 как всегда,
 небо голубое...

День поэзии 1956

Владимир ДАГУРОВ

* * *

А памятник не нужен, нет, —
 Раздавит он скелет мой грешный!

Франсуа Вийон, «Рондо»

Влюбленные целуются на кладбище.
 Они пришли на кладбище,
 как в парк.

Им вовсе не напоминают ландыши
 про чей-то захороненный здесь прах.
 И с обнаженной грудью, краснощекая,
 бесстыжая от счастья и любви,
 девчонка смотрит,

 как свистя и шелкая
 качаются на ветках соловьи.
 Они поют из заросли сиреневой,
 и чудится опять ему и ей —
 перемывает камешки

 серебряный
 в том соловьином горлышке ручей.
 На черных крыльях с желтой оторочкой
 садится на ромашку, как на трон,
 царь бабочек —

 надменно-осторожный,
 усами шевелящий махаон.
 И ящерка, под лопухами ползая,
 хоть с самого роженья здесь живет,
 уверена вертлявая, что по лесу,
 а вовсе не по кладбищу ползет.
 Но горе вы перебороть сумеете,
 прислушайтесь к бнению сердец:
 здесь все напоминает не о смерти —
 о жизни все напоминает здесь.
 И мертвые когда-то тоже жили,
 влюблялись, целовались и, кажись,
 за то лишь только головы сложили,
 чтоб продолжалась

 на планете
 жизнь!

И вижу я —
 среди надгробий мраморных
 над беспробудно спящими людьми
 он и она —
 как самый лучший памятник —
 живое изваяние любви!

День поэзии 1966

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

* * *

Мне кажется, что все еще вернется...
хотя уже полжизни позади.
А память нет да нет и обернется,
как будто знает в прошлое пути.

Мне кажется, что все еще вернется
и чуда я когда-нибудь дождусь...
Погибший брат на карточке смеется,
а брату я уже в отцы гожусь.

Мне кажется, что все еще вернется,
как снова быть июню, январю.
Смотрю в былое,
как на дно колодца.
А может быть, в грядущее смотрю?

Мне кажется, что все еще вернется.
Что время — просто хитрая игра.
Оно числом заветным обернется,
и жизнь начнется заново с утра.

Но возвратиться прошлое не может.
Не оттого ль мы так к нему добры?
И каждый день,
что пережит иль прожит,
уже навек выходит из игры.

День поэзии 1971

* * *

Поэзия жива своим уставом.
И если к тридцати не генерал,
хотя тебя и числят комсоставом,
но ты как будто чей-то чин украл.

Неважно, поздно начал иль рано.
Не все зависит от надежд твоих.
Вон тот мальчишка —
в чине капитана,
а этот старец ходит в рядовых.

Тут ничего, пожалуй, не исправишь.
А может, и не надо исправлять.
Одни бегут годами к трудной славе.
Другим всего-то — перейти тетрадь.

День поэзии 1976

Олег ДМИТРИЕВ

* * *

Уходит старая Москва,
Как нянька старая из дому,
Где поколенью молодому
Пора вступать в свои права.

Куда как много стали знать,
Постигли мудрые науки —
Забыли нянюшкины руки,
А сказки стыдно вспоминать!

Служила честно, как могла,
О дорогих своих радела,
Да молодые то и дело
Тиранить стали — не со зла...

Опять сказала невпопад,
Опять замешкалась в столовой, —
Выходит, что у жизни новой
Свои законы, свой уклад.

А за спиной — то вздох, то смех:
Из пальцев выскользнула чашка...
И, в уголке всплакнув, бедняжка
Прощается, прощая всех.

Еще немножко поживет
В Волоколамске иль в Калуге,
Забудутся ее заслуги
Средь нарастающих забот.

И все же лучший из детей
Очнется ночью, чтобы снова
Услышать нянюшкино слово
Над колыбелью своей.

День поэзии 1972

Ваня Курский

Памяти Петра Алейникова

Вот так — по-московски
Слова говоря нараспев,
Без той папироски
Товарищи шли на расстрел.

С такой же печалью
На бледном, на узком лице
Рассветы встречали,
Заняв рубежи на Донце.

Вот так же, пристроив
Пленительный чубчик на лбу,
Не числясь в героях,
Встречали
Беду и судьбу.

С такой же улыбкой,
С упрямым мальчишеским ртом
Европе великой
Вернули свободу потом.

Вот так же в смущенье
Они говорить не могли,
Когда в восхищенье
Глядело на них пол-Земли.

С таким же подвохом,
С приятным не всем юморком,
Причастны к эпохам,
Шли снова своим городком, —

Как тот —
Моложавый,
Кому похвалы не нужны.
Любимец державы
За год или два до войны...

День поэзии 1975

Современнику Вийона

Что слышал ты о Франсуа Вийоне?
Он — сутенер, обманщик,
вор в законе:
Обчистил церковь, избежал погони,
Учил дурному глупых школяров,
В пороке млея,
как косточка в бульоне...
О, ты не зря к Вийону был суров!

Еще не все!

Он заколол монаха
И виселицы ждал, дрожа от страха,
Висел на дыбе — только бы не плаха! —
Рыдая, падал в ноги палачу,
Кутил, не отряхнув одежд от праха...
О, как ты прав:
«С ним знаться не хочу!»

Еще он сочинял стишки срамные,
Их распевали пьяницы смурные.
(А то, что за творения иные
Он герцогом был щедро награжден,
Не обелило дни его шальные...)
Ты прав: ужасен Франсуа Вийон!

Но божий суд настиг бродягу скоро:
Его казнили после приговора —
Повис в петле, не избежал позора!
(Вот слух другой: что негодяй Вийон
Был ночью принят за другого вора
И умерщвлен такими же, как он!)

И все же мир толкует о Вийоне —
Не о тебе, не о твоей персоне,
Заботившейся о хорошем тоне, —
От этого сойдешь ведь, брат, с ума!
Кого ж теперь винить в таком уроне?
Себя? Весь мир?

Беднягу Франсуа?

День поэзии 1972

Казахстанцы-гвардейцы закрыли
В обороне опасную брешь.

Чем закрыли? А разве не ясно?
Телом трепетным, кровью живой.
Оставалось до площади Красной
Пятьдесят километров всего.

Политрук по фамилии Диев,
Поднимаясь и рушась опять,
Прохрипел, что за нами Россия,
Только некуда нам отступить.

Эта клятва над фронтом звучала,
Предвещая спасенье Москвы
И советской победы начало,
Даже если гвардейцы мертвы.

28 погибших героев —
Кто не знает легенды о них?
Но недавно открылось, что трое
В том сраженье остались в живых.

Их, обугленных, взяли оттуда,
По три года лечили потом,
Это вписано было как чудо
В хирургической практики том.

Утверждаю, что их воскрешенье,
Не нарушив легенды ничуть,
Возвеличило, как подтвержденье,
28 — и подвига суть.

А панфиловцы, те, что живые,
Трое, с лицами в сетке морщин,
Проживают на периферии,
Появляются в дни годовщин:

Перед юностью новой несметной
Стать гвардейская, сдержанный жест.
Как орлы на курганах бессмертья,
На дощатых трибунах торжеств.

Николай ДОРИЗО

* * *

О, как ты поздно,
 молодость,
 пришла.
Почти на тридцать лет
 ты опоздала.
Всю жизнь мою
 тебя мне не хватало...
О, как ты поздно,
 молодость,
 пришла!
Зачем пришла ты
 именно теперь,
Зачем так жадно
 чувствую тебя я,
Не только обретая,
 но теряя,
Как самую большую
 из потерь!
Я вроде был когда-то молодым,
Но мог ли быть я
 молодым когда-то
Так истово, так полно, так богато,
Как в эти годы
 ставши молодым?
Познавши цену радостям земным,
Изъездивший почти что всю планету,
О молодость,
 лишь только мудрость эту
Могу назвать я
Именем твоим!
Готов я бить во все колокола,
Приветствуя строкой
 твое явление,
Моя ты гибель
 и мое прозренье,
О, как ты поздно,
 молодость,
 пришла!

Сергей ДРОФЕНКО

1933—1970

Голос

Простите меня, если я приносил вам беду.
 Я в ад не хочу. Мне приятнее в райском саду
 устроиться прочно. Довольно я видел огня.
 Простите меня. Если можно, простите меня.

Устроиться в райском, упрочиться в майском саду.
 Меня вам не видно, но вы у меня на виду.
 А я все безвестней в кругу вашем день ото дня.
 Вы позже. Я раньше. Простите. Простите меня.

На небе седьмом я лежу в исполинской траве.
 Библейские птицы кружат надо мной в синеве.
 Владыка Вселенной ко мне подбежал, семеня.
 Тоскливое счастье. Я умер. Простите меня.

Прости, черновик. Ты остался без главной строки.
 Простите, наставники, юноши и старики.
 Вы были заботливы, душу питомца храня.
 Простите меня. Если можно, простите меня.

День поэзии 1971

Павел ДРУЖИНИН

1890—1965

Ноги

Ноги мои, ноги,
 Ноги — мои кони.
 Многие дороги
 Вы размяли в комья.
 Ноги, мои друзья,
 Вы меня носили
 Сквозь дожди и вьюги
 По полям России.
 Были вы когда-то,
 Ноги, молодыми,
 Топали в Карпатах
 И в огне, и в дыме.
 Сколько вы мозолей,
 Ноги, понабили.

Никакие боли
 Вас не загубили;
 Ни бугры, ни ямы
 Вас не утомляли,
 Шли вы прямо-прямо,
 Вбок не ковыляли.
 В молодую пору
 Не страшны Егорке
 Никакие горы,
 Никакие горки.
 А сейчас от лестниц,
 Ноги, вы устали
 И на ровном месте
 Спотыкаться стали.
 Вам теперь и клюшка
 Помогает мало,
 Вы и на пирушку
 Побредете вяло...

День поэзии 1962

В гостях у солнца

Засмеюсь ли, загрузу я,
Посмотрю ли из оконца, —
Понимаю, что гощу я,
Как и все, в гостях у солнца.

Жизнь дается нам однажды,
С неба звездами пылая.
Хорошо сгореть от жажды,
Все любя и все желая.

На земле живые люди
Пламенеют сердцем ярко,
Никогда нигде не будет
Лучше этого подарка.

Слыша крови голос зычный,
Сотворю я мир в пустыне,
Я, как все, простой, обычный
Человек живой, Дружинин.

И вы, вольно иль неволью,
Мне упрек холодный бросьте,
Я скажу свой гост застольный
На правах земного гостя.

День поэзии 1965

Овсей ДРИЗ

1908—1971

По ту сторону сновиденья

(По народным мотивам)

Платить нечем, перевозчик!
Все равно прошу его:
— Переправь же на ту сторону
Сновиденья моего.

От того, что я услышу
И увижу средь теней,
Я, наверное, не стану,
Перевозчик мой, седей.

Соберу там не подарки
Для знакомых, для живых,
А оплывшие огарки
Свеч печальных восковых.

Это я, Овсей Овсеевич,
Сын местечка,
Веря сну,
Я скатаю все огарочки
В преогромную сосну.

И взвалю ее на плечи
От души, не сгоряча.
И на Эйфелевой башне
Водружу:
Гори, свеча.
Сам без страха, без подсказки
Я зажгу ее в пути.
В память Виленских, Варшавских,
В память Киевских свети!
По подсвечнику пусть слезы
Потекут легко, легко,
Что собрал я по ту сторону
Сновиденья моего.

Перевел с еврейского В. Цыбин

День поэзии 1978

Андрей ДОСТАЛЬ

1925—1972

Поэзия

Мне от песни до песни,
Как от города —
к городу,
Как от проруби —
к проруби,
От межи —
До межи!

Так возьмите ее,
Она стоит
Мне дорого,
Я вложил в нее —
Сердце,
Я вложил в нее —
жизнь!

День поэзии 1956

Юлия ДРУНИНА

О, хмель сорок пятого года!

О, хмель сорок пятого года!
 Безумие первых минут!
 Летит по Европе Свобода —
 Домой каторжане бредут.

Скелеты в тряпье полосатом,
 С клеймами на тросточках рук,
 Бросаются к русским солдатам:
 «Амико!», «Майн фрейнд!»,
 «Мой друг!»

И тихо скандирует Буша
 Его полумертвый земляк,
 И жест, потрясающий душу, —
 Ротфронтровский сжатый кулак...

Игрались последние акты —
 Гремел Нюренбергский процесс.
 Жаль, фюрер, под занавес, как-то
 В смерть с черного хода пролез...

И, жизнь начиная сначала,
 Мы были уверены в том,
 Что черная свастика стала
 Всего лишь могильным крестом.
 И тихо скандировал Буша
 Его полумертвый земляк,
 И жест, потрясающий душу. —
 Ротфронтровский сжатый кулак...

Отпели победные горы,
 Далек Нюренбергский процесс.
 И носятся слухи упорно,
 Что будто бы здравствует Борман
 И даже сам Гитлер воскрес...
 Опять за решеткой Свобода,
 И снова полмира в огне.
 Но хмель сорок пятого года
 По-прежнему бродит во мне!

И тихо скандирует Буша
 Его полумертвый земляк,
 И жест, потрясающий душу, —
 Ротфронтровский сжатый кулак...

День поэзии 1969

Доброта

Стираются лица и даты,
 Но все ж до последнего дня
 Мне помнить о тех, что когда-то
 Хоть чем-то согрели меня.

Согрели своей плащ-палаткой,
 Иль тихим шутивным словом,
 Иль чаем на столике шатком,
 Иль попросту добрым лицом.

Как праздник, как счастье,
 как чудо

Идет Доброта по земле.
 И я про нее не забуду,
 Как я забываю о зле...

День поэзии 1969

Я родом не из детства

Я родом не из детства —
 Из войны.
 И потому, наверное,
 Дороже,
 Чем ты,
 Ценю и счастье тишины,
 И каждый новый день,
 Что мною прожит.

Я родом не из детства —
 Из войны.
 Раз, пробираясь
 партизанской тропкой,
 Я поняла навек,
 Что мы должны
 Быть добрыми
 К любой травинке робкой.

Я родом не из детства —
 Из войны.
 И, может, потому —
 Незащищенной:
 Сердца фронтовиков обожжены,
 А у тебя — шершавые ладони.

Я родом не из детства —
Из войны.
Прости меня —
В том нет моей вины...

День поэзии 1970

* * *

На полыни водку настояла,
Позвала товарищей — солдат.
Нас осталось мало, очень мало,
А года ракетами летят.

Мы счастливые, конечно, люди --
Встретили победную зарю!
Думаю об этом как о чуде,
Сотни раз судьбу благодарю.

Ну, а те, кто не дошли до Мая,
Кто упал, поднявшись
в полный рост?..

Первый тост за павших поднимаю,
И за них же наш последний тост.

Сдвинем рюмки, плечи тоже сдвинем,
Пусть руки касается рука.
...Как горька ты, водка на полыни,
Как своею горечью сладка!

День поэзии 1976

Евгений ЕЛИСЕЕВ

Поле перейти

Сердце, сердце, потерпи
взаперти!
Не гуди, башка контуженая!
Нам бы только это поле перейти —
и вповалку бы, не ужиная.
Поле, русское поле —
русская боль!
Господи, твоя воля!
Хоть башкой футболъ,
хоть секи руки-ноги,
больше не могу.

Сейчас у дороги
свалюсь в снегу.
Губами без звука
про себя молюсь —
ракушка, беззубка,
презренный моллюск!
Трудно в походе,
а мне хуже всех.

Как соль к погоде,
стал мокрый снег.
Я в валенках буксую,
изнемогаю в нем.
И пятку босую
мне жжет огнем.

Если б ты видела!
Равнина без конца,
где намело, где выдуло,
снег пресный, как маца.
Движемся повзводно,
раз такой приказ.
Ветрено и звездно.
Никаких прикрас.
Поле и трупы.
В жизнь не перейти.

Тропы мои, тропы!
Образы?.. Пути?..

День поэзии 1975

Старые истины

Жухлыми листьями, мертвыми
листьями
с веток срываются старые истины,
старые истины — на перегной.
Скоро откроются новые истины,
что-то свершается в глуби земной.

Силы природы мудры и таинственны,
но появляются снова на свет,
вновь пробиваются старые истины,
старые истины — сносу им нет!

День поэзии 1975

Светлана ВСЕЕВА**Поэты**

Поэты умирают без любви.
 Любимые! Живите постоянно.
 Куда сворачиваешь? Гляди!
 Вот чистота. Вот верность. Вот Татьяна!

Наталья удостоена руки.
 И шлейф ее — опалы царской версты,
 И драгоценности ее — долги —
 Сверкают, как бессонницами звезды.

Краса такая — високосный год,
 Редчайшее явление кометы.
 Дверь для нее — на бал парадный вход.
 Легки ступени, словно комплименты.

Рванула бы Татьяна эту дверь,
 Вскарabalась бы на гору, на бурю,
 Успела бы, явилась на дуэль,
 Губами, ртом перехватила пулю!

Рукой откинула смертельный залп!
 ...Еще идет по улицам московским
 Та женщина, которую искал,
 Которую не встретил Маяковский.

День поэзии 1962

Александр ЖАРОВ**Апрельский день**

Этот день мы славою оденем,
 Радостью могучей обовьем.
 Мы ему обязаны рождением
 Всех побед
 В родном краю своем.

Не весна ли вестницею стала
 Ослепительных октябрьских гроз?
 Родине
 Бессмертное начало
 Молодой апрельский день принес.

Не его ли самым первым часом
 Был тот час, что, землю наградя,
 Озарил затем победу к л а с с а
 Именем
 И знаменем вождя!..

Эту мысль веками не измерить,
 Эту жизнь не уложить в года.
 Нашим кровным
 Ленинским бессмертьем
 На земле цветут сады труда.

День весенний
 Радугой оденем,
 Соловьиной песней обовьем...
 Мы ему обязаны рождением
 Всех надежд,
 Которыми живем.

День поэзии 1961

Павел ЖЕЛЕЗНОВ**Наш молот**

Памяти Ф. Шкулёва

Наверно, помнит каждый мой ровесник,
 как в дни разрухи деды и отцы
 шагали на субботник иль воскресник
 с железно-звонкой песней «Кузнецы».

Мы пронесли ее сквозь чад пожара,
 когда на запад с боем шли вперед,
 когда по всем полям земного шара
 редела мгла, слабел фашистский гнет.

Сегодня породнились в поднебесье —
 далекий серп, светящийся в ночи,
 и молот наш, вошедший в герб и в песни,
 кующий миру к счастью ключи!

День поэзии 1969

Анатолий ЖИГУЛИН

Бурундук

Раз под осень в глухой долине,
Где шумит Колыма-река,
На склоненной к воде лесине
Мы поймали бурундука.

По откосу скрепер проехал
И валежник ковшом растряс.
И посыпались вниз орехи,
Те, что на зиму он запас.

А зверек заметался, бедный,
По коряжинам у реки.
Видно, думал:
«Убьют, наверно,
Эти грубые мужики».

— Чем зимой-то будешь кормиться?
Ишь ты, рыжий, какой шустряк!.. —
Кто-то взял зверька в рукавицу
И под вечер принес в барак.

Тосковал он сперва немножко,
По родимой тайге тужил,
Мы прозвали зверька Тимошкой.
Так в бараке у нас и жил.

А нарядчик, чудак детина,
Хохотал, увидав зверька:
— Надо номер ему на спину,
Он ведь тоже у нас зекá!..

Каждый сытым давненько не был,
Но до самых теплых деньков
Мы кормили Тимошу хлебом
Из казенных своих пайков.

А весной, повздыхав о доле,
На делянке под птичий щелк
Отпустили зверька на волю.
В этом мы понимали толк.

Отвлекающий десант

Отвлекающий десант —
Двадцать девять краснофлотцев.
Отвлекающий десант...
Скоро, скоро кровь прольется!

Отвлекающий десант
С хрупкой маленькой подлодки.
Наливает лейтенант
По сто грамм казенной водки.

И ясна, понятна цель,
Невозможное — возможно:
Взять поселок Коктебель
И держаться — сколько можно.

Налететь, напасть, отвлечь —
Без подмоги, в непогоду.
И навеки в землю лечь.
В эту землю, в эту воду.

Отвлекающий десант.
Есть такой в морском уставе.
Отвлекающий десант —
Верный путь к посмертной славе.

...Болью полнится душа
На краю волны и суши:
Двадцать девять ППШ
Против сотни вражьих пушек!..

После всех побед и бед
Их припомнят и прославят.
Через тридцать долгих лет
Здесь им памятник поставят.

На воде растаял след...
Двадцать девять краснофлотцев!..
Через тридцать долгих лет
Лишь один сюда вернется.

Лишь один остался жив.
Плакал горькими слезами,
Две гвоздики положив
На холодный серый камень.

* * *

Жизнь! Нечаянная радость!
Счастье, выпавшее мне.
Зорь вечерняя прохладность,
Белый иней на стерне.

И война, и лютый голод.
И тайга — сибирский бор.
И колючий, жгучий холод
Ледяных гранитных гор.

Всяко было, трудно было
На земле твоих дорог.
Было так, что уходила
И сама ты из-под ног.

Как бы ни было тревожно,
Говорил себе: держись!
Ведь иначе — невозможно,
Потому что это — жизнь.

Все приму, что мчится мимо
По дорогам бытия...
Жаль, что ты неповторима,
Жизнь прекрасная моя.

День поэзии 1977

Михаил ЗЕНКЕВИЧ

1891—1973

Неконченный разговор

М. Голодному

В пылу неконченного спора,
Найдя потерянную нить
Запутанного разговора,
Хочу тебе я пояснить...

Но ты в ответ молчишь упорно
И, слушая земную тишь,
Зеленым одеялом дерна
Накрылся с головой и спишь.

День поэзии 1963

В гости к луне

Проснулся ночью...

Было не до сна:
Увидел я, как в переплет окна
Ломилась с неба полная луна.

О, как заманчиво она блестела,
И властно требовала, и хотела,
Чтоб я изведаль невесомость тела!

Но все ж, доверяясь встречному лучу,
К ней в гости я с земли не полечу,
Еще немного выждать я хочу.

Пусть в космосе уляжется тревога
И в небе установится дорога,
Я подожду еще совсем немного.

День поэзии 1963

Натан ЗЛОТНИКОВ

* * *

В Голосеевском лесу
Отбивалось ополчение,
Ждало: выйдет облегченье,
Страх и смерть перенесу!

Ничего не помогло, —
Не было тогда резервов.
Ополчение полегло
В сорок первом, в сорок первом...

Враг пришел. И сгинул враг.
Ополчение осталось, —
Слишком велика усталость,
Вечен хвойный полумрак.

И зеленая прохлада,
Где летают семена,
Как последняя награда
Ополчению дана.

День поэзии 1966

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

1903—1958

Прощание с друзьями

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений,
Давным-давно рассыпались вы в прах,
Как ветки облетевшие сирени.

Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где все разъято, смешано, разбито,
Где вместо неба — лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита.

Там на ином, невнятном языке
Поет синклит беззвучных насекомых,

Там с маленьким фонариком в руке
Жук-человек приветствует знакомых.

Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? И все ли вы забыли?
Теперь вам братья — корни, муравьи,
Травинки, вздохи, столбики из пыли.

Теперь вам сестры — цветики гвоздик,
Соски сирени, щепочки, цыплята...
И уж не в силах вспомнить вам язык
Там, наверху, оставленного брата.

Ему еще не место в тех краях,
Где вы исчезли, легкие, как тени,
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений.

День поэзии 1956

Детство

Огромные глаза, как у нарядной куклы,
Раскрыты широко. Под стрелами ресниц,
Доверчиво-ясны и правильно округлы,
Мерцают ободки младенческих зениц.
На что она глядит? И чем необычаен
И сельский этот дом, и сад, и огород,
Где, наклонясь к кустам, хлопочет их хозяин
И что-то вяжет там, и режет, и поет?
Два тощих петуха дерутся на заборе,
Шершавый хмель ползет по столбику крыльца.
А девочка глядит. И в этом чистом взоре
Отражен весь мир до самого конца.
Он, этот дивный мир, поистине впервые
Очаровал ее, как чудо из чудес,
И в глубь души ее, как спутники живые,
Вошли и этот дом, и этот сад, и лес.
И много минет дней. И боль сердечной смуты,
И счастье к ней придет. Но и жена, и мать,
Она блаженный смысл короткой той минуты
Вплоть до седых волос все будет вспоминать.

День поэзии 1957

Николай Заболоцкий. Автопортрет.

Рыбная лавка

И вот, забыв людей коварство,
Вступаем мы в иное царство.

Тут тело розовой севрюги,
Прекраснейшей из всех севрюг,
Висело, вытянувши руки,
Хвостом прицеплено на крюк.
Под ней кета пылала мясом,
Угри, подобные колбасам,
В копченой пышности и лени
Дымилась, подогнув колени,
И среди них, как желтый клык,
Сиял на блюде царь-балык.

О самодержец пышный брюха,
Кишечный бог и властелин,
Руководитель тайный духа
И помыслов архитриклин!
Хочу тебя! Отдайся мне!
Дай жрать тебя до самой глотки!
Мой рот трепещет весь в огне,
Кишки дрожат, как готтентотки.
Желудок, в страсти напряжен,
Голодный сок струями точит,
То вытянется, как дракон,
То вновь сожмется что есть мочи,
Слюна, клубясь, во рту бормочет,
И сжаты челюсти вдвойне...
Хочу тебя! Отдайся мне!

Повсюду гром консервных банок.
Ревут сиги, вскочив в ушат.
Ножи, торчащие из ранок,
Качаются и дребезжат.
Горит садок подводным светом,
Где за стеклянную стеной
Плывут лещи, объаты бредом,
Галлюцинацией, тоской,
Сомненьем, ревностью, тревогой...
И смерть над ними, как торгаш,
Поводит бронзовой острогой.

Весы читают «Отче наш»,
Две гирьки, мирно встав на
блюдце,

Определяют жизни ход,
И дверь звенит, и рыбы бьются.
И жабры дышат наоборот.

1928

День поэзии 1962

В жилищах наших

В жилищах наших
Мы тут живем умно и некрасиво,
Справляя жизнь, рождаясь от людей,
Мы забываем о деревьях.

Они поистине металла тяжелей
В зеленом блеске сомкнутых
кудрей.

Иные, кроны поднимая к небесам,
Как бы в короны спрятали глаза,
И детских рук изломанная
прелесть,

Одетая в кисейные листы,
Еще плодов удобных не наелась
И держит звонкие плоды.

Так, сквозь века, селенья и сады
Мерцают нам удобные плоды.

Нам непонятна эта красота —
Деревьев влажное дыхание.
Вон дровосеки, позабыв топор,
Стоят и смотрят, тихи, молчаливы.
Кто знает, что подумали они,
Что вспомнили и что открыли,
Зачем, прижав к холодному стволу
Свое лицо, неудержимо плачут?

Вот мы нашли поляну молодую,
 Мы встали в разные углы,
 Мы стали тоньше. Головы растут,
 И небо приближается навстречу.
 Затвердевают мягкие тела,
 Блаженно деревенеют веки,
 И ног проросших больше не поднять,
 Не опустить раскинутые руки.
 Глаза закрылись, времена отпали,
 И солнце ласково коснулось головы.
 В ногах проходят влажные валы.
 Уж влага поднимается, струится
 И омывает листовые лица:
 Земля ласкает детище свое.
 А вдалеке над городом дымится
 Густое фонарей копые.

Был город осликом,
 четырехстенным домом,
 На двух колесах из камней
 Он ехал в горизонте плотном,
 Сухие трубы накрены.
 Был светлый день. Пустые облака,
 Как пузыри морщинистые, вылетали.
 Был ветер, огибая лес.
 И мы стояли, тонкие деревья,
 В бесцветной пустоте небес.

1926

День поэзии 1965

* * *

Мир однолик, но двойственна природа,
 И, подражать прообразам слеша,
 В противоречьях зреет год от года
 Свободная и жадная душа.

Не странно ли, что в мировом просторе,
 В живой семье созвездий и планет,

Любовь уравнивает горе
 И тьма всегда преодолагает свет?

Недаром, совершенствуясь от века,
 Разумная природа в свой черед
 Сама себя руками человека
 Из векового праха создает.

День поэзии 1968

Леонид ЗАВАЛЬНЮК

Украинская песня

*Повий, витре, на Вкраїну,
 Де покынув я дівчину,
 Де покынув кари очи...*

Как два врага, глаза в глаза,
 Ах, как мы пели!

Как мы пели!

На выходе из мертвой петли
 Сходились наши голоса.
 Да! Мы оттуда. Наша кровь
 Не так уж сильно изменилась.
 Любовь к Днепру? Скажи на милость!..
 Но это все-таки любовь.
 Но это вот и есть она,
 Когда слова как жернова,
 Когда души тяжелым жаром
 Ты раздвигаешь неба тишь
 И, словно за воздушным шаром,
 За головой своей летишь.
 Мелькают лица, земли, страны
 В невозвратимом далеке,
 И страшные,
 как тараканы,
 Сползают слезы по щеке.

День поэзии 1975

Последняя военная зима

...Какой-то был он вовсе чумовой, —
Всю зиму, помню, ходит с непокрытой головой.
Едва ль не босиком. И ничего, здоровый.
Ест что попало. Даже и ворон.
Я как-то раз попробовал, да так меня скрутило,
Что хлеб потом давали — я не ел
Три дня.
А на четвертый я пошел к нему.
Он на печи лежал. Мороз стоял в дому.
И я спросил:
— Скажи мне, Шеремета,
Как так, что ты не умер до сих пор?.. —
И он сказал:
— Не знаю, брат, не знаю!
Но научить могу. Ах, мать честная,
Я б мигом натаскал тебя, сынок,
Да это все не по тебе — ведь ты не одинок.
А я, брат, в похоронках весь. Вся жизнь моя побита.
И до того сильна в груди моей обида
На долю на мою,
Что вот сморозиться хотел, да видишь — закалился.
Ел что найду, ничем не подавился.
Души давно уж нет, а плоть не помирает,
Как ни казнию ее. Видать,
Тех, кто не держится за жизнь, господь не прибирает,
Шутник... —
И он задумался глубоко.
В окно струился синих звезд настой,
Хрипела где-то несъедобная ворона.
И так душа моя была тоскою обворована,
И так зажиточна какой-то страшной, жгучей высотой!
Два непосильных груза: да и нет —
Легли на плечи. Как же жить на свете?
Как дальше жить?!

Я встал. Очнулся Шеремета.
— Ну ладно, — он сказал. — Ты доживи до лета,
А там... —
На голом теле старика истлевшая рубаха.
Дрожащего от холода и страха,
Он не спеша меня к калитке проводил
И долго вслед глядел.
А может быть, не вслед.
А может, выше он глядел, на тот туманный свет,
Что рассевала сквозь февраль далекая весна,
Как неких новых жизней семена.

Рюрик ИВНЕВ

1891—1981

* * *

За ветхий дом, за полустанок,
За зорь небесных янтари,
За снег, за скрип скользящих санок
Судьбу свою благодари.

Благодари за шум прибоя,
За негу, шепот, легкий хмель,
За небо с звездною резьбой
И за солдатскую шинель.

За муки горькие, за счастье
И за июльский теплый дождь,
За шелк туманов, за ненастье,
За желтизну осенних рош.

Благодари за каждый камень,
Который встретил на пути,
За прожигавший сердце пламень,
За блеск чуть видимых светил.

Благодари за ветер в поле
И за зеленый лепесток,
За жизнь, за хруст песка и соли,
За папиросный огонек!

День поэзии 1974

Рюрик Ивнев и Осип Мандельштам.

Разговор с деревьями

Пусть со мною вы не говорите,
Стоит мне на вас взглянуть хоть раз,
Как неосязаемые нити
Навсегда соединяют нас.

Если же сюда прибавить краски,
Все оттенки солнечных лучей,
Всю траву, что жметса без опаски
К мускулистым выступам корней,

Кажется, что все взаимосвязи
Наших душ с зеленою листвою —
Не досужий плод моих фантазий,
А закон природы вековой.

И когда мне делается грустно,
Может быть, у самого окна
Мне береза отвечает хрустом
Или скрипом горестным сосна.

Может быть, когда, виски сжимая,
Не могу уснуть я до утра,
Старый дуб Камчатки, умирая,
Слушает удары топора.

Пусть, деревья, вы не говорите,
Стоит мне на все взглянуть хоть раз,
Как неосязаемые нити
Навсегда соединяют нас.

День поэзии 1974

Егор ИСАЕВ

Продольный гак

(Из поэмы «Даль памяти»)

А чуть заря —
Ох, как бы не проспать бы! —
Кому что надо и кого куда.
Кого на свадьбу,
А кого со свадьбы,
Кого — и так бывает иногда —
Под бугорок:

Прими, земля донская,
И упокой под заступом,
Сокрой.

Ну, а кого —
Страна-то вон какая! —
Прости-прощай, сторонка за рекой!
И —
Вдоль села
От всех
От колосковых
Родных полей —
В повозке на большак.
Кого с мечтой,
С путевкой от райкома,
Кого и просто,
И не просто так.

По ней — вся жизнь.
Дожди ли там, сугробы,
Гроза ли, град, мосты ли, не мосты,
А хлеб вези!
И все бы
Ничего бы,
Когда б не хитрый хвостик у версты,
Когда б не гак.
Добро, когда вершковый
Добавок тот. А что, как верстовой?
Про то дорога знает под подковой,
Да небо, что плывет над головой,
Да скрип колес.
Добро, когда опора
Надежная, а глазу — красота!
В такую пору,
Недоступный взору,
Он где-нибудь в принорке у крота
Лежит себе
И хитро так на солнце,
Как нет его,
Глядит одним глазком.
А как дожди — откуда что берется, —
Он шевельнется
И ползком, ползком,
Как змей магнитный, набирая силы,
В присосках весь
Вползает в колеи
Во всю длину
проселочной
России,

Вера ИНБЕР

1890—1972

Читателю

Читатель мой! Не надобно бояться,
что я твой книжный шкаф обременю
посмертными томами (штук пятнадцать),
одетыми в пурпурную броню.

Нет. Издана не пышно, не богато,
в обложке серовато-голубой,
то будет книжка малого формата,
чтоб можно было брать ее с собой.

Чтобы она внезапно возникала
в кармане делового пиджака,
чтобы ее из сумки извлекала
домохозяйки теплая рука.

Чтоб девочка в капроновых оборках
из-за нее бы не пошла на бал,
чтобы студент, забывший про пятерки,
ее во время лекции читал...

«Товарищ Инбер, — скажут педагоги, —
невероятно! Вас не разберешь.
Вы фантазируете. И в итоге
дезинформируете молодежь!»

Я знаю — это непедagogично,
но знаю я и то, что сила строк
порою может заменить (частично)
веселый бал и вдумчивый урок.

Течение дня частенько нарушая,
когда сама уйду в небытие,
живи подольше, книжка небольшая.
Не умирай, сокровище мое!

День поэзии 1964

Михаил ИСАКОВСКИЙ

1900—1973

25 октября 1917 года

Я снова думал, в памяти храня
Страницы жизни своего народа,
Что мир не знал еще такого дня,
Как этот день — семнадцатого года.

Он был и есть начало всех начал,
И мы тому свидетели живые,
Что в этот день народ наш повстречал
Судьбу свою великую впервые;

Впервые люди силу обрели
И разогнули спины трудовые,
И бывший раб хозяином земли
Стал в этот день за все века впервые;

И в первый раз, развеяв злой туман,
На безграничной, необъятной шири
Взошла звезда рабочих и крестьян —
Тогда еще единственная в мире...

Все, что сбылось иль, может,
не сбылось,
Но сбудется, исполнится, настанет! —
Все в этот день октябрьский началось
Под гром боев народного восстанья.

И пусть он шел в пороховом дыму,
Он — самый светлый, самый
незабвенный,
Он — праздник наш. И равного ему
И нет и не было во всей вселенной.

Сияет нам его высокий свет —
Свет мира, созидания и братства.
И никогда он не погаснет, нет, —
Он только ярче будет разгораться!

День поэзии 1957

У крыльца высокого...*(Песня)*

У крыльца высокого
 Встретила я сокола,
 Встретила-приветила,
 На любовь ответила.

С ним не раз мы видели,
 Как весна светилася,
 Как заря вечерняя
 С утренней сходилася.

Но весна кончается,
 Он со мной прощается.
 А снега выпыпали
 И следы засыпали.

Ой, метели шумные,
 Ой, снега вы белые,
 Что же вы задумали,
 Что же вы наделали?!

День поэзии 1957

Фазиль ИСКАНДЕР**Модерн**

Невыносима эта фальшь
 Во всем — в мелодии и в речи.
 Дохлятины духовной фарш
 Нам выворачивает плечи.

Прошу певца: — Молчи, уважь...
 Ты пожелтел не от желтухи... —
 Невыносима эта фальшь,
 Как смех кокетливой старухи.

Но чем фальшивей, тем звончей
 Монета входит в обращение,
 На лицах тысячи вещей
 Лежит гримаса отвращения.

Вот море гнилости. Сиваш.
 Провинция. Шпагоглотатель.
 Невыносима эта фальшь,
 Не правда ли, очковгиратель?!

Давайте повторять, как марш,
 Осознанный необратимо:
 Невыносима эта фальшь,
 Да, эта фальшь невыносима.

День поэзии 1974

* * *

Вот и определилось:
 Кто, куда и зачем.
 И не вчера появилось:
 Я есть то, что я ем.

Вот и определилось...
 Кушаешь? Хорошо.
 Кушаешь, сделай милость,
 Будет добавка еще.

Перекрутила юность
 Тропы разных начал.
 Что же сидеть, пригорюнься?
 Опознавай идеал.

Вот и определили
 Самый последний предел,
 Самое «или—или»,
 Точку, водораздел.

Это над бездной и высю
 Дьявола с богом деж: —
 Я — есть то, что я мыслю,
 Ты — есть то, что ты жрешь!

День поэзии 1974

Римма КАЗАКОВА

* * *

Когда в душе души избыток —
ни мелких чувств, ни слов избитых.
Душа по-новому щедра,
добра, как песенка щегла.

Душа, мой маленький щегленок,
веселый молодой костер!
Ты видишь, сколько ущемленных,
как птичьи гнезда, разоренных
твоих ограбленных сестер...

Душа, кому себя подаришь?
Или замрешь, затормозишь
и, как восстание, подавишь
все, чем томишься и грозишь?..

День поэзии 1962

* * *

Пока еще не врем
запутанно и грубо,
давай с тобой умрем
хотя бы друг для друга.

Пока еще не ложь —
фантазия, не боле, —
пока еще на грош
не накопилось боли,

пока еще глаза
беспомощно медовы,
пока еще нельзя
на свете без Мадонны,

пока еще, как гость,
ты добр и осторожен,
пока еще поврозь,
хоть как-нибудь, да сможем...

День поэзии 1969

* * *

Я вспомнила о юноше одном.
Какой-то дом. Стихи.

В нем что-то было...
Его тогда я, впрочем, не любила.
Но не случайно вспомнила о нем.
Как все мы той предутренней порой,
он полон был лихих надежд начала.
Еще судьба загадочно молчала:
кто — персонаж массовки,

кто — герой.
Еще беспечно, не жалея сил,
крутили мы нехитрые домкраты:
фантасты, разночинцы, демократы, —
никто взаймы у славы не просил!
Готовы мыть полы, мешки грузить,
не спать ночей, — а, разве это важно! —
но слову все предоверять отважно,
чтоб было чем друг друга поразить.
Пора, когда все поровну дано:
и время, и захлеб любви, и книги,
и жизнь, и смерть в одном кратчайшем

миге,

и голод, и коварное вино...
Так где же он, не худший среди иных,
тех несравненных дней чернорабочий?
Опомнился? Как с астмой, покончил
с удушьем строк, невнятных и больных?
Исподтишка смеется, может быть,
над нашим затянувшимся недугом?
Или остался бедным тайным другом:
не в силах ни признаться, ни забыть?
А может, и банальнее финал:
зеленого не пересилил зелья,
а судорога скучного веселья —
скорее горе, а не криминал.
Где он? Который ему нынче год?
Пусть для меня он ничего не значил,
но чем он кончил, тот, кто с нами начал?
Напоминает смерть его уход.
И почему не мы:

не я, не ты?

Приведены каким в сегодня роком?
Каким еще располагаем сроком
до непреодолимой немоты?..

День поэзии 1976

* * *

Это выдумка — избыток,
запасные ходы — ложь!
Жизнь — не спорт,
и не с попыток —
сразу набело живешь.

Коль химичил, да портачил,
да швырял на пробу дни,
тем и жил и то и значил —
и попробуй зачеркни!

Душу поделом помучай
за погибший день пустой
с поцелуями на случай,
с показушной добротой.

И себя в свой воз впряги ты,
не в случайный тарантас...
Не отпущено прикидок.

Набело!
И — только раз.

День поэзии 1977

Василий КАЗАНЦЕВ

* * *

С крутого косогора
Открыт простор для взора.
И светится средь бора
Высоких сосен медь...
Все б хорошо — озера
Вдруг начали мелеть.

И я сказал в печали:
— Потоки и ключи,
Мелеть озера стали. —
Ответили ручьи:

— Слыхали вести эти.
И понимаем вас.
Но если б все на свете
Зависело от нас.

В леса пошел я, в травы,
В глухие голоса.
— Скажите мне, дубравы... —
Ответили леса:

— Слыхали вести эти.
И понимаем вас.
Но если б все на свете
Зависело от нас.

— Печальное событие
В зеленой стороне.
О тучи, мне скажите... —
Сказали тучи мне:

— Слыхали вести эти.
И понимаем вас.
Но если б все на свете
Зависело от нас.

Не спит в груди тревога.
Горит в душе беда.
Все ввысь и ввысь дорога.
То круто, то отлого.
И так — дошел до бога.
До высшего суда.

— Ты здесь за все в ответе.
Ты высшей правды глас.
— О, если б все на свете
Зависело — от нас...

День поэзии 1979

* * *

От далекой дороги усталый,
Я однажды в Москве побывал.
Я Москвы — не увидел сначала...
Я увидел — огромный вокзал.

В неоглядно вознесшемся зале,
В ярком свете, похожем на мглу,
Пили, ели. И пели. И спали.
На скамьях, на тюках, на полу.

Билась радость, томилась обида.
В беглом взгляде мелькала вина...
За спиной старика инвалида
Громовая стояла война.

Я на площадь широкою вышел —
 Долгожданного счастья глотнул.
 Я сначала Москвы — не расслышал.
 Но расслышал рокочущий гул.

Необъятный, глухой, разноликий.
 Обдающий дыханьем густым.
 Разнозначный, разноязыкий.
 Над землею стоящий, как дым.

Звуки скомканно бились, срывались,
 Резко дыбились. С разных сторон
 Накатившись — скрестились,
смешались
 Вологодчина, Курщина, Дон.

Обнажив свои дали сквозные,
 Все дороги свои и поля,
 Вся огромная встала Россия.
 Вся безмерная встала — земля.

Молдаван, и литовцев, и сванов,
 И таджиков — слились голоса.
 Высь нагорий — и ширь океанов.
 Раскаленные льды и леса.

И подрагивал купол тяжелый.
 И, как ветер тяжелый, — гудел.
 И железный — из рупора — голос
 Несгибаемо твердо гремел.

День поэзии 1979

Владимир КАРПЕКО

В мае 45-го...

Был строг приговор трибунала,
 и вздрогнул эсэсовец тот.
 Душонка его угадала
 короткую фразу: «В расход!»...

Да, понял он, что это значит,
 и нас ни о чем не просил,
 и только на солнечный зайчик
 тоскливо глазами косил;

на солнечный зайчик, который,
 скакнув через яму в земле,
 на лязгнувшем брызнул затворе
 и затрепетал на стволе.

А май бушевал повсеместно!
 И черное око ствола
 казалось совсем неуместно,
 и яма ненужной была.

Но синяя жилка дрожала
 на лбу, что уж начал потеть...
 Мне чья-то ручонка мешала,
 мешала его пожалеть.

Она, та ладошка, синела,
 из снега торча на юру,
 и тонко и страшно звенела
 на лютном декабрьском ветру.

Был этой ладошкой проколот
 насквозь я на том рубеже,
 и снежный немислимый холод
 в моей поселился душе...

Бои... Переправы... Границы...
 И — залпы великого дня:
 — По-бе-да!.. — Но этот убийца
 стоял и глядел на меня.

Вокруг ликовала природа,
 сирень запышнела уже...
 Но снег сорок первого года
 еще не растаял в душе.

И это она повелела,
 сирени сплошной вопреки,
 глядеть не сквозь прорезь прицела —
 сквозь пальчики детской руки!

День поэзии 1979

На тактике

Осенний день, сырой и тусклый,
 Все поле залито водой.
 И учит ползать по-пластунски
 Пехоту капитан седой.

Мокры шинели и помяты,
Грязюку черпает сапог...
В десятый раз ползут солдаты,
А он кричит: — Еще разок!...

— Ну, капитан!..

Ох, злющий, дьявол! —

Ползут, обидою делясь, —
Вот сам бы, дьявол, тут поплавал
Да поутюжил пузом грязь,
Похлюпал бы по глине склизкой!..

А капитан совсем не злой —
Он просто знает: пули низко
Стригут, над самую землей.

Недаром у него на шее
Алеет шрама полоса...
Он их жалеет. И, жалея,
Гоняет лишних полчаса.

День поэзии 1970

Инна КАШЕЖЕВА

* * *

Какая-то на сердце смута,
а вот отчего, не пойму...
Как будто ты нужен кому-то,
да вот неизвестно — кому.

Какая-то на сердце тяжесть,
но я не пойму — отчего?
Как будто из пропасти тянешь,
да только совсем не того.

Но вот наступает минута,
внезапной догадкой слепя:
ты нужен себе, не кому-то,
и вытянуть хочешь себя.

И благодарение богу,
что совесть покуда жива,
что бить начинаешь тревогу,
о ком-то подумав сперва!

День поэзии 1975

Алексей КАФАНОВ

* * *

— О чем ты? — Да так, ни о чем.
Задумался просто немного.
В косяк упираясь плечом,
Смотрю, как пылится дорога.

— Куда ты? — Да так, никуда.
Размять онемевшие ноги. —
Протяжно гудят провода
На белых столбах у дороги.

— Когда же вернешься, браток?
— И сам-то не знаю, ей-богу.
Ведь столько на свете дорог —
Найду ли обратно дорогу?

День поэзии 1969

Василий КАЗИН

1898—1981

Возвращение

Красота с тобой прощается.
А со мной — мой стих о тебе.
Но ко мне,
Но ко мне тот стих возвращается,
Что когда-то я пел о труде, о стране.

День придет — и чудную черточку
У тебя вдруг похитит в лице.
Распахнет он с грохотом форточку.
Ждет эпоха меня на крыльце.

Как надолго — до самозабвения
Я твоим увлекся лицом!
Красота в нем с тонкостью гения
Все сияла своим волшебством.

В нем ни старость, ни власть,
ни торжественность, —
В нем и гордости не найдешь,
А такая в нем пролита женственность —
Взглядом пьешь и от счастья поешь.

В нем таких достоинств соцветие,
В нем такая сила тепла,
Что на целое десятилетие
Стих мой, голос мой увлекла.

Но почту ли тебя виноватою?
В том ведь больше мой взгляд виноват
С ненасытностью этой проклятою,
Вот которой и сам я не рад.

Но с тобой красота прощается.
А со мной — мой стих о тебе. И ко мне,
И ко мне тот стих возвращается,
Что когда-то я пел о труде, о стране.

День поэзии 1956

И как же ты светла!

Как ни прост во всем,
Судьба мне в дом
Не кого-то и не что-то прочее,
А ввела в твоём лице одном
Как бы солнышка сосредоточие.

И хоть ты лицом не божество,
Я дивлюсь ему,
Как в чудо глядявываясь:
Как в роду народа свет его
Сквозь века прошел,
Мне в счастье складываясь!

И не чудо ль:
Не сходя с крыльца,
Льешь такую бодрость
Сникшей жимолости,
Что вдруг вижу: этот дар лица
С искоркой
От божьей милости.

И не чудо ль:
Свет с лица в цветы
Льешь такой,
Что как им, сада гражданам,
Не взойти красивыми, как ты,
Так тепло тобой посаженным!

И не чудо ль:
Силою тепла
Так все выдержать мне
Помогла,
Что и в жизнь,
Нас бившую со зла,
Я смотрю с улыбкою
Отеческой.
Милая, и как же ты светла
Прелестью
Человеческой!

День поэзии 1962

Елки

То ль спасаясь от дорожной пыли,
То ли мало им своей земли —
Темнокожей массой подступили,
Прямо они к дому подошли.

Ухватив ветвями за наличник,
Зашумели все в окно мне:
Что ж,
Что ж ты, лирики одиноличник,
Все про солнце весело поешь?

Словно каждая стволем тяжелым
Припереть мне душу собралась:
Уж не с барства ль со стихом веселым
Спеть про нас, угрюмых, не горазд?

Но хоть, знать, дикарства бить
с нахрапу
И набрались у зверья в лесу,
Вдруг одну из них беру за лапу
И трясу по-дружески, трясую.

Что вы, други! Полно.
Уж давно вот,
Уж давно вот, как и вы, немолод,
Я ль, угрюмые, вам не под стать?
Я и сам весь иглами исколот,
Да вот вам их, елки, не видать.

День поэзии 1962

Преображение

А. К.

И в удивительнейшем лике,
И в ясновиденье твоём
Такие вспыхивают блики,
Что не нарадуется дом.

Да ведь лишь искорку включишь их,
А, как бы ни были тусклы,
По дому с живостью зайчишек
Пойдут лучиться и углы.

И пусть хоть пугалом от пугал,
Могильным призраком-то дик,
Оставший мне жизни угол
Зайскрится, как твой двойник.

И ослепительностью милой
Подзарядившийся, вперед —
Туда, где тьмы невпроворот,
Туда, где лихо у ворот,
Глядишь, спасительнейшей силой
На чью-то радость поплывет.

День поэзии 1973

Михаил КВЛИВИДЗЕ**Монолог ремесленника**

Продав перо и позабыв при этом
Свою причастность к рифмам и поэтам,
Родной язык на клей переваря,
Открыл я мастерскую кустаря.
Я склеиваю разные безделки:
Разбитые кувшины и тарелки,
Стекло, фаянс, пластмассу и металл,
И кажется, что сам я клею стал!
Стараюсь я, чтоб снова были святы
Обычаи, надежды и мандаты,
Нарушенные клятвы и сердца,
Разбитые еще не до конца.
Над грудой этих неотложных дел
Я, словно старый Гамлет, поседел
И сгорбился, наладить торопясь
Времен и душ разорванную связь.

Перевел с грузинского М. Дудин

День поэзии 1975

Дмитрий КЕДРИН

1907—1945

Жилье

Ты заскучал по дому? Что с тобою?
Еще вчера гуляка из гуляк,
Ты проклинал дырявые обои
И эти стены с музыкой в щелях!

Здесь слышно все, что делают соседи:
Вот грош упал, а вот скрипит диван.
Здесь даже в самой искренней беседе
Словца не скажешь, — разве если пьян!

Давно ль ты врал, что угол этот нищий
Осточертел тебе до тошноты?
Давно ль на это мрачное жилище
Ты громы звал?..

А что, брат, скажешь ты,

Когда, смешавшись с беженскою голью,
Забыв и чин, и звание свое,
Ты вдруг с холодной, бесприютной болью
Припомнишь это бедное жилье?

1941

День поэзии 1956

Природа

Что делать? Присяду на камень
И слушаю иволги плач.
Брожу у забитых досками,
Жильцами покинутых дач.

Еще не промчалось и года,
Как смолкли шаги их вдали.
Но, кажется, рада природа,
Что люди отсюда ушли.

Забывши хозяев недавних,
Весь дом одряхлел и заглох.
На стенах, на крышах, на ставнях
Уже пробивается мох.

Да зеленью, вьющейся дико,
К порогу забывшей пути,
Повсюду бушует клубника,
Что встарь не хотела расти,

И если, бывало, в скворешнях
Скворцы приживались с трудом,
То нынче от зябликов вешних
В саду настоящий содом!

Тут, кажется, с нашего века
Прошли одичанья века...
Как быстро следы человека
Стирает природы рука!

28 июня 1942 г.

День поэзии 1956

* * *

Много видевший, много знавший,
Знавший ненависть и любовь,
Все имевший, все потерявший
И опять все нашедший вновь.

Вкус узнавший всего земного
И до жизни жадный опять,
Обладающий всем — и снова
Все боящийся потерять.

2 июня 1945 г.

День поэзии 1956

* * *

Какое просторное небо! Взгляни-ка:
У дальнего леса дорога пылит,
На тихом погосте растет земляника,
И козы пасутся у каменных плит.

Как сонно на этом урочище мертвых!
Кукушка гадает кому-то вдали,
Кресты покосились, и надписи стерты,
Тяжелым полетом летают шмели.

И если болят твои старые кости,
Усталое бедное сердце болит, —
Иди и усни на забытом погосте,
Средь этих простых покосившихся плит.

И будут другие безумцы на свете
Метаться в тенетах любви и тоски,
И станут плести загорелые дети
Над гробом твоим из ромашек венки.

Присядут у ног твоих юноша с милой,
И ты сквозь заката малиновый дым
Услышишь слова над своею могилой,
Которые сам говорил — молодым.

9 июля 1944 г.

День поэзии 1956

* * *

Был слеп Гомер, и глух Бетховен,
И Демосфен косноязык.
Но кто поднялся с ними вровень,
Кто к музам, как они, привык?
Так что ж педант, насупись, пишет,
Что творчество лишь тем дано,
Кто зорко видит, остро слышит,
Умеет говорить краснó?
Иль им, не озаренным духом,
Один закон всего знаком —
Творить со слишком тонким слухом
И слишком длинным языком?

1944

День поэзии 1961

Из «больничной тетради»

Отец

Мне снилось,
 что я мой отец,
 что я вошел ко мне в палату,
 принес судок домашних щец,
 лимон и плитку шоколаду.

Жалел меня и круглый час
 внушал мне мужество и бодрость,
 и оказалось,
 что у нас
 теперь один и тот же возраст.

Он — я
 в ногах моих стоял,
 ворча о методах леченья,
 хотя уже
 что он, что я —
 свое утратило значенье.

Никударики

Время тянется и тянется,
 люди смерти не хотят,
 с тихим смехом:
 — Навсегданыца! —
 никударики летят.

Не висят на ветке яблоки —
 яблонь нет,
 и веток нет,
 нет ни Азии,
 ни Африки,
 ни молекул,
 ни планет.

Нет ни солнышка,
 ни облака,
 ни снежинок,
 ни травы,
 ни холодного,
 ни теплого,
 ни измены,
 ни любви.

Нет прямого,
 нет треуголого,
 нет дыханья,
 нет лица,
 нет квадратного,
 нет круглого,
 нет начала,
 нет конца.

Ни разлуки,
 ни прощания,
 ни проступка,
 ни суда,
 ни смешного,
 ни печального,
 ни «откуда»,
 ни «куда».

Никударики,
 куда же вы?
 Мне за вами?
 В облака? —
 Усмехаются:
 — Пока живи,
 пока есть еще «пока».

Осень

Уже светает поздно,
 холодноват рассвет,
 уже сентябрь
 опознан
 в желтеющей листве.

Не молят о пощаде,
 дрожа перед судьбой,
 а шепчутся:
 «Прощайте» —
 цветы между собой.

Зима

Хоть бы эту зиму выжить,
 пережить хоть бы год,
 под наркозом,
 что ли, выждать
 свист и вой непогод,

а очнуться
 в первых грозах,
 первых яблонь дыму,
 в первых присланных мимозах
 из совхоза в Крыму.

И в саду, который за год
 выше вырос, опять
 у куста,
 еще без ягод,
 постоять, подышать.

А когда замрут навеки
 оба бьющихся виска,
 пусть положат мне
 на веки
 два смородиновых листка.

День поэзии 1969

Ночные взрывы —
 Эхо «пли».
 И, не от спеси задирая
 Носы,
 Тонули корабли.
 Глубинки рвались так свирепо,
 Что лампы сыпались из тьмы.
 И корпус,
 Скрежеща, минрепы
 Трясли
 От носа до кормы.
 Но улыбались,
 Почему-то
 Той тьмою не ослеплены,
 Матросы,
 Вспомнив ту минуту:
 — Идем
 Не к теще на блины.

День поэзии 1973

Дмитрий КОВАЛЕВ

1915—1977

Не к теще на блины

*Памяти комбрига
 Ивана Колышкина*

Комбриг был слишком мягким
 вроде.
 Но между тем негрозный взгляд
 Все чувствовали.
 И в походе
 Он делал грозными ребят.
 С врагом
 В его же базах
 Встречи
 Искали,
 Время остро шло.
 А он-то помнил:
 С шуткой легче,
 Когда не в шутку тяжело.
 Негоже в море быть сурову:
 От близких все удалены.
 И лишь говаривал он к слову:
 — Идем
 Не к теще на блины... —
 И озарили бездны рая

Фотография 1943 года.

Память Ветки¹

Память Ветки в душе не уронена.
В Ветке мама моя похоронена...

Грубый крест,
Из железа сваренный.
Скорый тлен —
Где веночки свалены.

С Сожа видимы липы старинные:
Верх усохший,
Гнездо аистинное.

В даль — пески,
Распашные, нехлебные:
Ты сбирала там травы целебные.
Все ждала...
Уж спешить было некуда...
Все откладывал:
Все было некогда.

А не стало —
И нет мне забвения,
И ни дня — без тебя,
Ни мгновения...

Как темна ты была —
Глушью в замети.
Отчего ж
Так светло моей памяти?..
Как твой холоден холм —
Снежной тучею.
Отчего же в душе это, жгучее?..
Сердцу чутче с тобой,
Человечнее.
Даже ближе
Случайные встречные...
Мать — сырая земля,
Мать — родимая,
Людность мне без тебя
Нелюдимая.

День поэзии 1973

¹ В е т к а — городок на реке Сож, на Гомельщине.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

* * *

Мне кажется, что под землей
Убитый в первой мировой
Солдат все ищет, ищет сына —
Убитого солдата во второй.

Отдалены от воздуха и неба,
В той безысходной темноте
Они друг друга ищут слепо,
Навек ровесники в беде.

Залюбовались небом дети,
Растут, мечтая на рассвете
Взлететь к затерянной звезде.

Но те солдаты неспокойны,
Они во тьме считают войны
И не желают внуков встретить
В той темноте, в той слепоте.

День поэзии 1966

Александр КОВАЛЕНКОВ

1911—1971

Конь

На бегах рысак сошел с дорожки,
Заскакал, шальной, и так и сяк.
И едва не опрокинул дрожки
По газонам мчащийся рысак.
Видно, чересчур поводья туго
Натянул наездник призовой,
И рысак от боли, от испуга
Захрапел, задержал головой,
На дыбы поднялся, сделал свечку,
Изваяньем дьявола застыл,
Рухнул в пыль и, разорвав уздечку,
Ржаньем вызвал слезы у кобыл.
Тут его бы плеткой огорошить,
В шоры взять, чтоб слушал ездока;
Впрочем, что ж, рысак —
он тоже лошадь,

Надо пожалеть и рысака.

День поэзии 1956

Павел КОГАН

1918—1942

Звезда

Светлая моя звезда.
 Боль моя старинная.
 Гарь приносят поезда
 дальнюю, полынную
 от чужих твоих степей,
 где теперь начало
 всех начал моих и дней
 и тоски причалы.
 Сколько писем нес сентябрь,
 столько ярких писем...
 Ладно — раньше, но хотя б
 сейчас поторопился.
 В поле темень, в поле жуть —
 осень над Россией.
 Подымаюсь. Подхожу
 к окнам темно-синим.
 Темень. Глухо. Темень. Тишь.
 Старая тревога.
 Научи меня нести
 мужество в дороге.
 Научи меня всегда
 видеть цель сквозь дали.
 Утоли, моя звезда,
 все мои печали.
 Темень. Глухо.
 Поезда
 гарь несут полынную,
 Родина моя. Звезда.
 Боль моя старинная.

День поэзии 1960

Состав

Он нарастал неясным гудом,
 Почти догадкой. И томил
 Тревожным ожиданьем чуда
 И скорой гибели светил.
 Он рос. И в ярости и в грохоте
 Врезался в версту верста,
 Когда гудка протяжным ногтем
 Он перестук перелистал.

И на мгновенье тишиною
 Как зной сквозною пронизав
 Простор, он силою иною
 Ударил в уши и глаза
 И грянул.
 Гролом и лавиной
 Он рушил сердце, как дубы,
 Гроза, грозя в глаза, что дина-
 митом! Рванет.
 И время на дыбы.
 В поля, в расхристанную осень
 Войдя, как в темень искрой ток,
 Он стал на миг земною осью,
 Овеществленной быстротой.
 Но, громом рельсы полосую,
 Он нес с собой тоску и жизнь.
 Он был, как жизнь, неопишум
 И, как тоска, непостижим.

Еще удар. И по пылище,
 По грязи, в ночь, в тоску — далек...
 И, как на горьком пепелище,
 Мелькает красный уголек.

И если к горлу — смерти сила,
 Стихи и дни перелистав,
 Я вспомню лучшее, что было, —
 Сквозь ночь бушующий состав.

1937

День поэзии 1966

Игорь КОБЗЕВ**Шпага чести***(Шутка)*

А все-таки было бы хорошо,
 Чтоб в людях жила отвага,
 Чтоб каждый по городу гордо шел
 И сбоку болталась шпага...

И пусть бы любой, если надо, мог,
 Вломившись в дверь без доклада,
 С обидчиком честно скрестить клинок
 И твердость мужского взгляда!

Как сладко
 за подленькое слово,
 За лживую опечатку
 Врагу в перекошенное лицо
 Надменно швырнуть перчатку!

Тогда б не бросали на ветер слов
 Без должного основанья.
 И стало б поменьше клеветников,
 Болтающих на собраниях.

А совесть и гордость имели б вес,
 И, сдержанный блеском шпаги,
 Никто бы
 без очереди
 не лез,
 Тыча свои бумаги.

День поэзии 1956

Яков КОЗЛОВСКИЙ

**Не люби, связистка,
 нашего комбата...**

Полыхает низко
 Киноварь заката.
 Не люби, связистка,
 Нашего комбата.

Полюбить такого
 Было б в самый раз,
 Да в атаку снова
 Бросят утром нас.

Пуля зла до визга,
 Сердце без наката.
 Не люби, связистка,
 Нашего комбата.

А к тому ж заране
 Ты должна учесть,

Что жена в Казани
 У комбата есть.

Не убьют — поминки
 Справишь по любви:
 Он вернется к жинке,
 Сколько ни зови.

А погибнет близкий —
 Тяжела утрата...
 Не люби, связистка,
 Нашего комбата.

День поэзии 1957

* * *

Время нас проверяет, как лакмус:
 — Чем ты дышишь, а ну, отвечай?!.. —
 Валентин Фердинандович Асмус
 Пьет из белого блюдечка чай.

Кто-то хочет,
 ах, гога-магога,
 Чтоб земная заржавела ось.
 Ныне псевдофилософов много
 От большой суеты развелось.

Но спокоен он, добрый мой гений,
 Не меняет под модный галоп
 Ни оценок своих, ни суждений
 И на звезды глядит в телескоп.

Стала б логика школьным предметом,
 Но безумья он дал ей права
 В день, когда над опальным поэтом
 Молвил слово устами волхва.

В одиночестве слушает Баха
 Он, достойный собрат могикиан.
 Блещет мысль, избежавшая праха,
 А над нею грохочет орган.

День поэзии 1966

Александр КОРЕНЕВ**Где-то в пути...**

Нас платформа уносит в ночь.
 Бабы-вдовы, солдатки — вповалку.
 Вот и я курсирую вновь
 В госпитальной шинелишке жалкой.

Вот прижат теснотой — к одной,
 По-крестьянски суровой, крепкой.
 В тьме лишь губ ее грубая лепка.
 Да и то повернулась спиной.

Задыхаюсь, так весь сгоряча
 Растворился бы в ней, свирепо...
 А платформа, в грохоте мча,
 Словно взносится в звездное небо...

Не как синий — к земле — звездопад,
 Не Петрарковый зов — к Лауре,
 К ней — родной, посторонней, дуре —
 Жадной силой впотьмах прижат.

Тетки спят, в головах сидорá.
 Ночь летит громогласно, грозно.
 Вон трассируют звезды, космос...
 Так и я вдруг сгорю дотла!

Прем над бездною. Мост бездонно
 Проорет!... А она клубком,
 Длинноногой топорной мадонной
 Спит, укутав лицо платком.

Вся война и вся высь, светясь,
 Обступают... А она, лежа,
 Мчит, от мира отворотятся:
 От детей, от потерь, от бомбежек,

Отстраняясь — ночной покой —
 От всех бед, от побед, объятий.
 И, сама пожалев: «Солдатик!»,
 Обнимает вдруг жесткой рукой.

День поэзии 1980

Григорий КОРИН

* * *

Мой отец пробудился во мне, —
 И привычки его, и движенья,
 Вызывавшие раздраженье,
 В отраженном увидел окне.

Дочь смеется, завидев меня,
 Как угрюмо, с бычачьим наклоном,
 Я домой возвращаюсь с батоном,
 Грустный дедовский облик храня.

И в тоске замирает жена,
 Если губы сложу по-бараньи —
 И не вижу, не слышу. Заране
 Знает — исповедь будет страшна.

И я стал за бритьем замечать
 Перед зеркалом, как мы похожи, —
 Те же самые складки на коже,
 Лишь слабей моих складок печать.

Но тревожнее сходство в груди! —
 Я от близких таю эти звуки, —
 Неужели безумного муки
 Ожидают меня впереди?

И смогу ли я их миновать?
 Но надежда живет в моем сердце,
 Что не все передал мой отец мне
 И спасет меня мертвая мать.

День поэзии 1971

Эльмира КОТЛЯР

* * *

В грозной папахе и бурках
 входила мама,
 как гражданская совесть,
 смотрела прямо.
 Где тут думать о доме,
 о щаж?
 Революция на плечах!

День поэзии 1971

* * *

Упрямая нянька,
вопреки декретам,
материнским строжайшим запретам,
на рождество втихомолку
мне наряжала елку
и сказку почти тайком
нашептывала вечерком.

День поэзии 1971

Память

Салюты —
счастья минуты!
Рядом идем по Манежной,
точно и я прикрыта
шинелью заснеженной.
А в твоей комнатушке,
на жесткой подушке,
как две птицы счастливых!
И воздух теплый, легкий...
И две картофелины
булькают в похлебке.

День поэзии 1972

Владимир КОСТРОВ

* * *

Осенний дождь,
Шпанистый, беспризорный,
Мне музыка тоски его близка.
На дне его, как в глубине озерной,
Град-Китежем раскинулась Москва.
Вся в точных сводках скошенного хлеба,
В церковей рябинном цвете,
В тополях,
Она как будто опустилась с неба,
Оставив рябь на облачных краях.
Фасуя дефицитные товары,
Заморских в клетках выставив зверей,
Но на машинах выпучены фары
Глазами светлоярских окуней.

Чуть-чуть дрожит ее гостинный глянец,
И в окнах наплывает, как в кино,
То черный негр,
То пепельный суданец,
А то японка в пестром кимоно.
Теперь подумай: разве это чудо,
Что из метро, из тепло́й суеты,
Знобящая, как легкая простуда,
Была столицей выдохнута ты!
У черных туфель цокали подковки...
А может, для таких неожиданных встреч
В запасниках глубоких Третьяковки
Хранятся эти линьи рук и плеч.
Шуршал автобус с желтыми снопами,
Стоял казах, бородку теребя.
Как точно все случайности совпали,
Чтоб я сегодня увидал тебя.
Мы двести раз могли бы
Быть знакомы
И встретиться потом,
Не так,
Не здесь,
Но, слава богу, странные законы
Неясности
В практичном мире есть.
Еще не все разложено на схемы,
Как семена разбросаны в толпе,
Неясные стихи или поэмы
Стучатся по житейской скорлупе.
Потом настанет время поцелуя,
Погашенного в комнате огня...
Сейчас, какой-то тайною волнуй,
Ты удивленно смотришь на меня.
В закуржавелой шубке от мороза,
Потом со мной придешь ты
В дом к отцу...
Осенний дождь,
Как радостные слезы,
Сейчас течет по моему лицу.
Кто знает, что случится впереди?
Кого ты встретишь
И кого покинешь?
Но есть Москва, похожая на Китеж,
Когда идут осенние дожди.

День поэзии 1971

* * *

В Останкине горели тополя,
И было чисто, словно в божьем храме,
И серый ангел с мокрыми крылами —
Спускался дождь,
И только ты да я.

И в той шуршащей городской тиши,
Как будто в полутемном тайном зале,
Две горьких и изломанных души
Неровные края свои сближали.

Знать, для того, чтоб ты со мною шла,
Неся печали, тяжкие как гири,
Две тоненьких косички заплела
Та худенькая девочка с Сибири.
Чтоб рядом был мне слышен этот шаг,
Чтоб в грудь мою тревожно сердце било,
С дешевыми сережками в ушах
Ты два смешных сердечка прикрепила.
Должна была другого полюбить,
Потом уйти,
Закреть родные двери.

Я потерял немало.

Так и быть,

Давай соединим свои потери.

Потом ханжи

С похвальной прямою

Тебя в любовных связях уличали.

Но в их устах я тоже не святой,

Давай соединим свои печали.

Не подчиняясь сплетням и судьбе,

Соедини с моей свою усталость.

Та девочка с косичками в тебе,

Как сердцевина в дереве, осталась.

Доверься ей,

Она всегда права.

Наивная, она сильней обмана.

Как солнце, как деревья, как трава,

Как росный луг

И как кристалл тумана.

Пусть пошлый опыт утверждает: «Нет!»

В его резонах слишком много толка.

Но бабочка, летящая на свет,

Счастливее укывшегося волка.

Нам фонари бросают янтари,

И сушит постовой промокший китель.

Уходит в ночь столица до зари,

Как в Светлояр уходит город Китеж.

День поэзии 1971

* * *

Воробей, стучащий в крышу,
Дробный дождь в пустом корыте —
Говорите, я вас слышу,
Я вас слышу, говорите.

Прежде чем я стану тенью,
Остро, как переживанье,
Слышу, слышу свиристенье,
Шебаршенье и шуршанье.

Эти травы, эти птицы
На закате и в зените,
Милые твои ресницы,
Я вас слышу, говорите.

Ничего не надо, кроме
Общей радости и боли,
Доброй песни в отчет доме,
Свиста вьюги в чистом поле.

Мы уйдем, но не как тени,
В мир пернатых и растений,
В песни, шорохи и звуки.
Нас с тобой услышат внуки.

День поэзии 1980

Анисим КРОНГАУЗ

Кукушка

Кукушка куковала за стеной.

Кукушка

Издвдалась надо мной.

А нужно ли так много куковать

И птичьей ложью

Истину скрывать?

Врачи и те мне правду говорят,

А ты кукуешь

Сорок раз подряд:

«Ку-ку, ку-ку, — так сорок раз, —
ку-ку...»

А боль не унимается в боку.

Раскрыл я ставни.
 Захотелось мне
 Увидеть лес в некрашеном окне
 В закатном непогашенном огне,
 Где, может, скачет, листьями шурша,
 Лесная лгунья,
 Добрая душа.

Но там, где свет закатный не потух,
 Большим бичом размахивал пастух:
 Как рыжую корову на стерне,
 Он солнце бил
 По огненной спине.
 Он был веснушчат и широк в кости,
 Не стукнуло ему и двадцати.
 И понял я:
 Кукушка в тишине
 Пророчит долголетие
 Не мне.

День поэзии 1961

Виктор КОЧЕТКОВ

* * *

Роняют шелест старые деревья.
 Свистят скворцы в заброшенном саду.
 По улице покинутой деревни
 Осенним утром медленно бреду.

На голос мой никто не ответится.
 Ведь у природы память коротка.
 На черном дне забытого колодца
 Тревожные блистают облака.

Порой метнутся спугнутые тени
 В глухой проулок, полный тишины,
 Где долгий сон дичающих растений
 Не прерывался чуть ли не с весны.

Уже репейник обступил пороги,
 Уже крапива на крыльцо взошла.
 И паутиной затканые боги
 С тоской глядят из темного угла.

И ветер рвет, нетерпелив и резок,
 С разошшимися створками окно.
 И наступает яростный подлесок
 На огород, не паханный давно.

А лопухи — те на повесть подались,
 И палисад в их власть себя отдал...
 Видал не раз, как города рождались,
 Как села умирают — не видал.

Двадцатый век, ты мастер грозных ломок,
 Еще их столько будет впереди.
 Как сытый конь, не обрывай постромок,
 Российскую деревню пощади.

Она ли не была тебе опорой
 И не тебе ли силы отдала?
 Не платы, благодарности нескорой
 Она, многострадальная, ждала.

Она блюла заветы и обеты.
 Она стоять умела под грозой.
 Весь пафос твой, все беды и победы
 Омыты деревенскою слезой.

В какие дали заскочили тропы
 От этих безымянных родников.
 Цветет освобожденная Европа
 На косточках железных мужиков.

Я не могу, как пасынок лукавый,
 Зорить очаг, что грел меня вчера...
 Сплелись в клубок нетоптанные травы,
 Волнуются за речкой клевера.

День поэзии 1980

Александр КОЧЕТКОВ

1900—1953

Баллада о прокуренном вагоне

Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями —
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастет на сердце рана,
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана —
Прольется пламенной смолой.

— Пока жива, с тобой я буду —
Душа и кровь неразделимы, —
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду,
Ты понесешь с собой, любимый, —
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

— Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
— За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба — я и ты.

— Но если я безвестно кану —
Короткий свет луча дневного, —
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, млечный дым?
— Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным,
Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,
Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.

Нечеловеческая сила,
В одной давилне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.

С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них, —
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг.

День поэзии 1966

Фото А. Горнунга. Публикуется впервые.

Лучше же нет его книг — что за праздник пылливому духу,
 Вечно бы книги читал!
 Ласков Манлий со мной, но без крайности, без излишней —
 Сдержанность мудрым идет.

3. В цирке

Я белым камнем этот день отмечу!
 Мы были в цирке и пришли уж поздно,
 По всем ступеням зрители теснились,
 С трудом пробилась с Манлием мы
 к месту.
 Все были налицо: сенат, весталки,
 Лишь место Кесаря еще пустело.
 И, озирая пестрые ступени,
 Двух мужей я заметил: их глаза
 Меня остановили... я не помню —
 Один из них был, кажется, постарше
 И так смотрел, как заклинатель змей:

Глаз не сводил он с юноши, тихонько
 Неслышно говоря и улыбаясь.
 А тот смотрел, как будто созерцая
 Незримое другим, — и улыбался...
 Казалось, их соединяла тайна.
 И я спросил у Манлия: «Кто эти?»
 — Орозий-маг с учеником, их в Риме
 Все знают, даже задавать смешно
 Подобные вопросы. Тише... цезарь... —
 Что будет, что начнется, я не знаю,
 Но белым камнем я тот день отметил.

4. Эросу

С чем сравню я тебя, тайной любви огонь?
 Ты — стрела из цветов, сладкую боль с собой
 Нам всегда ты несешь; ты — паутины сеть,
 Льву ее разорвать нельзя.
 Аргус ты и слепец, пламя и холод ты,
 Кроткий, нежный тиран, мудрость безумного,
 Ты — здоровье больных, буря спокойных,
 Ты — искатель цветных камней!

Тихо все в глубине, сердце как спит у нас,
 Эрос, мудрый стрелок, сердце пронзит стрелой.
 Слово луч заблестит алой зари дневной —
 Мрак ночной далеко уйдет.
 Все сияет для нас, блеском залито все,
 Как у лиры струна, сердце забьется вдруг.
 Будто факел зажгли в царском хранилище —
 Мрак пещеры убит огнем!

Эрос — факел святой, — мрак разогнал ты нам!
 Эрос — мудрый стрелок, — смерть и отраду шлешь!
 Эрос — зодчий хитрец, — храмы созиждешь ты, —
 Ты — искатель цветных камней!

5. У мага

Я к магу шел, предчувствием томим...
 Был вечер, быстро шел я вдоль домов,
 В квартал далекий торопясь до ночи.
 Не видел я, не слышал ничего,
 Весь поглощенный близостью свиданья...
 У входа в дом на цепи были львы,

Их сдерживал немой слуга, в покоях
 Все было тихо, сумрачно и странно.
 Блестела медь зеркал, в жаровне угли
 Едва краснели. Сердце громко билось...
 К стене я прислонившись, ждал в тиши...
 И вышел маг, но вышел он один.

6. Наставления мага

Радостным, бодрым и смелым зрю я блаженного мужа,
 Что для господства рожден, с знаком царя на челе.
 Всем не одно суждено, не одно ведь для всех — добродетель,
 Смело и бодро идет вечно веселый герой.
 В горных высотах рожденный поток добегаёт до моря —
 В плоских низинах вода только болото даёт.
 С кровли ты можешь увидеть и звезды далекие в небе,
 Темную зелень садов, город внизу, под холмом.
 Скорым быть, радости вестник, тебе надлежит; осушивши
 Кубок до дна, говори: «Выпил до капли вино».
 И между уст, что к лобзанию стремятся, — разлука проходит.
 Скорым быть нужно, герой, куй, пока горячо.
 Радостна поступь богов, легка, весела их осанка,
 Смех их — премудрей всего, — будь им подобен, герой!

7.

Казнят? Казнят? Весь заговор открыт,
 Все цезарю известно — боги, боги!
 Орозий, юноша и все друзья
 Должны погибнуть иль бежать спастись.
 По всем провинциям идут аресты,
 Везде как сеть раскинут заговор.

Наверно, правду Руф сказал,
 но что же будет?
 И юноша погибнет! Он шепнул мне:
 «Во вторник на рассвете жди меня
 У гаванских ворот; увидит цезарь,
 Что не рабов в нас встретил, а героев!»

8. Смерть

Как помню я дорогу на рассвете —
 Кустарник по бокам, вдали равнину...
 На западе густел морской туман,
 И за стеной заря едва алела.
 И помню всадника, он быстро ехал,
 Был бледен, сквозь одежду кровь
 сочилась,

И милое лицо глядело строго...
 Сошел с коня, чтоб больше не садиться,
 Достал мне письма; сам бледнел, слабее:
 «Спеши, мой друг, мой конь — тебе,
 скорее.
 Вот — Прохору в Ефес, вот — в Смирну,
 сам ты

Валентин КУЗНЕЦОВ

* * *

Живи. Дела свои верши.
Шагай по тонкой наледи.
Иди по улицам души,
По закоулкам памяти.

И все, что жизнью намелось,
В тебе на миг просветится:
Зеленые глаза берез
И — голубые — месяца.

Ты соберешь охапку снов,
И, как листву по осени,
Снесешь туда, где от ветров
Заря ребрится в озере.

Ты соберешь охапку снов,
Забудешь боли-хворости.
И будет, словно петушок,
Стоять огонь на хворости.

И станет пленная вода
Глядеть на пламя рыжее.
И, словно аисты, года
Пройдут над отчей крышею.

Припомнишь:
Ростом был с вершок,
На брови шапка сдвинута.
И захрустит в тебе снежок,
Из детства кем-то кинутый.

Глухих околиц говорок
Рассыплется бубенчиком,
Где в первый раз на твой порог
Взошла любовь застенчиво.

Услышишь робкие слова,
Свои слова незрелые...
И черной ночи голова
Вдруг станет ночью белою.

День поэзии 1969

Юрий КУЗНЕЦОВ

* * *

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошел в направленье полета,
По сребристому следу судьбы.
Она пала к лягушке в болото,
Вдалеке от родимой избы.

— Пригодится на доброе дело! —
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

День поэзии 1970

Возвращение

Шел отец, шел отец, невредим,
Через минное поле,
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернет...
Не гляди на дорогу.
Столб клубящейся пыли идет
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука —
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждет, —
Через поле и пашню
Столб крутящейся пыли бредет,
Одинокий и страшный.

День поэзии 1973

Брат

В дырявой рубашке родился он
И гаркнул на мать свою:
— Почто прервала мой могучий сон,
Ведь я побеждал в бою?!

— За что ты сражался? — спросила
мать.

— За правду, — ответил он.
— А с кем ты сражался? — спросила
мать.

— Со всеми, — ответил он.

— А где твоя правда? — спросила мать.
— Во мгле, — прогремел ответ. —
Я в лоно твое ухожу опять —
Оттуда мне брезжит свет.

Обратно ушел, чтоб продолжить бой.
Сквозь лоно прошел незрим,
Откуда выходит весь род людской:
Но он разминулся с ним...

Когда я увидел, что я рожден,
Я крикнул на мать свою:
— Почто прервала мой глубокий сон,
Ведь я побеждал в бою?!

— За что ты сражался? — спросила
мать.

— За правду, — ответил я.
— А с кем ты сражался? — спросила
мать.

— С братом, — ответил я.

— А где твоя правда? — Ее не видать
Отсель, — мой ответ гласил. —
Но если я буду с тобой болтать,
Мой враг наберется сил.

Я в недра земли ухожу, свистя,
Как сорок веков назад.
— Останься, надежда моя! Дитя!..
— Я жду! — отозвался брат.

День поэзии 1980

Светлана КУЗНЕЦОВА

* * *

Жестокий романс, я смеюсь над тобой
За то, что красив ты и светел,
За то, что на все, что случится
с судьбой,
Ты просто и ясно ответил.

За то, что умна твоя старая грусть
И я перед нею немею,
За то, что я знаю тебя наизусть
И лучше сказать не умею.

День поэзии 1978

* * *

И вот опять мне снится родина.
И вот опять пуржит пурга.
Что мной утеряно, уронено
На те высокие снега?
Что мной утрачено, убито?
Никак сегодня не пойму,
Какой неведомый убыток
Мешает счастью моему?
Зачем я радовалась мало?
О чем болела голова?
...Ах, здравствуй,
Здравствуй,
Здравствуй, мама,
Как хорошо, что ты жива!..
Она, в пальто своем не новом,
Бедна, беспомощна, бледна,
Платком покрытая пуховым,
На белизне стоит одна.
— Давай пойдем вдвоем по полю, —
Она тихонько говорит.
— Давай поплачем, дочка, вволю,
Покуда солнце не горит...

День поэзии 1979

Гадание Светланы

Не дороги, а тропинки
Побежали по судьбе.
Начинаются воспоминки,
Как поминки по себе.

Зажигаю я на святки
Сине-черную свечу,
Без опаски, без оглядки
С темной силою шучу.

Ставлю зеркало в оправе
Из литого серебра.
Неразумный разум вправе
Ждать от нечисти добра.

Потому не захотела
Очертить последний круг.
Потому сказать посмела:
— Кто явился, тот и друг!

Мне любой в друзья годится.
Негу нечисти числа.
Несыть жадная садится
У накрытого стола.

Начинает нечисть чары
Залихватским говорком,
Подымает нечисть чары
С заграничным коньяком.

Подымает, мне в угоду,
Все одно и то же вновь:
Поверх моря — непогоду,
Поверх сердца — нелюбовь.

Дарит полную поляну,
Дарит полную луну.
За подарками не встану,
Даже рук не потяну.

Полуночную порою
Не души своей мне жаль.
За посулом, за игрою
Вижу позднюю печаль.

Вижу позднюю дорогу
Да порошу во полях.
Вижу полностью, ей-богу,
Всю поруху во друзьях!

День поэзии 1980

Станислав КУНЯЕВ

* * *

Добро должно быть с кулаками,
добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками
со всех, кто лезет на добро.
Добро не жалость и не слабость,
добром дробят замки оков.
Добро не слякоть и не святость,
не отпущение грехов.
И смысл истории — в конечном,
в добротном действии одном:
спокойно вышибать коленом
не уступающих добром!

День поэзии 1960

* * *

Я не завидую актерам —
талантам, гениям, — которым
всю жизнь приходится играть,
то воскресать, то умирать.
Сегодня площадной оратор,
назавтра — царь, вчера — лакей.
Должно быть, портится характер...

Игру закончив, лицедей,
должно быть, с каждой новой ролью,
со щек румяна соскребя,
все тяжелей, все с большей болью
приходит медленно в себя.

День поэзии 1963

* * *

Не то чтобы жизнь надоела,
не то чтоб устал от нее,
но жалко веселое тело,
прекрасное тело свое,
которое плакало, пело,
дышало, как в поле трава,
и делало все, что хотело,
и не понимало слова.

Любило до стона, до всхлипа,
до тяжести в сильной руке
плескаться, как белая рыба,
в холодной сибирской реке.
Любило простор и движенье...
Да что там — не вспомнишь всего!
И смех, и озноб, и лишенье —
все было во власти его.
Усталость и сладкая жажда,
и ветер, и снег, и зима...
А душу нисколько не жалко —
во всем виновата сама!

День поэзии 1966

Василий КУЛЕМИН

1921—1962

Как умирала береза

Она, как женщина, лежала, —
и не девчонка, и не мать.
И красоту свою держала
и не желала отпустить.

Она, как женщина, лежала
в открытой кофте вырезной.
И всех прохожих поражала
не мертвенною белизной.

Потом с каким-то скрытым горем,
отчаясь что-нибудь понять,
она затихла вдруг на взгорье
и молча стала умирать.

Я к ней пришел сюда под вечер.
Ее нашел уже не той.
Она свои нагие плечи
прикрыла кроной золотой.

Увял шатер ее зеленый.
А было ей немного лет.
И лишь на ветке отдаленной
не гас зеленой жизни свет.

День поэзии 1960

Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ

1919—1943

Бессмертие

(Из незавершенной поэмы)

...Я взял себе большое счастье
Работать до дрожанья рук.
Я к первой приступаю части —
И за последней я умру.

Военный год стучится в двери
Моей страны. Он входит в дверь.
Какие беды и потери
Несет в зубах косматый зверь?
Какие люди возметнутся
Из поражений и побед?
Второй любовью Революции
Какой подыметса поэт?

Уже давно предупрежденья
По фитилю скользят вперед,
И годом моего рожденья
Готов любой взорваться год.
Вдруг, как в предгрозье,
город пыльный
На миг накроет чернотой
КВЖД, Хасан иль Вильно.

А туча виснет. Слава ей
Не будет синим ртом пролета.
Бывает даже у коней
В бою предчувствие победы.

Приходит бой с началом жатвы.
И гаснут молнии в цветах.
Но молнии пружиной сжаты
В затворах, в тучах и в сердцах.

Здесь проползут стадами танки —
По небосводу виден путь.

Тяжелые, как черепахи,
Встают над ямой на дыбы:
Фуражки, каски и папахи
Мелькают в шелке их судьбы.

Все — против всех. Любой солдат
 Союзником имел лишь ад,
 Дорогой адскою шагая,
 Чтоб наконец достигнуть рая.

Граненый танк, шатаясь, едет
 По черепам чужих бойцов.
 Не видят ничего на свете
 Глаза, заткнутые свинцом.
 Но он идет к тоннелям пушек,
 Но он на ощупь танком рушит
 В кулак зажатой цифрой тонн
 Скелет железный сквозь бетон.
 И поколенье поднималось
 Меж двух военных сапогов.
 Еще в зените — мчится в хаос —
 Тяжелый маятник часов.
 Наперевес с железом сизым
 И я на проволоку пойду,
 И коммунизм опять так близок,
 Как в девятнадцатом году!

1939

День поэзии 1963

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Поэты

Кто дал им власть
 Из хаоса ночного,
 Из суеты необоримых дней
 Мучительно спасать за словом слово
 И сопрягать фантазией своей?

И в мир вносить осознанно и вещь,
 И, все пороки перебрав притом,
 Любви и Смерти золотые клещи
 Всю жизнь на сердце чувствовать своим.

Ты скажешь: гений.
 Тысячу ответов
 Я и сама нашла бы без труда.
 Но и стихи посредственных поэтов
 Каким прозреньем дышат иногда!

День поэзии 1980

Борис ЛАПИН

1905—1941

О, поле, поле

(Песня английского солдата)

Солдат, учись свой труп носить,
 Учись дышать в петле,
 Учись свой кофе кипятить
 На узком фитиле.

Учись не помнить черных глаз,
 Учись не ждать небес, —
 Тогда ты встретишь смертный час,
 Как свой Бирнамский лес.

Взгляни! На пастбище войны
 Ползут стада коров.
 Телеги жирные полны
 Раздетых мертвецов.

Рисунок Александра Тышлера.

В воде лежит разбухший труп,
И тень ползет с лица
Под солнце тяжкое, как круп
Гнедого жеребца.

Должно быть, будет по весне
Богатый урожай,
И не напрасно в вышине
Собачий слышен лай.

О вы, цепные мудрецы,
Мне внятна ваша речь —
Восстанут эти мертвецы,
А нас покосит меч.

И полевые мужики,
«Ворочая бразды»,
Вкопают в прах, как васильки,
Кровавых дел следы.

День поэзии 1969

Григорий ЛЕВИН

Ландыши продают

На привокзальной площади
Ландыши продают.
Какой необычный, странный смысл
Ландышам придают.
Ландыши продают.
Почему не просто дают?
Почему не дарят, как любимый взгляд?
Ландыши продают...

Непорочно белые, чистые,
Лучевидные и лучистые,
Непогрешимые — что им гроши мои?
Ландыши продают.

Что звучит пошлей, чем «пошла
по рукам»?
Но не тот же ли смысл я словам придам,
Если я спрошу, Москвой
проваландавшись:

«Почем ландыши?»
Почем свежесть?
Почем красота?
Почем нежность?
Почем чистота?
Почем воздух сегодня дают?
Не правда ли, странно, когда услышишь:
«Ландыши продают?»

День поэзии 1956

Владимир ЛАЗАРЕВ

* * *

В глубинах мироздания слышу слово,
Его никто еще не смел найти.
С невыносимой маетой немого
Я вслух его хочу произнести...

День поэзии 1962

* * *

А как отзовется двадцатый наш век,
Когда уж сама эта цифра —
«двадцатый» —
Не будет собой завораживать всех,
Не будет лететь сквозь туманы и снег
И соединится со словом «когда-то»?

Здесь ярость стучится в скопление лет.
И нам сквозь разряды печали и смеха
Мерещится наша великая вежа:
Вот первый ученый, вот первый поэт,
Вот первый мыслитель двадцатого
века!..

Мы верим в свой век со страстями его.
На этой загадочной малой планете
Каким он окажется в медленном свете,
В значении истинном мира сего?

День поэзии 1979

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ**Из книги «Кинематограф»****Вступление в книгу**

Это город. Еще рано. Полусумрак, полусвет.
А потом на крышах солнце, а на стенах еще нет.
А потом в стене внезапно загорается окно.
Возникает звук рояля. Начинается кино.

И очнулся, и качнулся, завертелся шар земной.
Ах, механик, ради бога, что ты делаешь со мной!
Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса
заставляет меня плакать и смеяться два часа,
быть участником событий, пить, любить, идти на дно...

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Кем написан был сценарий? Что за странный фантазер
этот равно гениальный и безумный режиссер?
Как свободно он монтирует различные курсы
ликованья и отчаянья, веселья и тоски!
Он актеру не прощает плохо сыгранную роль,
будь то комик или трагик, будь то шут или король.
О, как трудно, как прекрасно действующим быть лицом
в этой драме, где всего-то меж началом и концом
два часа, а то и меньше, лишь мгновение одно!..

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Я не сразу замечаю, как проигрываешь ты
от нехватки ярких красок, от невольной немоты.
Ты кричишь еще беззвучно. Ты берешь меня сперва
выразительностью жестов, заменяющих слова.
И спешат твои актеры, все бегут они, бегут —
по щекам их, белым-белым, слезы черные текут.
Я слезам их черным верю, плачу с ними заодно...

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Ты накапливаешь опыт и в теченье этих лет
хоть и медленно, а все же обретаешь звук и цвет.
Звук твой резок в эти годы, слишком грубы голоса.
Слишком красные восходы. Слишком синие глаза.
Слишком черное от крови на руке твоей пятно...

Жизнь моя, начальный возраст, детство нашего кино!
А потом придут оттенки, а потом полутона —
то уменье, та свобода, что лишь зрелости дана.

А потом и эта зрелость тоже станет в некий час
детством, первыми шагами тех, что будут после нас
жить, участвовать в событиях, пить, любить, идти на дно...

Жизнь моя, мое цветное, панорамное кино!
Я люблю твой свет и сумрак, — старый зритель, я готов
занимать любое место в тесноте твоих рядов.
Но в великой этой драме я со всеми наравне
тоже, в сущности, играю роль, доставшуюся мне.
Даже если где-то с краю перед камерой стою,
даже тем, что не играю, я играю роль свою.
И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны,
как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны,
как сплетается с другими эта тоненькая нить,
где уже мне, к сожаленью, ничего не изменить,
потому что в этой драме, будь ты шут или король,
дважды роли не играют, только раз играют роль.
И над собственной ролью плачу я и хохочу.
То, что вижу, с тем, что было, я в одно сложить хочу.
То, что видел, с тем, что знаю, помоги связать в одно,
жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!

День поэзии 1966

Время, бесстрашный художник...

Время, бесстрашный художник,
словно на белых страницах,
что-то все пишет и пишет
на человеческих лицах.

Грифелем водит по коже.
Перышком тоненьким — тоже.
Острой иглою гравера.
Точной рукою примера.

Таинство света и тени.
Стрелы, круги и квадраты.
Ранние наши потери.
Поздние наши утраты.

Скарденность наша и щедрость.
Суетность наша и тщетность.
Мужество или гордыня.
Ханжество и добродетель.

Вот человек разрисован
так, что ему уже больно.
Он уже просит: — Довольно,
видишь, я весь разрисован!

Но его просьбы не слышит
правды взыскующий мастер.
Вот он отбросил фломастер,
тоненькой кисточкой пишет.

Взял еще перышко в руку —
пишет предсмертную муку.
Самый последний штришочек.
Малую черточку только.

Так нас от первого крика
и до последнего вздоха
пишет по-своему время
(эра, столетье, эпоха).

Пишет в условной манере
и как писали когда-то.

Как на квадратной фанере
пишется скорбная дата.

Отсветы. Отблески. Блики.
Пятна белил и гуаши.
Наши безгрешные лики.
Лица греховные наши.

Вот человек среди поля
пал, и глаза опустели.
Умер в домашней постели.
Выбыл из вечного боя.

Он уже в поле не воин.
Двинуть рукою не волен.
Больше не просит: — Довольно! —
Все, ему больше не больно.

День поэзии 1968

Новый год у Дуная

Камень старинный, башни, мосты,
ограды.

Гостеприимны древние эти грады.
Благословенны тихие эти веси.
Колокола воскресные в поднебесьи.

Под куполами, золотом, синевою
я с непокрытой шествую головою.

Колокол, солнце, елка стоит, сверкая.
День новогодний — боже, теплынь
какая!

День новогодний, теплый, весенний,
синий.
А в эту пору снег идет над Россией.

Ветер гудит по нашим великим рекам.
Снег над Россией. Что там, за этим
снегом?

Что там, за снегом, — что он,
кого он прячет?
Кто там за ним вздыхает, смеется,
плачет?

Кто там сейчас в лесу над костром
колдует,
дует в огонь, в озябшие руки дует?

Господи, дай им солнца, тепла, капли!
Дай, чтоб скорее птицы в лесу запели!

Синью наполни очи лесных проталин!..
К старости, что ли, стал я сентиментален.

Даже не думал, что напишу такое...
Хрустнула ветка где-то в лесном покое.

Скрипнули сани и затерялись в поле.
И никуда не деться от этой боли.

Ветер гудит по северным нашим рекам.
Снег над Россией.
Что там, за этим снегом?

День поэзии 1969

Владимир ЛИФШИЦ

1913—1978

«Астория»

В гостинице «Астория»
Свободны номера.
Те самые, которые
Топить давно пора.

Но вот уж год не топлено,
Не помнят — кто в них жил.
(А лодка та потоплена,
Где Лебедев служил...)

И стопка не пригублена —
Пока поберегу.
(А полушубок Шубина
Под Волховом, в снегу...)

Здесь немец проектировал
Устроить свой банкет,

Обстреливал, пикировал,
Да вот не вышло. Нет.

А мы,
придя в «Асторию»,
Свои пайки — на стол:
Так за победу скорую,
Уж коли случай свел!

Колдую над кисетами
Махорочной трухи,
Друг другу до рассвета мы
Начнем читать стихи.

На вид сидим спокойные,
Но втайне каждый рад,
Что немец дальнобойные
Кладет не в наш квадрат.

Два годика без малого
Еще нам воевать...
И Шефнер за Шувалово
Торопится опять.

Еще придется лихо нам...
Прощаемся с утра.
За Толей Чивилихиным
Гитовичу пора.

А там и я под Колпино
В сугробах побреду,
Что бомбами раздолбано
И замерло во льду.

Но как легко нам дышится
Средь белых этих выюг,
Как дружится, как пишется,
Как чисто все вокруг!

И все уже — история,
А словно бы вчера...

В гостинице «Астория»
Свободны номера.

Владимир ЛУГОВСКОЙ

1901—1957

Фотограф

Фотограф печатает снимки.
Ночная, глухая пора.
Под месяцем, в облачной дымке,
Курится большая гора.

Летают сухие снежинки,
Окончилось время дождей.
Фотограф печатает снимки —
Являются лица людей.

Они выплывают неожиданно,
Как луны из пустоты.
Как будто со дна океана,
Средь них появляешься ты.

Из ванночки мокрой и черной
Глядит молодое лицо.
Порывистый ветер нагорный
Листвой засыпает крыльцо.

Под лампой багровой хохочет
Лицо в закипевшей волне.
И вырваться в жизнь оно хочет,
И хочет присниться во сне.

Скорее, скорее, скорее
Глазами плыви сквозь волну!
Тебя я дыханьем согрею,
Всею памятью к жизни верну.

Но ты уже крепко застыла,
И замерла волн полоса.
И ты про меня позабыла —
Глядят неподвижно глаза.

Но столько на пленке хороших
Ушедших людей и живых,
Чей путь через смерть переброшен,
Как линия рельс мостовых.

А жить так тревожно и сложно,
И жизнь не вернется вспять.
И ведь до конца невозможно
Друг друга на свете понять.

И люди, еще невидимки,
Торопят — фотограф, спеши!
Фотограф печатает снимки.
В редакции нет ни души.

День поэзии 1956

Костры

Пощади мое сердце
И волю мою
Укрепи,
Потому что
Мне снятся костры
В запорожской весенней степи.
Слышу — кони храпят,
Слышу запах
Горячих коней,
Слышу давние песни
Вовек не утраченных
Дней.
Вижу мак-кровавец,
С Перекопа принесший
Весну,
И луну над конями —
Татарскую в небе
Луну.
И одну на рассвете,
Одну,
Как весенняя синь,
Чьи припухшие губы
Горчей,
Чем седая полынь...
Укрепи мою волю
И сердце мое
Не тревожь,
Потому что мне снится
Вечерней зари
Окровавленный нож,
Дрожь степного простора,

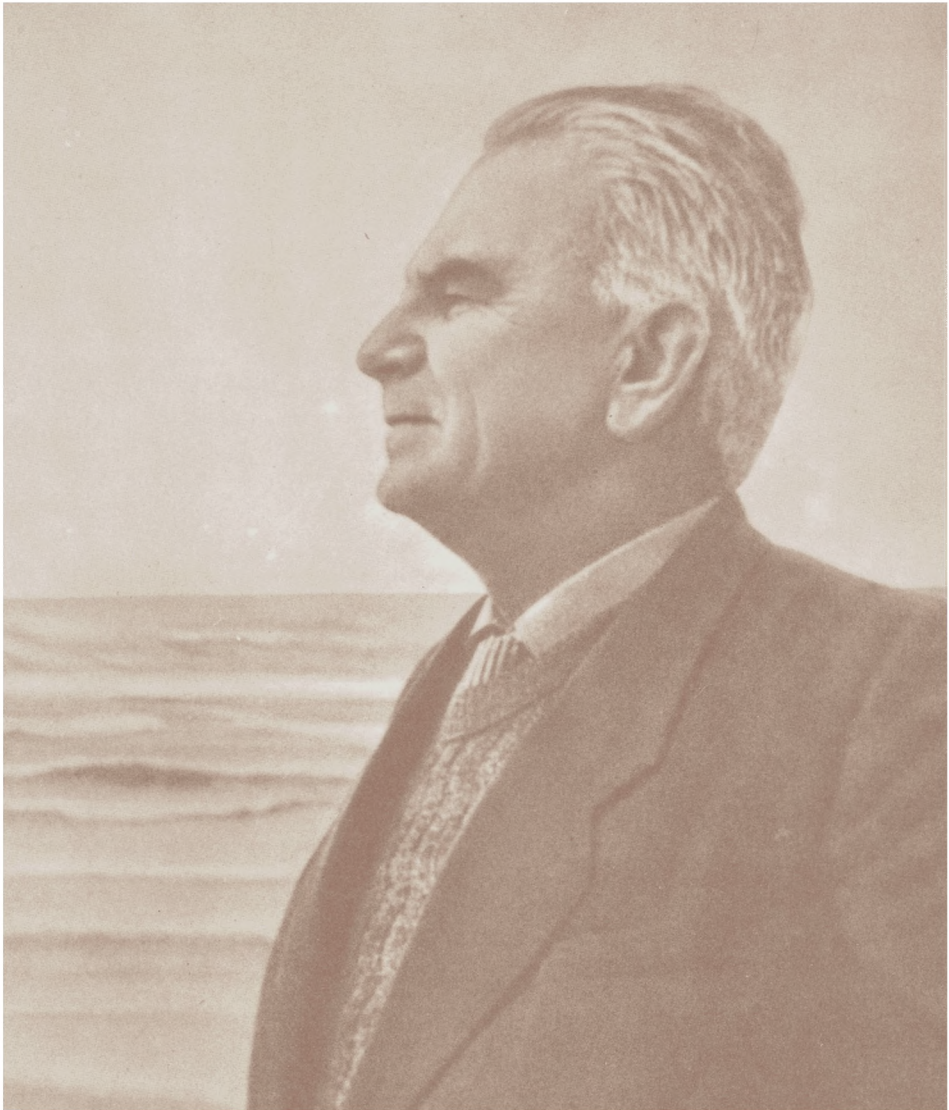
Махновских тачанок
Следы
И под конским копытом
Холодная пленка
Воды.
Эти кони истлели,
И сны эти
Очень стары.
Почему же
Мне снова приснились
В степях запорожских
Костры,
Ледяная звезда
И оплывшие стены
Траншей,
Запах соли и йода,
Летящий
С ночных Сивашей?
Будто кони храпят,
Будто легкие тени
Встают,

Владимир Луговской.
Рисунок В. Маяковского.

На афганской границе
и на иранской границе
Видел я
ваши солнцем сожженные лица.
Вы, строители,
гидротехники,
агрономы,
Были в каждом ауле,
в кибитке
и в юрте
как дома.
Это русские люди,
как нас называли —
Иваны,
Рыли в снежной Сибири,
в казахской степи котлованы;
Шахты ствол опускали,
крутили подъемные краны.
Через четверть столетья
их юные лица
актеры несли
на экраны.

Это русские люди,
как нас называли —
Иваны,
На грохочущий праздник работ
были первыми званы,
В пиrowанье невзгод,
что друзьям моим щедро досталось,
Где от зноя и холода
в горле хрипела усталость.
Это русские люди,
как нас называли —
Иваны,
Перекрытья цехов
поднимали в степные бураны,
Удивляясь рукам своим мудрым,
терпенью
и силе,
И за это подачек
у жесткой судьбы не просили.
Это русские люди,
как нас называли —
Иваны,
С нивелиром прошли водоемы,
хребты
и барханы,

И благодарные потомки
Об этом будут знать от нас.

И рассказать об этом надо,
И надо так его любить,
Чтоб ложным жестом,
Льстивым взглядом
Той правды нам не оскорбить.

День поэзии 1957

Владимир ЛЕОНОВИЧ

Комариный звон топорика

Он сучок сбивал топориком —
будто слизывал сучок.
— Мне, отец, к Еловым Дворикам... —
Затруднился старичок.

Комариный звон топорика
с лезвия сошел на нет.
— Ишь ты, до Елова Дворика... —
Поглядел на сучья дед,

вытянул из груди
скрюченный,
мертвый, севером измученный,
коленчатый сучок.
— Вот он, путь какой, милоч:

вот тропиночка и вот она,
по колену поверни —
по чернолеси наметана
тень глухая. По тени

вышел на свет — по болотине.
Так оно и будет весть...

По еловой моей родине,
самой-самой что ни есть.

День поэзии 1977

Михаил ЛУКОНИН

1918—1976

Тебе

У Ганга был
и не забыл,
бил в бок поющий гонга
и в половодье переплыл
на пальме
ширь Меконга.
В струе купался ледяной,
а были дни иные —
я окунался с головой
в тропически-парные.
А ну-ка, память, вспоминай,
да, не забыть веками:
Янцзы, и Сену, и Дунай,
еще другие реки.
Худого слова не скажу,
красивы реки мира,
летаю, езжу и хожу
землей неутомимо.
Но почему же —
все с тобой,
все о тебе,
с тобою?
Все ты и ты, в стране любой
дорогой голубою.
Иду, уходят, как во сне,
разлука и размолвка,
а ты всегда со мной,
во мне —
единственная Волга.
Во мне, со мною
навсегда.
Когда с тобой прощаюсь,
веселый я лечу туда,
счастливый
возвращаюсь.
И тем я жив,
что знаю я —
ты за меня в ответе —
и боль моя,
и соль моя,
и хлеб мой
на планете.

День поэзии 1966

В ночь перед полетом

Спи, Настенька,
 я к двум твоим годам
 клонюсь посеребренной головою.
 Спи.
 Никому на свете не отдам,
 не бойся,
 спи спокойно под Москву.
 Во сне растут все дети на земле.
 Спи.
 Я пойду, ликуя и страдая.
 Пускай к тебе в вечерней полумгле
 во сне приходит
 мама молодая.
 Пойду. Бушует летняя Москва.
 Да что за утро выпадет ей завтра!
 Мне надо знать
 заветные слова
 готового к полету космонавта.

*Михаил Луконин и Александр Яшин.
 Май 1941 года.*

Да, это завтра.
 А сейчас пока
 спят космонавты родины, как дети.
 Я знаю — их дорога далека,
 пусть спят пока в подлунном пересвете.
 Я знаю, кто она.
 В урочный час
 взойдет над всем,
 и мир ее услышит,
 земной предел пройдет у самых глаз.
 А женщина уснула, ровно дышит.
 Она все знает, спит, и сны легки.
 Я знаю и не сплю,
 да, мне не спится —
 в полете будут
 все ее витки
 лететь вослед,
 пока не приземлится.
 Все вместе:
 степь. Отчизна. И она.
 И Волга. И поэзия. И Настя —
 все это вместе —
 жизни глубина
 и высота, открытая для счастья.
 Дай мне слова, поэзия, приди.
 Земля светлеет с каждым оборотом.
 На все века,
 что будут впереди,
 запомню эту ночь перед полетом.

День поэзии 1963

Прошлогоднее происшествие

На проспекте Руставели
 В галерее —
 тишина.
 Поглядеть мы захотели,
 Чем порадует она?
 — Санитарный день, простите?
 Выходной? Переучет?
 Я приезжий,
 вы пустите. —
 Что ж,
 приедем почет.
 Если так уже влечет.

Тесновато тут у входа.
В полусемере разговор.
Много топчется народа,
Молодого — на подбор.

Краски неба! Краски моря!
Краски ночи!
Краски дня!
Настроенью жизни вторя,
Захватили вдруг меня.
На стенах — впритык картины,
Примостившись на полу,
Прислонившись в уголке,
Чуть ли не на потолке.
Коридор пустует длинный...
Только трое,
Только трое
Ходят у меня в тылу.

— Не мешайте, посторонний, —
Говорит один из них.

— Почему же посторонний,
Я ведь
не потусторонний,
Я, товарищ, из живых!..
— Вы шутник! — сказал другой.
Женщина сказала:

— Фронда!
Мы комиссия, а вы-то,
Мы, товарищ дорогой,
Из союзного худфонда... —
И застыла деловито
Перед девушкой нагой,
Дробно стучая ногой.

— А комиссия при чем, —
Спрашиваю, — что случилось?
— Отбираем!

Вот наивность! —
И оттер меня плечом.
— Но за что? Не верю все ж,
Отпирате, наверно? —
Старший встрепенулся нервно:
— Отбираем молодежь,
Отбираем, — говорит, —
Скоро выставка. Понятно? —
И пошел,

шепча невнятно:

— Перспектива.
Колорит... —
У меня во рту горит.

Вижу —
Правда, отбирают.
Как шоферские права.
Запирают, как дрова.
Милуют и презирают,
Отбирают без затей,
Привирают, попирают.
Отбирают
У людей.

Смотрит молодой народ
С бородами,
Без бород,
На комиссию с опаской,
Ни насмешки, ни мольбы.

Фото Н. Лаврентьева.

Пальцы вымазаны краской.
 Молча ждут своей судьбы.
 Отбирают!
 Неужели
 Отберут и у меня,
 На проспекте Руставели
 Отберут
 Средь бела дня!
 Я — назад,

дрожа от страха,
 Говорю себе — скорей.
 На спине гремит рубаха.
 Вылетаю из дверей.
 Вот иду себе. В кармане
 Чую гирию кулака.
 А навстречу Пиросмани,
 Не отобранный пока.

День поэзии 1966

* * *

«Я стар, не убивай меня, прошу я...» —
 тебя увидев, про себя шепчу.
 Но, трепеща, бунтуя и бушуя,
 бегу по раскаленному лучу.
 Подкошенный глазами, рухнул разом,
 все изломал бровей ее излом.
 И чувствую,
 как намертво завязан
 волос ее загадочным узлом.
 Все понимаю.
 Все я понимаю.
 Не говорите, знаю. Не гляжу.
 Глаза свои спокойно поднимаю
 и в сторону притворно отвожу.
 Хожу один в переплетенье улиц,
 а время все летит, как облака.
 В полете лет
 случайно разминулись
 две жизни
 и не встретятся пока.
 Вы, самолеты, поднимайтесь выше,
 вы перекройте лето, поезда,
 не вижу я ее,
 уже не слышу
 и забываю имя навсегда.

Да только что теперь мое решение.
 Так ничего не будет решено.
 Преодолеть земное притяженье
 пока еще не каждому дано.
 Я дальние дороги выбираю,
 я от нее все мысли отрешу.
 Гляжу в глаза
 и в страхе замираю:
 я стар, не убивай меня, прошу.

День поэзии 1963

Раны

Да, раны зарастают.
 Но растут.

И не болят,
 пока их не увидишь
 или пока забвеньем их обидишь,
 тогда опять с тобою —
 тут как тут.

Когда детей в большой семье растят,
 им шьют с запасом,
 чтобы впрок носилось.

И нам —
 шинели длинные, до пят,
 и шрамы тоже
 выдали на вырост.
 Чтоб мы не заблудились в ней,
 война
 на нас зарубки ставила, ты помнишь.
 А чтоб не заблуждалась,
 жизнь сама
 свои заметы ставила потом уж.

Вы так и не отпустите меня.
 Вы держите меня,
 как на приколе —
 ранения давнишнего огня,
 ранения послевоенной боли.

День поэзии 1969

Владимир ЛЬВОВ

1927—1961

* * *

В разговорах путается разум,
сердце засоряет ерунда...
Я недолго был рабочим классом,
только след остался навсегда.

Я работал на одном заводе.
Не сказать, чтоб очень тяжело.
Но ходил такой сурьезный вроде,
хохотушкам девочкам назло.

Ведь у самого нетвердый почерк,
не побрил и верхнюю губу,
а законно ставил «слесарь-сборщик»
в соответствующую графу!

Взял зубило я впервые робко,
перед грозным мастером смолчал...
Помню, кривобокая заклепка
даже снилась прежде по ночам.

Я питался в заводской столовой —
в перерыве шестьдесят минут.
Черного паек шестьсотграммовый
по рабочей карточке дают.

Вспомню все толкучие базары...
Рад, что подарила мне судьба
молотка прицельные удары.
В синем масле — болтиков резьба...

В ссадинах и заусенцах руки
прикасаются к карандашу.
Со второй полочки справлю брюки,
на каток девочку приглашу.

Стонет сталь, скрипит железо ржаво,
искры рассыпаются впотьмах,
и лежит могучая держава
на моих мальчишеских плечах.

День поэзии 1961

Михаил ЛЬВОВ

* * *

Сибгату Хакиму

Сколько нас, нерусских, у России,
И татарских, и иных кровей,
Имена носящих непростые,
Но простых российских сыновей!

Любим мы края свои родные,
И вовек — ни завтра, ни сейчас —
Отделить нельзя нас от России —
Родина немислима без нас.

Как прекрасно вяжутся в России
В солнечном сплетении любви
И любимой волосы льняные,
И заметно темные мои.

Сколько нас, нерусских, у России,
Истинных российских сыновей,
Любящих глаза небесной сини
У великой матери моей.

День поэзии 1957

* * *

Я из другого поколения,
Я из другой совсем судьбы —
Другие беды и волненья,
Другие судьи и суды.

И я других судить пытался
По нормам собственных обид,
И отрицанием питался,
И был жестоко жизнью бит.

На этом не остановился
(Ведь не на этом жизнь стоит)
И человечней становился.
И вам все это предстоит.

День поэзии 1966

Игорь ЛЯПИН

* * *

— А помнишь? Вспомни!
 Помнишь? Вспомни! —
 Неспешно вдоль Москвы-реки
 С цветами радости и боли
 Опять идут фронтовики.

И снова:
 — Помнишь, помнишь?
 — Помню! —
 Да как не помнить жизнь свою,
 И вновь они от боя к бою,
 И под огнем, и по огню

Идут — народ простой и резкий —
 В пороховой кромешной мгле
 То по родной своей, советской,
 То по чужой совсем земле.

Опять их молодость живая
 На тех дорогах фронтовых,
 Которым ни конца ни края.
 И я смотрю на праздник их,

На самый главный,
 Самый кровный,
 Вместивший путь пороховой.
 От самой первой похоронной
 И до салюта над страной.

Их меньше,
 меньше с каждой встречей.
 И головы их все белей.
 Не лечит время ран.
 Не лечит, —
 Они чем дальше, тем больней.

А годы, годы, как на марше,
 Идут с рассветной стороны.
 Уже и мы теперь постарше
 Их, возвращавшихся с войны.

Нам помнить это возвращенье
 До самых-самых наших дней.

И полковых оркестров рвенье,
 Огонь медалей, скрип ремней.

Они немного красовались
 И нам, тогдашним пацанам,
 Такими дядьками казались,
 С такою силой — я те дам!

От их наград лучами било,
 Был самокруток едок дым.
 А им тогда по двадцать было,
 Ну, пусть по двадцать с небольшим.

— А помнишь? Вспомни!
 Помнишь? Вспомни! —
 Неспешно вдоль Москвы-реки
 С цветами радости и боли
 Идут, идут фронтовики.

День поэзии 1977

Марк МАКСИМОВ**Притяжение**

Ревниво притяжение Земли,
 оно с полетом спорит неустанно.
 Идут ко дну, старея, корабли,
 и обвисают щеки капитанов.

И кланяются долу колоски,
 и притяженье, а совсем не время,
 старухам изгибает позвонки
 и складывает скалы, как поленья.

Земля, неосмотрительная мать,
 свела объятья любяще и грозно,
 мешала в детстве с четверенек
 встать,
 приревновала к обрученьям звездным.

Сама тебя взрастила для дорог,
 и снарядила вроде бы на совесть,
 и проучить пустила за порог,
 туда, где лицемерит невесомость.

И вот — ты бог высот и скоростей,
но сообщают станции слеженья,
что ты теряешь кальций из костей,
восставший раб земного притяженья.

Доносит голос радиоволна,
и ты далеким хохотом контужен:
— Ах, я тебе отныне не нужна?
Смотри же, и костяк тебе не нужен!

Земля не выпускает нас из рук,
не отдает галактикам без боя,
ей мало звездной тяжести разлук,
земную тяжесть взять велит с собою.

И мучится: какая соблазнит
тебя звезда, заманит и притянет,
под тяжестью каких иных орбит
костяк твой хлипкий снова
крепнуть станет?

Земля, твоя стареющая мать,
тираня нас болезненной любовью,
на звездных свадьбах хочет пировать
ревнивою и властною свекровью.

День поэзии 1973

Николай МАЙОРОВ

1919—1942

Август

Я полюбил весомые слова,
просторный август, бабочку на раме
и сон в саду, где падает трава
к моим ногам неровными рядами.

Лежать в траве желтеющей у вишен,
у низких яблонь, где-то у воды,
смотреть в листву прозрачную
и слышать,
как рядом глухо падают плоды.

Не потому ль, что тени не хватало,
казалось мне, вселенная мала?
Движения замедленны и вялы,
во рту иссохло. Губы как зола.
Куда девать сгорающее тело?
Ближайший омут светел и глубок.
Пока трава на солнце не сгорела,
войти в него всем телом до предела
и ощутить подошвами песок!
И в первый раз почувствовать
так близко
прохладное спасительное дно, —
вот так, храня стремление одно,
вползают в землю щупальцами корни,
питая щедро алчные плоды
(а жизнь идет!), — все глубже
и упорней
стремление пробиться до воды,
до тех границ соседнего оврага,
где в изобилие, с запахами вин,
как древний сок, живительная влага
ключами бьет из почвенных глубин.
Полдневный зной под яблонями тает
на сизых листьях теплой лебеды.
И слышу я, как мир произрастает
из первозданной матери — воды.

День поэзии 1960

* * *

Когда умру, ты отошли
письмо моей последней тетке,
зипун нестираный, обмотки
и горсть той северной земли,
в которой я усну навеки,
метаясь, жертвуя, любя
все то, что в каждом человеке
напоминало мне тебя.
Ну, а пока мы не в уроне
и оба молоды пока,
ты протяни мне на ладони
горсть самосада-табака.

1937

День поэзии 1960

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

1891—1938

Ариост

Во всей Италии приятнейший, умнейший
 Любезный Ариост немножечко охрип.
 Он наслаждается перечисленьем рыб
 И перчит все моря нелепицею злейшей.

И, словно музыкант на десяти цимбалах,
 Не уставая рвать повествованья нить,
 Ведет туда-сюда, не зная сам, как быть,
 Запутанный рассказ о рыцарских скандалах.

На языке цикад пленительная смесь
 Из грусти пушкинской и средиземной спеси, —
 Он завирается, с Орландом куролеся,
 И содрогается, преображаясь весь.

И морю говорит: шуми без всяких дум,
 И деве на скале: лежи без покрывала...
 Рассказывай еще, — тебя нам слишком мало,
 Покуда в жилах кровь, в ушах покуда шум.

О город ящериц, в котором нет души,
 Когда бы чаще ты таких мужей рожала,
 Феррара черствая! Который раз сначала,
 Покуда в жилах кровь, рассказывай, спеши!

В Европе холодно. В Италии темно.
 Власть отвратительна, как руки брадобрея.
 А он вельможится все лучше, все хитрее
 И улыбается в крылатое окно —

Ягненку на горе, монаху на осляти,
 Солдатам герцога, юродивым слегка
 От винопития, чумы и чеснока,
 И в сетке синих мух уснувшему дитяти.

А я люблю его неистовый досуг —
 Язык бессмысленный, язык солено-сладкий
 И звуков стакнутых прелестные двойчатки,
 Боюсь раскрыть ножом двухстворчатый жемчуг.

Любезный Ариост, быть может, век пройдет,
 В одно широкое и братское лазорье
 Сольем твою лазорь и наше черноморье.
 ...И мы бывали там. И мы там пили мед.

4—6 мая 1933 г. Старый Крым

День поэзии 1962

*Портрет Осипа Мандельштама работы Льва Бруни.
Воспроизводится впервые.*

Еж

А знаете, друзья, что еж
 Был с мягкой шерсткою когда-то,
 Бывало, на руки возьмешь, —
 Покорный, смотрит виновато.

Но объявилась вдруг лиса,
 Защелкали зубами волки,
 И стали колкими глаза,
 И выросли иголки.

День поэзии 1957

* * *

Нет, я не стал скупее в чувствах,
 Я осмотрительнее стал.
 О, как порой бывает грустно,
 Что бисер попусту метал!

Мне надоела мелочь схваток,
 Любовь, где больше мрак да мрак,
 Вот потому-то чувств остаток
 Несу я осторожно так!

День поэзии 1972

* * *

Не прост был Самуил Маршак!
 ...Сидели мы за чашкой кофе
 Вдали от рифмоплетских драк
 И... чуть в сторонке от эпохи!
 — Голубчик, — говорил старик
 (И от очков лучистых зайчик
 Лицо мне осветил на миг.
 Сидел я, словно в школе мальчик,
 Смущенный стеллажами книг!), —
 Что основное в нашем деле?
 Тебе не хочется с постели
 Вставать, когда идут дожди,
 Скребуются нудные метели,
 А ты вставай, во мрак иди,
 Иди, шипы сбивая с кочек,
 Иди в тайгу дремучей ночи,
 Иди, стяхнув с себя озноб!
 А если скажешь: негу мочи! —
 Платочком утирая лоб, —
 А если ты не можешь, милый,
 Покинуть свой уют постылый,
 Уйти от «не могу» своих,
 И стих твой будет хилый-хилый...
 Зачем же людям хилый стих?

День поэзии 1971

Сергей МАРКОВ

1906—1979

Анна

Когда мы Анну хоронили,
 Тащили гроб, —
 По броневым автомобилям
 Блуждал озноб...

На окровавленном лафете
 Ее везли;
 Кричали женщины и дети
 В глухой пыли.

Ее зарыть сегодня надо
 Здесь, на плацу,
 Десятидневная осада
 Идет к концу.

Она пока еще — нетленна,
 Светла ладонь...
 Так пусть и плечи, и колена
 Пожрет огонь!

Спешите! Поджигайте разом
 Могильный шелк,

Пока надел противогазы
Смятенный полк.

Смотрите! На уступе голом
В последний час
Огромным черным ореолом
Встает фугас.

У стен бетонного редута
Весь полк склонен,
В ревящем пламени мазута —
Узор знамен.

И небо круглое ослепло...
Не верьте снам.
Она вернется в виде пепла
Обратно к нам!

Осыпав гроздь мертвых галок,
Подкрался газ
И синим запахом фиалок
Дохнул на нас.

Но Анна — пламенем воспета,
И Анны — нет!
...У черной койки лазарета
Дежурит бред.

Она — тепла и осиянна —
Сошла ко мне...
Пустое! —
Тень аэроплана
Летит в окне...

1934

День поэзии 1972

Батюшков

Печальный Батюшков — во мгле
В земле своих Прилук...
О, сколько было на земле
Свиданий и разлук!

И сколько горестных утрат
На гибельной стезе...
Вся жизнь — как черный виноград
На сломанной лозе!

Не слыша зова аонид,
Расставшийся с мечтой,
На дне безумья разум скрыт,
Как перстень золотой.

Тревожный Батюшков постиг:
Спасенья не дано,
И всколыхнется лишь на миг
Багряное вино.

И снова в страшной тишине,
Как двадцать лет назад,
Потонет в горькой глубине
Неоценимый клад.

Он знал давно: Торквато Тасс
Был с ним судьбою схож!
Пророчества внезапный глас —
Как леденящий нож.

Вернется все, что было встарь,
И сбудется, как сон...
«А кесарь мой — святой косарь», —
Писал в безумье он.

Горел полуночный огонь.
Кто знает — почему
Луна, могила, крест и конь
Все чудились ему?

И до рассвета слышал он
Неутомимый звук —
Протяжный, постоянный звон
Колоколов Прилук...

Марина

Пыльный шум толпится у порога...
Узкая Виндавская дорога,
Однопутье, ветер да тоска...
И вокзал в затейливых причудах —
Здесь весь день топорщатся на блюдах
Жабры разварного судака.

Для тебя ни солнца, ни ночлега,
Близок путь последнего побега,
Твой царевич уведен в подвал,
Свет луны и длителен и зыбок,
В показаньях множество ошибок,
Расписался сам, что прочитал.

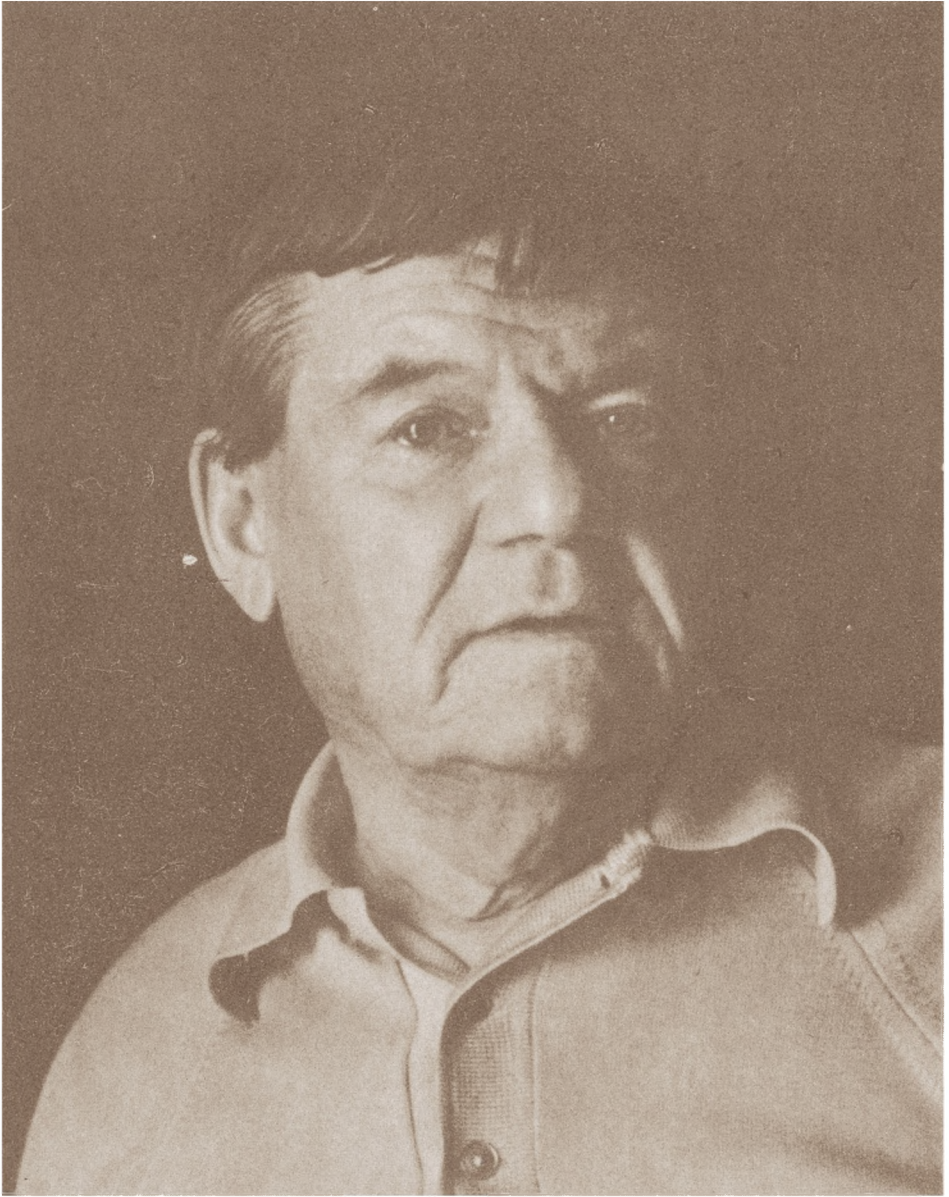
Паровоза огненная вьюга,
И в разливах тушинского луга
Вспоминай прочитанную быль —
Здесь игра большая в чет и нечет,
Волк в лесу, а в небе ясный кречет,
А в полях ревет автомобиль.

Обжигай крапивою колена,
Уходи из вражеского плена
По кустам береговой тропы!
За Филями на маневрах танки,
У тебя ж, залетной самозванки,
Прапоры да беглые попы.

Да старинный крест в заречной хате...
А сама служила в Главканате
По отделу экспорта пеньки.
Из отчетов спешных заготовок
Убедилась в прочности веревок,
Сосчитала пушки и штыки...

Посмотри, прислушайся, Марина,
Как шумит дежурная дрезина,
Шелестят железные мосты,
Как стрелки берут на изготовку
Кто клинок, кто желтую винтовку,
Как цветут и шевелятся рты.

И стрелки в своем великом праве
Налетят, затравят на облаве,

Плывут старинные усадьбы
 С их мрамором и кирпичом...
 ...Вот с Лениным потолковать бы
 В такое время кой о чем.

О новостях в литературе,
 Да и об атомном котле,
 И отчего такие бури
 Не утихают на земле.

День поэзии 1962

Корень зла

Вот он, корень,
 Корень зла!
 Ох, и черен
 Корень зла!

Как он нелицеприятно
 Смотрит с круглого стола,
 Этот самый корень зла!

— Надо сжечь его дотла,
 Чтоб исчез он безвозвратно!

— Ну, а если не поможет
 И опасность лишь умножит
 Ядовитая зола?

Побоялись уничтожить!

И опять колокола
 Бьют тревожно и набатно,
 И скорбей не подытожить,
 И отрава садит пятна
 На болящие тела.

Неужели же обратно
 Закопают
 Корень зла?

День поэзии 1962

Классики

Редко
 Перечитываем классиков.
 Некогда. Стремительно бегут
 Стрелки строго выверенных часиков —
 Часики и классики не лгут.

Многое
 Порою не по сердцу нам,
 А ведь в силах бы из нас любой
 Взять бы да, как Добролюбов
 с Герценом,
 И поспорить, хоть с самим собой.

Но к лицу ли
 Их ожесточенье нам?
 ...И любой, сомненьями томим,
 Нудно, точно Гончаров с Тургеневым,
 Препирается с собой самим.

День поэзии 1967

Зимний лес

И кажется мне эту зиму
 Зыбучий лес ветвей перекрещенных
 Не клеткой, не певучей кутерьмой
 Для разных певчих птиц

незаточенных,

Но по веленью Вечности самой
 В берлоге заворчался Крученых
 И Бурлюки проснулись. Боже мой,
 Их, думаю, давным-давно пора
 В Еленогурске вспомнить у костра,
 Где хвон шуют и бушуют ветры,
 Затем чтоб не забыла детвора,
 Какие жили-были мастера,
 Обветренные ветренные мэтры.

День поэзии 1979

Самуил МАРШАК

1887—1964

Начало дня

За окнами сумрак ранний,
На свет и на тьму похож, —
Будто на синем плане
Нового дня чертеж.

Вижу, привстав с постели,
Как выступают из мглы
Строгие лесенки елей,
Сосен прямые стволы.

Слышу в тиши до рассвета
Первые грузовики.
Слышу, как в городе где-то
Пробуют голос гудки.

Тот, кто минуту свиданья
Ночи и дня подглядел,
Видел весь мир в ожиданье
Новых событий и дел.

День поэзии 1956

В дороге

В сумерки весенние
За листвою берез
Гулко в отдалении
Свистнул паровоз.

Дымными полотнами
Застилая лес,
Окнами бессчетными
Замелькал экспресс.

С. Я. Маршак и А. Т. Твардовский.

Слабо отраженные,
Чуть светясь во мгле,
Очерки оконные
Мчатся по земле.

Желтая вагонная
Жесткая скамья —
Жизнь моя бессонная,
Молодость моя.

По безвестным станциям —
Из конца в конец
По Руси постранствовал
Вдоволь мой отец.

Скучной ночью длинную
Он смотрел в окно.
Перед ним пустынное
Стлалось полотно.

С тайною тревогою
Под немолчный шум
Много он дорогою
Передумал дум.

Не ему ли следуя,
Я живу в пути.
Все куда-то еду я
Лет с пяти-шести.

Но теперь вагонная
Желтая скамья —
Словно обновленная
Молодость моя.

И легко мне с первыми
Встречными в пути
Будто давний прерванный
Разговор вести.

День поэзии 1956

Новелла МАТВЕЕВА

Поэт

Поэт, который тих, пока дела вершатся,
Но громок после дел, — не знает, как смешон.
Поэт не отражать, а столь же — отражаться,
Не факты воспевать, а действовать пришел.

В хвосте Истории ему не место жаться!
(По закругленьи дел — кого ожжет глагол?)
Он призван бить в набат и громом раздражаться:
Он двигатель идей, он — основатель школ!

Что значит «отразил»? — скажите, бога ради!
Поэт не озеро в кувшинковых заплатках:
Он — боль и ненависть, надежда и прогноз...

И человечество с поэтом на запятках
Подобно армии со знаменосцем сзади
И с барабанщиком, отправленным в обоз.

День поэзии 1970

* * *

Мы были бы, наверно, водолазы,
Врачи, каменотесы, лесники,
Когда б не стали рыцарями фразы,
Восторженными жертвами строки.

Но мы зарыли, смыслу вопреки,
Призваний наших подлинных алмазы,
И не в свои впадаем мы экстазы,
И не свои сжимаем кулаки...

Свою звезду не восприяв никак
И посягнув на чуждую планету
(Страхась ли славы, реющей по свету, —
Не дай, мол, бог остаться на века!),
В поэзию бросаемся, как в Лету:
Уж тут забудут нас — наверняка.

День поэзии 1971

* * *

Где-то в далеких краях
Есть одинокий маяк.
Старенький сторож на нем обитает,
Серые волны, скупая, считает...
Знаю: встречает,
потом — провожает
Все уходящие вдаль корабли.

Знаю: пучина морей
Скрыла твоих сыновей.
Верю, уж, верно, по этой причине

Старенький сторож перечит
пучине, —
Пальцем грозит океанской пустыне,
Бурю встречая, трясет головой...

Есть у маячника пес.
Верный, но старый до слез:
Чайку пугает да на ветер лает
(Благо, что на море ветра —
хватает!),
Коврик соломенный оберегает, —
Нечего больше на башне
украсть.

Но временами маяк
Весь расцветает, как мак;
Лодка подходит к нему с провиантом.
Сторож зачем-то нарядится
франтом, —
Шапку с коричневым кожаным
бантом
Держит рукой, чтобы ветер
не снес...

Все же в конце-то концов
Лодка увозит гребцов.
Не оттого ли с такою тревогой
Вдруг просыпаюсь я ночью
глубокой?

...Только помыслишь о дали далекой —
Кругом от грусти идет голова...

День поэзии 1975

Тип лиризма

Я, лирик, примешав унынье к наслажденью, —
Трясине и дождю я дал себя пленить.
Рисую отчий край, — по моему сужденью, —
Большой патриотизм: уныние ценить!

Я творчество... с тоской сумел соединить!
Я скуку изобрел — и рад изобретенью:
По щучьей милости, по моему хотенью —
На что ни погляжу — пойдет сыреть да гнить.

Пейзаж измучен мной — и мне же сердце мучит.
 Но так как я пришел воспеть его печаль,
 Поддержки он моей — хоть треснет! — не получит.
 Он тем меня и взял, что мне его не жаль.

Он — в слезы. А меня — тревожит — не — тревожит.
 Кто сам — причина слез, — тот верить в них — не может.

День поэзии 1978

Михаил МАТУСОВСКИЙ

Рио-Рита

Танцплощадка допоздна открыта.
 Я ее законам подчинен.
 Хриплая пластинка «Рио-Рита»,
 С заводной пружиной патефон.

Пахнет первоцветом, пахнет маем.
 Скрипки плачут тонко и навзрыд.
 Мы-то ничегошеньки не знаем,
 Что кому судьба наворожит.

И под знойный голос патефона,
 Счастливы в неведение своем,
 Затаив дыханье, полусонно
 По волнам мелодии плывем.

Вы уж их за это не вините.
 Все забыв на несколько минут,
 Парни в башмаках на кожимите
 Модные движенья выдают.

И партнерши в ситчиках примятых,
 Прижимаясь к ним на вираже,
 Их волнуют душным ароматом
 Массовой продукции ТэЖэ.

Да и как, скажите, ухитриться,
 Как суметь предвидеть наперед —
 Кто из них поляжет на границе,
 Кто из них безвестно пропадет.

Кто в крови и глине из атаки
 Доползет в ближайший медсанбат.
 Кто ничком под танковые траки
 Кинется со связкою гранат.

Кто, приняв немислимые муки,
 Сгинет от России вдалеке,
 Кто в сыром бараке в Равенсбрюке
 Номер свой увидит на руке.

Кто к земле прижмется недвижимо,
 Загнанный, как волк, со всех сторон...
 Но покуда действует пружина
 И исправно тянет патефон.

Танцплощадка допоздна открыта.
 В спелых звездах южный небосвод.
 И на полный голос «Рио-Рита»
 Что-то иностранное поет.

День поэзии 1976

* * *

Позабыв про мягкую кровать,
 В сапогах, при полном снаряжении
 На войне я научился спать
 Даже в вертикальном положении.

Спал в районе Ржева и Торжка
 И на всех колдобинах подплясывал.
 Спал, держась за борт грузовика,
 Что набит, как склад, боеприпасами.

Спал, успев глаза смежить едва,
 На краю воронки иль обочины.
 Спал в фанерном ящике «У-2»,
 Ремешком к сиденью притороченный.

Стукаясь о доски головой,
 Спал на минах, на мешках с картошкой.
 Крепко спал, совсем как неживой,
 Между артобстрелом и бомбежкой.

А теперь — на мир нисходит мгла,
 Ляжешь спать, а сон тебя сторонится.
 Будто с запозданием к нам пришла
 Всей войны великая бессонница.

День поэзии 1976

Константин МУРЗИДИ

1914—1963

* * *

Я не видел вас в жизни, я знаю,
 Но зато я услышал ваш клич.
 И еще я теперь вспоминаю
 Вашу кепку, Владимир Ильич.
 Так носил свою кепку рабочий,
 Так, я помню, отец мой носил.
 Он в забое с утра, между прочим,
 Камень бил изо всех своих сил.
 Камень бил, вот и вся-то работа.
 От тяжелого взмаха устал.
 Но, наверное, думал он что-то
 И, должно быть, о чем-то мечтал.
 Так оно, вероятно, и было.
 Дни за днями стремительно шли,
 И простая рабочая сила
 Стала главной силой земли.
 И его исполнялись желанья,
 И с тех пор я запомнил навек:
 Нет почетней рабочего званья,
 Всех сильнее трудовой человек.
 И какой бы манерою новой
 Ни писали вас в том далеке —
 На груди у вас бант кумачовый
 И рабочая кепка в руке.

День поэзии 1963

Александр МЕЖИРОВ

Календарь

Покидаю Невскую Дубровку.
 Кое-как плетусь по рубежу, —
 Отхожу на переформировку
 И остатки взвода увожу.

Армия моя не уцелела,
 Не осталось близких у меня
 От артиллерийского обстрела,
 От косоприцельного огня.

Перейдем по Охтенскому мосту
 И на Охте станем на постой,
 Отдирать окопную коросту,
 Женскую пленяться красотой.

Охта деревянная разбита,
 Растащили Охту на дрова.
 Только жизнь, она сильнее быта:
 Быта нет, а жизнь еще жива.

Богачев со мной из медсанбата.
 Мы в глаза друг другу не
 глядим, —
 Слишком борода его шербата,
 Слишком взгляд угрюм и нелюдим.

Слишком на лице его усталом
 Борозды о многом говорят.
 Спиртом неразбавленным и салом
 Богачев запасливый богат.

Мы на Верхней Охте квартируем,
 Две сестры хозяйствуют в дому,
 Самым первым в жизни поцелуем
 Памятные сердцу моему.

Помню, помню календарь
 настольный,
 Старый календарь перекидной,
 Записи на нем и почерк школьный,
 Прежде — школьный, а потом —
 иной.

Прежде — буквы детские, смешные:
 Именины и каникул дни.

Ну, а после — записи иные,
Иначе написаны они.

Помню, помню, как мало-помалу
Голос горя нарастал и креп:
«Умер папа». «Схоронили маму».
«Потеряли карточки на хлеб».

Знак вопроса —
исступленно-дерзкий,
Росчерк — бесшабашно-удалой.
А потом — рисунок полудетский:
Сердце, пораженное стрелой.

Очерк сердца зыбок и неловок,
А стрела перната и мила, —
Даты первых переформировок,
Первых постояльцев имена.

Друг на друга буквы повалились,
Сгрудились недвижно и мертво.
«Поселились. Пили. Веселились», —
Вот и все. И больше ничего.

Здесь и я, с другими в соучастье.
Наспех фотографии дая,
Переформированные части
Прямо в бой идут с календаря.

Дождь на стеклах искажает лица
Двух сестер, сидящих у окна.
Переформировка длится, длится,
Никогда не кончится она.

Наступаю, отхожу и рушу
Все, что было сделано не так,
Переформировываю душу
Для грядущих маршей и атак.

Вижу вновь, как, в час прощаясь
ранний,

Ничего на память не берем.
Умираю от воспоминаний
Над перекидным календарем.

Проводы

Без слез проводили меня...
Не плакала, не голосила,
Лишь крепче губу закусила
Видавшая виды родня.

Написано так на роду...
Они, как седые легенды,
Стоят в сорок первом году —
Родители-интеллигенты.

Их предки в эпохе былой,
Из дальнего края нагрянув,
Со связками бомб под полой
Встречали кареты тиранов.

И шли на крутой эшафот,
Оставив полжизни в подполье.
Недаром в потомках живет
Способность не плакать от боли.

Меня проводили без слез,
Не плакали, не голосили.
Истошно кричал паровоз,
Окутанный клубами пыли.

Неведом наш путь и далекий,
Живыми вернуться не чаем.
Сухой получаем паек,
За жизнь и за смерть отвечаем.

Тебя повезли далеко,
Обритая наспех пехота.
Сгущенное пить молоко
Мальчишке совсем неохота.

И он изо всех своих сил,
Нехитрую вспомнив науку,
На банку ножом надавил,
Из тамбура высунул руку,

И вьется, густа и сладка,
Вдоль пульманов пыльных состава
Тягучая нить молока,
Последняя в жизни забава.

Он вспомнит об этом не раз,
Блокадную пайку глотая.
Но это потом, а сейчас
Беспечна душа молодая.

Но это потом, а пока,
Покинув консервное лоно,
Тягучая нить молока
Колелеблется вдоль эшелона.

Пусть нечем чай подсластить —
Отныне не в сладости сладость.
И вьется молочная нить,
Последняя детская слабость.

Свистит за верстою верста,
В теплушке доиграно действо,
Консервная банка пуста, —
Ну вот и окончилось детство.

День поэзии 1961

Станислава

Сколько шума!
Ах, сколько шума!
Пересуды на все лады.
Шуба куплена!
Шуба!!
Шуба...
Только б не было вдруг беды...

Шуба куплена
неплохая —
Привлекательная на вид.
Мехом огненным полыхая,
Над кроватью она висит.

Тридцать
стукнуло
Станиславе, —
Не кому-то, а ей самой, —
И она, несомненно, вправе
В шубу вырядиться зимой.

Тридцать —
прожиты
трудновато:
Было всякое, даже грязь.
Станислава не виновата
В том, что женщиной родилась.

Не сложилось в начале самом:
Станислава
была
горда, —
Ну, а он оказался хамом —
Бабник, синяя борода.

И сама не припомнит —
пела
Или слезы рекой лила.
Только вскоре
не утерпела,
Дверью хлопнула и ушла.

Прерывая веселье стоном,
От бессонных ночей бледна,
В женском поиске испуганном
Десять лет провела она.

Женский поиск
подобен бреду, —
День корóток, а ночь долга.
Женский поиск
подобен рейду
По глубоким тылам врага.

Так без роздыха и привала
На хохочущих сквозняках
Станислава
себя искала
И найти не могла никак.

Научилась
прощаться просто,
Уходя,
не стучать дверьми.
И процентов на девяносто
Бескорыстной
была с людьми.

Но презренного нет металла,
И на лад не идут дела,
Голодала и холодала —
Экономию навела.

Продавцы намекали грубо
На особые времена.
И в конечном итоге —

шуба
Над кроватью водворена.

На дворе —
молодое лето, —
Улыбайся, живи, дыши!
Но таится тревога
где-то
В самом дальнем углу души.

Самодержцы, Владыки, Судьи,
Составители схем и смет.
Ради шубы —
проголосуйте!

Ради Стаси
скажите —
нет!

Ради мира настройте речи
На волну моего стиха, —
Дайте Стасе закутать плечи
В синтетические меха.

Воспитать разрешите братца,
Несмышлениша, малыша.
Дайте в шубе покрасоваться —
Шуба новая
хороша!

Чтобы Стася могла
впервые,
От восторга едва жива,
Всунуть рученьки
в меховые
На три четверти
рукава.

Юнна МОРИЦ

* * *

Весьма подающий надежды
Поэт восемнадцати лет
Спросил меня в клубе однажды:
— Вы пьете коньяк или нет?

А я головой покачала,
Прищипнув на юность свою,
А я ему так отвечала:
— Нет, я не курю и не пью.

Как будто дитя из-за парты,
Он робко спросил у меня:
— Вы любите резаться в карты
Запоем три ночи, три дня?

А я головой покачала,
Прищипнув на юность свою.
А я ему так отвечала:
— Нет, я козырями не бью.

Глаза округлив голубые,
Он страсти искал роковые —
Годилась и та, и другая,
Отсутствием полным пугая!

(Ведь носятся наглые слухи,
Что в поэтическом духе —
Лелеять порочные страсти
Со светлой моралью в контрасте!
Нахальные слухи гуляют, —
И многих весьма окрыляют! —
Что будто бы метит пророков
Крепчание тайных пороков!)

А я головой покачала,
Прищипнув на юность свою.
А я ему так отвечала:
— Чиста и греха не таю.

И, глядя на город всегдашний,
Спросил он (подумав: совет!):
— Вон башня, а кто в этой башне,
Высокой и тесной, живет?

А я головой покачала,
Прищипнув на юность свою.
А я под конец, как сначала,
Всю правду ему говорю:

— В той башне, высокой и тесной,
Царица Тамара жила,
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла!

Бедняга, услышав такое,
Вконец оскорбился душой.
Его самолюбье мужское
Украшилось раной большой:

Ведь кончил он школу с отличием,
Чтоб в собственных высях парить,
И страшным считал неприличьем
Цитатами вслух говорить!

День поэзии 1978

Ладья

Грудью всей ладья плыла
По своей морской отчизне,
Гибкость жизни в ней была,
Молодая гибкость жизни.

Распростерла два весла
Над стихией беспредельной —
И сама себя несла
Плотью вольною, ладейной!

Высоко вздыхала грудь
И не мялась, не ломалась.
Всем ветрам забава — дуть,
Чтобы эта грудь вздымалась!

Всем волнам забава — петь,
Чтобы эта грудь томилась
И, обузданная, впредь
Никуда бы не стремилась.

А ее забава — путь,
Ведь ладья она морская!
Для того такая грудь,
Да и вся она такая!

День поэзии 1978

* * *

Страшна не грязная волна,
Не грозный атаман,
А нечисть мелкая страшна
И вековой дурман,
В котором вьется мелкий бес,
Швыряя люд в огонь,
Чтоб вонь стояла до небес
И жизнью стала вонь.
Но жребий моря и зари,
Снегов, дождей, ветров —
Прекрасен, что ни говори
О лучшем из миров,
Где омывает свет сквозной
Всю землю по утрам,
И продувает ветр морской
Ее по вечерам,
И чистый снег летит с высот,
Отбеливая грязь,
И наши слезы, кровь и пот
Кругом цветут, искрясь.

День поэзии 1980

Сергей МИХАЛКОВ

Тунеядцы

Клопы собрата хоронили.
В причине горького конца
Они, как судьи, обвинили
На койке спавшего жильца.

Над прахом говорились речи.
Жилец ворочался во сне.
Напившись крови человеческой,
Клопы грустили на стене.

День поэзии 1963

Сергей НАРОВЧАТОВ

1919—1981

Зеленые дворы

На улицах Москвы разлук не видят
встречи,

Разлук не узнают бульвары и мосты.
Слепой дорогой встреч я шел

в Замоскворечье,
Я шел в толпе разлук по улицам Москвы.

Со всех сторон я слышал ровный шорох,
Угрюмый шум забвений и утрат.
И было им, как мне, давно за сорок,
И был я им давным-давно не рад.

Июльский день был жарок, бел и гулок,
Дышали тяжело окна и дворы.
На Пятницкой свернул я в переулок,
Толпу разлук оставил до поры.

Лишь тень моя составила мне пару.
Чуть наискось и впереди меня,
Шурша, бежала тень по тротуару,
Спасаясь от губительного дня.

Шаги пошли уже за третью сотню,
Мы миновали каменный забор,
Как вдруг она метнулась в подворотню,
И я за ней прошел зеленый двор.

Шумели во дворе густые липы,
Старинный терем прятался в листве,
И тихие слышались мне всхлипы,
И кто-то молвил: «Тяжко на Москве...

Умчишь по государеву указу,
Намучили меня дурные сны,
В Орде не вспомнишь обо мне ни разу,
Мне ждать невмочь до будущей весны».

Ливня лились любовные реченья,
Но был давно составлен приговор
Прообразам любви и приключенья,
И молча я прошел в соседний двор.

На том дворе опять шумели липы,
Дом с мезонином прятался в листве,

И ломкий голос: «Вы понять могли бы,
Без аматёра тяжко на Москве.

Сейчас вы снова скачете в Тавриду,
Меня томят затейливые сны,
Я не могу таить от вас обиду,
Мне ждать нельзя до будущей весны».

Нет, я не взял к развитию интригу,
Не возразил полслова на укор,
Как дверь, закрыл раскрывшуюся книгу
И медленно пошел на третий двор.

На нем опять всю шумели липы,
Знакомый флигель прятался в листве.
И ты сказала: «Как мы несчастливы,
В сороковые тяжко на Москве.

Вернулся с финской — и опять в дорогу,
Меня тревожат тягостные сны.
Безбожница, начну молиться богу,
Вся изведусь до будущей весны».

А за тобой, как будто в зазеркальи,
Куда пойти пока еще нельзя,
Из окон мне смеялись и кивали
Давным-давно погибшие друзья.

Меня за опоздание ругали,
Пророчили веселье до утра...
Закрыв лицо тяжелыми руками,
Пошел я прочь с последнего двора.

Не потому ли шел я без оглядки,
Что самого себя узнал меж них,
Что были все разгаданы загадки,
Что узнан был слагающийся стих.

Не будет лип, склонившихся навстречу,
Ни теремов, ни флигелей в листве.
Никто не встанет с беспокойной речью.
Никто не скажет: «Тяжко на Москве».

Вы умерли, любовные реченья,
Нас на цветной встречавшие тропе,
В поступке не увидеть приключенья,
Не прикоснуться, молодость, к тебе.

Фотография 30-х годов.

Бесчинная, ты грохотала градом,
 Брала в полон сердца и города...
 Как далека ты! Не достанешь взглядом!
 Как финский, как Таврида и Орда.

Захлопнулись ворот глухие вежды,
 И я спросил у зноя и жары:
 — Вы верите в зеленые надежды,
 Вы верите в зеленые дворы?

Но тут с небес спустился ангел божий
 И, став юнцом сегодняшнего дня,
 Прошел во двор — имущий власть
 прохожий,

Меня легко от входа отстраня.

Ему идти зелеными дворами,
 Живой тропой земного бытия,
 Не увидеть увиденного нами,
 Увидеть то, что не увижу я.

На улицах Москвы разлук не видят
 встречи.
 Разлук не узнают бульвары и мосты.
 Слепой дорогой встреч я шел
 в Замоскворечье,
 Я шел в толпе разлук по улицам Москвы.

День поэзии 1966

О главном

Не будет ничего тошнее,
 Живи еще хоть сотню лет,
 Чем эта мокрая траншея,
 Чем этот серенький рассвет.

Стою в намокшей плащ-палатке,
 Надвинув каску на глаза,
 Ругая всласть и без оглядки
 Все то, что можно и нельзя.

Сегодня лопнуло терпенье,
 Осточертел проклятый дождь, —
 Пока поднимут в наступленье,
 До ручки, кажется, дойдешь.

Ведь как-никак мы в сорок пятом,
 Победа — вот она! Видна!

Выходит срок служить солдатам,
 А лишь окончится война,
 Тогда — то, главное, случится!..

И мне, мальчишке, невдомек,
 Что ничего не приключится,
 Чего б я лучше делать смог.

Что ни главнее, ни важнее
 Я не увижу в сотню лет,
 Чем эта мокрая траншея,
 Чем этот серенький рассвет.

День поэзии 1971

Налог с холостяков

На острове Медном холодные ветра,
 Но скинули ребята тугие свитера.
 Довольны ребята удачливой судьбой,
 Встречают ребята плановый забой.

Никто не поддастся жалостным словам,
 До такой работы люди голодны:
 Сходная работа — бей по головам,
 Славная работа — платят с головы.

А котики плачут — слезы по усам,
 Палками их лупят по горестным носам,
 Точно оглоушат — замертво падут,
 Мимо промахнутся — опосля добьют.

Не торопитесь ругать наперебой,
 Это не бойня, а плановый забой,
 И в котичьей драме, где жертв не счесть,
 Толика жестокого юмора есть.

Здесь закон ну чем не хорош,
 Самок, детенышей, секачей — не трожь,
 Хорошей шубы из них не сошьешь,
 На шубу годится только холостежь.

Грузные, гривастые, седые секачи
 Смотрят равнодушно на красные ручки,
 И самочки глазекют, — мол, пара
 пустяков! —
 Как бьют их обожателей, бьют
 холостяков.

Они проиграли брачные бои,
Шансы — балбесы! — проспали свои,
И, вчуже глядя на горький их плач, —
«Так вам и надо! — думает секач. —

Были бы покрепче, позлей да поумней.
Нас бы одолели у острых камней,
И тот, что дубиной сейчас оглушен,
Нежился б сейчас среди ласковых жен».

А на победителях лежит табу,
Спокойны они за свою судьбу,
Год от году грубеет мех,
И люди дают им жить без помех.

Ценного промысла крепкий оплот,
Гарем берегут и множат приплод
И в боях утверждают свои права
Населять неприютные острова.

Но если на гребне удачных атак
Поднимется к ним молодой холостяк,
Его, как равного, примут в круг,
Честь, мол, и место, милейший друг.

А проигравший битву старик
Уйдет, подавив недовольный рык,
Век доживать к другим старикам,
Драным шураам, тупым клыккам.

Хватит, пошутили, кончать пора,
Крайне мне не нравится эта игра,
Оставить бы в покое котиков нам,
Дать им гулять по морям, по волнам.

Дать им миловаться и драться меж
собой,
Дать им разбираться с собственной
судьбой

И на берегах привольных островов
Вовсе отменить налог с холостяков.

Командоры — Москва

День поэзии 1976

Александр НИКОЛАЕВ

В немецкой пивной

Повидал я их на свете
в разных чайных и в бистро,
а теперь в ночном гаштете
подмигнул он мне хитро.

В плечи врезались подтяжки,
ремешок в ключицу влез
от скрипучей деревяшки
под названием протез.

Он подвинулся учтиво,
хоть почти был пуст гаштет,
я поставил кружку пива,
сел с ним рядом,
тет-а-тет.

Так вот где-нибудь над Бугом
мы году совсем в другом,
как сегодня друг пред другом,
сели враг перед врагом.

Может, где-нибудь в Европе
не зарос еще окоп.
Я — в окопе,
он — в окопе,
и прицел —
друг другу в лоб.

От тоски или от стужи
от зари и до зари
сорок градусов снаружи,
сорок градусов внутри.

Никакого интереса
пить с ним нынче по другой,
я в немецком — ни бельмеса,
в русском он — ни в зуб ногой.

«Соловьи» бы спеть,
да песни
не умею петь.

А жаль.
Соловьи и в нем воскресли,
затянул он «Нахтигаль».

Я увидел в этой боли,
впрочем, может, это чушь,
передачу мыслей, что ли,
разговор солдатских душ.

Как его все проклинали,
на меня молились все,
но сегодня мы в финале,
на нейтральной полосе.

В чем-то вроде даже квиты.
Одноногий инвалид:
«Хорошо, что не убиты», —
мне всем видом говорит.

Ночь прошла,
и на рассвете
замолчали соловьи.
Побывал я в том гаштете,
словно в храме на крови.

Это было на чужбине,
как в приснившемся аду,
в старом городе Берлине,
не скажу, в каком году.

День поэзии 1973

Хлеб мира

Чудо-хлеб растет в Шовгеновском ауле,
на кубанском оросительном канале.
Вызревают зерна крупные, как пули,
в элеваторе лежат, как в арсенале.

Слишком памятны войны прошедшей
грозы,
их не сгладят ни года, ни расстояния,
и колхозники
в правление колхоза
подписать пришли Стокгольмское
воззвание.

Люди выглядели празднично и ярко,
привели они с собой детей и внуков.
Подписались:
Меритукова — доярка,
Меритуков — врач,
комбайнер Меритуков...

Моя подпись рядом с ними в этом списке,
в списке наших врачей-врачевателей,
кормильцев.

А у Вечного огня на обелиске
насчитал я сорок шесть однофамильцев.

Где стоят, как на часах, хлеба и травы,
в мире самых мирных запахов и звуков
я читал на обелиске вечной славы:
Меритуков,
Меритуков,
Меритуков...

Так напомнила невольню Адыгея
мне, осколками пробитому комбату,
что в моей артиллерийской батарее
полагалось сорок шесть бойцов по штату.

Побывавший в переделках,
в перестрелках,
ночь не спал я от колесных перестуков.
Все мне слышалось на стыках и на
стрелках:

Меритуков,
Меритуков,
Меритуков...

Будто кто-то все выстукивал морзянку
и она открытым текстом шла в эфире,
чтобы мир,
когда проснется спозаранку,
подписал их под воззванием о мире.

День поэзии 1977

Ксения НЕКРАСОВА

1912—1958

Готика

Взлетали стены,
суживаясь, к солнцу,
и свод, как череп изнутри,
вздыхал надбровницы и дуги
без позолот и мишуры.
Лишь, щеки пышно надувая,

в серебряные дудочки играют
 младенцы-ангелы в раю.
 Одеты в ризы кружевные,
 стоят надменные святые.
 Вот с Библией в руках
 на пьедестале каменный монах,
 и руки, словно клювы
 хищной птицы,
 терзают вечные страницы,
 высасывая ересь из листов.
 Лоб затемняют складки капюшона,
 и провалились щеки внутрь лица.
 Но губы он

 не спрячет никуда,
 они сочны,
 влажны
 и тайно любят
 больше бога.

Такие вот Европу начинали,
 ее богами украшали,
 поили кровью наповал,
 потом делили пополам.
 Потомки ручки их целуют,
 поклоны бьют
 и свечки жгут.

День поэзии 1957

Русская осень

За картошкой к бабушке
 ходили мы,
 вышли, а на улице теплынь...
 День, роняя лист осенний,
 обнажая замыслы растений,
 чистый и высокий —
 встал перед людьми.
 Всякий раз
 я вижу эти тропы,
 ели эти
 и стволы берез.
 Почему смотреть не устаешь —
 миг
 и час,
 и жизнь
 одно и то ж!..

О, какие тайны исцеленья
 в себе скрывают русские поляны,
 что, прикоснувшись к ним однажды,
 ты примешь меч за них,
 и примешь смерть,
 и вновь восстанешь,
 чтоб запечатлеть
 тропинки эти,
 и леса,
 и наше небо.

День поэзии 1957

Весна

Босоногая роша
 Всплеснула руками
 И разогнала грачей из гнезд.
 И природа,
 По последнему слову техники,
 Тонколиственные приборы
 Расставила у берез.
 А прохожий сказал о них,
 Низко склоняясь:

 «Тише, пожалуйста, —
 Это подснежники...»

День поэзии 1965

* * *

Под вечер солнце соками земными
 из рек дымящихся
 и радужных озер
 досыта напилось, —
 и, бражности не выдержав земной,
 оно шатнулось раз, другой
 и село,
 вытянув лучи,
 на край приятнейшей земли.

День поэзии 1972

Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

* * *

И к тому, что похвалят,
 И к тому, что ругают, —
 Ко всему постепенно
 Человек привыкает:
 К ежедневной заботе,
 К еженощному бдению,
 К напряженью при взлете,
 К пустоте при паденьи;
 Привыкает к сраженьям,
 К тишине и порядку,
 Привыкает к лишениям,
 Привыкает к достатку,
 К незнакомому краю,
 Что вдали возникает, —
 Словом, к аду и к раю
 Человек привыкает,
 К знойной яркости юга,
 К черноте бездорожной...
 Лишь к предательству друга
 Он привыкнуть не сможет.

День поэзии 1957

* * *

К тебе иду — куда бы я ни шла,
 К слиянью рек, к сплетению тропинок,
 В крошечной мгле,
 при свете звезд-крупинок —
 К тебе иду — куда бы я ни шла.

Какая б ширь меня ни обожгла,
 Какой бы дождь ни исхлестал
 до ссадин,
 Чего бы я ни натерпелась за день, —
 К тебе иду — куда бы я ни шла.

К тебе иду — по травам и по льду,
 К тебе иду — и в радости, и в грусти.
 Куда бы я ни шла —
 к истоку, к устью,
 На праздник, на беду, — к тебе иду.

День поэзии 1972

Лев ОЗЕРОВ

Говорят погибшие

Говорят погибшие. Без точек.
 И без запятых. Почти без слов.
 Из концлагерей. Из одиночек.
 Из горящих яростно домов.

Говорят погибшие. Тетради.
 Письма. Завещанья. Дневники.
 На кирпичной на шершавой глади
 Росчерк торопящейся руки.

На промозглых нарах железякой,
 На стене осколками стекла,
 Струйкой крови на полу барака
 Расписалась жизнь — пока была.

День поэзии 1962

* * *

Как мало жил он! Пятьдесят четыре,
 Но дни его так яростно-полны
 Заботой о судьбе своей страны
 И потому — о человечестве, о мире.

Как много жил он! Годы — что века.
 Его дороги — всей земли маршруты.
 Его всей жизни цель так велика,
 Что нет напрасно прожитой минуты.

Как жил он много, и как жил он
 мало,
 И, видно, был он временем самим, —
 История едва лишь попевала
 По коридорам Смольного за ним.

День поэзии 1970

* * *

Сердце над бездной висит коршуном.
 Наземь падает колосом скошенным.
 О скалы прибрежные бьется волною.
 И остается все же со мною,
 Во мне — стесненное и свободное,
 Людям преданное, тебе отданное.

День поэзии 1970

Вместо речи

Пренебрегая словесами,
Жизнь убеждает нас опять:
Талантам надо помогать, —
Бездарности пробьются сами.

День поэзии 1965

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду,
Что было девятого мая
С утра в сорок пятом году.

День поэзии 1976

Сергей ОРЛОВ

1921—1977

* * *

Что было, то было. И все же
Забилось, быльем поросло.
Быльем, ни на что не похожим,
Ко мне обернувшись зло.

Однако, ни в чем не изверясь,
Встречая вчерашних друзей,
Иду, как по жердочке, через
Болотный глубокий ручей.

Курю на ветру сигареты,
Веселые сыплю слова,
Встречаю с надеждой рассветы
И знаю, что правда права.

Вот только нежданно зальется
Вдруг сердце тоской на ходу
По ржавому, в минах болотцу
В глухом сорок третьем году...

День поэзии 1971

* * *

Когда это будет, не знаю,
В краю белоногих берез
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

«Прощай, прощай...»

Да я и так прощаю

все, что простить возможно.

Обещаю

и то простить, чего нельзя простить, —

великодушным мне нельзя не быть.

Прощаю всех, что не были убиты
тогда, перед лицом грехов своих...

«Прощай, прощай...»

Прощаю все обиды,

обеда

у обидчиков моих.

«Прощай...»

Прощаю, чтоб не вышло боком.

Сосуд добра до дна не исчерпать.

Я чувствую себя последним богом,
единственным, умеющим прощать.

«Прощай, прощай...»

Старания упрямы.

(Пусть мне лишь не простится одному.)

Но горести моей прекрасной мамы
прощаю я неведомо кому.

Прощаю побелевшими губами,
покуда не повторится опять
осенний горький чай, пирог с грибами
и поздний час — прощаться и прощать.

День поэзии 1966

Песенка о Моцарте

Моцарт на старенькой скрипке играет,
Моцарт играет, а скрипка поет,
Моцарт отечества не выбирает —
просто играет всю жизнь напролет.

Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба — то гульба, то пальба...
Не оставляйте стараний, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Где-нибудь,
на остановке конечной
скажем спасибо и этой судьбе.
Но из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе!

Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба — то гульба, то пальба...
Не расставайтесь с надеждой, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Коротки наши лета молодые,
миг — и развеются, как на кострах.
Красный камзол, башмаки золотые,
белый парик, рукава в кружевах.

Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба — то гульба, то пальба...
Не обращайтесь вниманья, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

День поэзии 1969

Грузинская песня

Виноградную косточку в теплую землю зарю,
и лозу поцелую, и сладкие гроздья сорву,
и гостей созову, на любовь свое сердце настрою...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощение,
говорите мне прямо в лицо, чем пред вами слыву.
Царь небесный простит все мученья мои и сомненья...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

В темно-красном своем будет петь для меня моя Дали,
в черно-белом своем преклоню перед нею главу,
и заслушаюсь я, и умру от любви и печали...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

И когда за клубится туман, по углам залетая,
пусть еще и еще предо мною плывут наяву
синий буйвол, и белый орел, и форель золотая...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

День поэзии 1969

Александр ОЙСЛЕНДЕР

1908—1963

* * *

Шли ночью танки,
Шли куда-то
За горизонт во мгле сырой,
Как будто снова мы —
Солдаты,
А год еще сорок второй.

И где-то там, на горизонте,
Чередовались свет и тьма,
Как будто снова мы на фронте,
Где бьют тяжелые грома.

И просыпались мы, не зная,
Что это сон, —
Что рядом бьет не корпусная,
А гром шатает небосклон.

Мы открывали окна настезь —
И радовались, что опять
К нам приближалось сзади счастье,
Чтоб рядом молча постоять.

Надев плащи,
Мы пили ветер —
И так стояли у окна,
Как будто только что на свете
И вправду кончилась война.

1960

День поэзии 1967

Лев ОШАНИН

* * *

Для тех, кто с нами вышел
в путь-дорогу,
Неповторимы времени черты.
Оно по праву к душам нашим строго
И требует высокой чистоты.

А тот, кто невелик душой, да ловок, —
Не думать, а запоминать привык.
Пока начальство не сказало слова,
На привязи он держит свой язык.

Зато, едва услышав голос сверху,
Кричит он первый, не жалея сил, —
И может показаться на поверку,
Что истину-то он провозгласил.

Так и живет себе, хитер и гибок...
А мы, доверяясь, путаем порой
Бездумное отсутствие ошибок
С высокою идейной чистотой.

День поэзии 1956

* * *

В годы первой пятилетки,
Набирая мастерство,
Про снотворные таблетки
Мы не знали ничего.
А теперь порой ночью,
Чтобы снам я был бы мил,
На столе передо мною
Гость нередкий — барбамил.

Чем похвастать, друг правдивый,
 Можешь ты, мое перо?
 Был президиум на диво,
 Было два бюро с активом
 И еще одно бюро.
 А потом весьма толково
 При тропической погоде
 (Хоть бы дождь или туман!)
 С Ярославом Смеляковым,
 С Солоухиным Володей
 Мы писали длинный план.
 План собраний и разборов,
 Мудрых поисков блохи,
 Не стихов, а разговоров
 Про поэмы и стихи.

...Я виновен, я неловок,
 Если кто-то на мели,
 Если всем командировок
 Мы устроить не смогли.
 В том, что все имеют жажду
 На печать и на успех,
 Но пока еще не каждый
 Сочиняет лучше всех.
 Пусть кто хочет верховодит,
 Протокольчики ведет,
 День Поэзии проводит,
 Наши книжки издает.
 Я ж хочу из важных зданий,
 Где поэтов голоса,
 От дремучих заседаний
 В необжитые леса.
 Где зеленый шум сосновый,
 Ветки тянутся ко мне.
 Где обдумать можно слово,
 С ним побыть наедине.
 Я хочу на гребень шлюза
 В самый дальний край Союза.
 На строительство плотины,
 Где фонарики горят,
 Где серьезные мужчины
 О стихах не говорят.

День поэзии 1980

Владимир ПАВЛИНОВ

Лирики

Поэты, сверстники живые
 всемирных и земных тревог,
 мы не забыли, что впервые
 Октябрь назвал Великим — Блок?

Что неустроен белый свет?
 Что мир хрипит и кровью плачет,
 кипит? И в этом мире, значит,
 слоновой кости башен — нет?

Что всюду смертный бой идет,
 слепой — и зримый. Злой — и лютый.
 Так у березы пресловутой
 чего мы водим хоровод?

Что в мире нет любви верней —
 и потому нет слов бесплотней?
 Что обнажение корней
 нужней, чем клятв привычных сотни?

И — оправданье ли для нас
 то, что пока локальны войны?
 Мы так внушительно-спокойны!
 Так зорок мастерский наш глаз!

Береза, ты молчишь, скорбя.
 Качаешь головой зеленой.
 Ну и заездили тебя
 есенинские эпигоны!

Неужто в наши дни, скажи нам,
 свет на тебе сошелся клином?
 За наши сборники берусь:
 «береза — Русь», «береза — Русь»!

В березе ли вся мира боль?
 И есть ли смысл в неглавной боли?
 Не слышим радио мы, что ли?
 Газет не покупаем, что ль?

Мы — благодущны и тверезы.
А век-то физика творит!
Какие, к черту, тут березы?
Земля и рвется, и горит!

Напалм. Землетрясенье. Сель.
Нужда ли — жизнь клевать по крохе?
Осмыслить душу, суть эпохи —
не наша ли, поэты, цель?

День поэзии 1980

Николай ПАНЧЕНКО

* * *

Люби меня тихо и грустно,
пока за порогом темно,
любить, как болей, —
безыскусно —
никто не умеет давно.

Но с глазу на глаз и заглазно,
едва зарумянится свет, —
люби меня полно и праздно,
как будто усталости нет.

А в этой больничной одежде,
где я и четыре угла, —
люби меня просто, как прежде,
когда не любить не могла...

День поэзии 1972

Эпикур

Простые истины добыты Эпикуром.
Положены фламандцем на холсты.
Но кажутся не истинно просты
тяжелые и прочные фигуры,
раскормленные птицы, как амур, —
под ними изгибаются кусты.

Не истины — он гений доброты! —
он хочет вас во что бы то ни стало,
хотя и не пристало мудрецу,

утешить,
чтоб тревога по лицу,
что кожу морщит, словно ветер воду,
не пробегала...

Тихую погоду,
где душный полдень и холодный квас,
он мужественно делает для вас.

Ему потом придется одному
по всем счетам платить за это блюдо.

И кто-нибудь подумает:

«Не худо
придумал парень... Ай да Эпикур!
Придумал... Ай да гений доброты:
все отдал,
а имел поди как мало».

И, если не хватало, говорил,
что больше — нет! —
не у него, но — нет! —
ни у кого:
положена граница.
Хоть раз испивши кожицею свет —
да будут счастливы, как листья, лица...

День поэзии 1975

* * *

Дятел — вечная работа! —
Биться в стену головой.
Сойка тенью самолета
Проскользила надо мной.

Елка пырснула синицей.
Проступили снегири.
Ты страницу за страницей
Мне вот так проговори.

Чтоб — ни воры и ни войны,
И про волка — ни гугу! —
Волк и войны...

Мне довольно
Стылой крови на снегу.

День поэзии 1976

Плач китежанки

Боже правый, ты видишь
Эту злую невзгоду.
Ненаглядный мой Китеж
Погружается в воду.
Затонул, златоглавый,
От судьбы подневольной.
Давней силой и славой —
Дальный звон колокольный.
Затонул, белостенный,
Лишь волна задрожала
И жемчужная пена
К берегам отбежала.
Затонул, мой великий.
Стало оглядь безмолвно,
Только жаркие блики
Набегают на волны...

[Начало 60-х годов]

День поэзии 1980

Завещание

(Отрывок)

...И вы уж мне поверьте,
Что жизнь у нас одна,
А слава после смерти
Лишь сильным суждена.

Не та пустая слава
Газетного листка,
А сладостное право
Опережать века.

...Не шум газетной оды,
Журнальной болтовни, —
Лишь тишина свободы
Прославит наши дни.

Не похвальбой лукавой,
Когда кривит строка,
Вы обретете право
Не умолкать века.

Один лишь труд безвестный —
За совесть, не за страх,
Лишь подвиг безвозмездный
Не обратится в прах...

День поэзии 1980

Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ

Ботинки

Собралось множество народу,
И каждый мне давал наказ,
Поскольку в дальнюю дорогу
Я собирался в первый раз.

А мне завидовало столько!
И надо было понимать:
Я еду в город Севастополь —
В морскую школу поступать!

И, старый шкаф открыв со скрипом,
Мне мать в серьезный этот путь
Ботинки черные со скрипом
Велела на ноги обуть.

В вагон вошел я по билету,
А ехать мне четыре дня,
И документ за семилетку
Лежал в кармане у меня.

И не сумел понять я толком,
Откуда смог вагон узнать —
Я еду в город Севастополь,
В морскую школу поступать!

А пассажиры мне: «Братишка!
Таких нельзя не принимать,
Да ты, милоч, в своих ботинках
Парады будешь принимать!»

И было все отлично в общем,
Я ехал весело и всласть,

Хоть ехал я в вагоне в общем,
Где негде яблоку упасть.

И на одном глухом вокзале
Заснул как мертвый среди дня,
И среди дня ботинки сняли,
Ботинки новые с меня.

Ах, как я бегал по вокзалу,
Ботинки черные искал,
Вокзал жевал и хлеб, и сало,
Вокзал сочувственно икал.

И было мне понятно только,
Что я остался босиком...
Ну как я в город Севастополь
Таким поеду босяком?!..

День поэзии 1962

Ночной самолет

*Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит...*

А. Блок

Еле слышимый звук долетает,
Огонек

еле видный
поет —

Высоко над землей обитает
Одинокий ночной самолет.

Словно собственный голос услыша,
Испугавшись силы своей,
Он уходит все выше и выше
Над жилищами спящих людей.

Он уходит в туманность и млечность,
Он мигает сигнальным огнем,
Что его в этот час
бесконечность
Приютила в пространстве своем.

Что, причастен к сияющей бездне,
Он земле в эту ночь не грозит
И, кочуя в семействе созвездий,
Как звезда, над землю горит!

День поэзии 1966

Воспоминание о старшем брате

То ли сон о старшем брате,
То ли память детских лет:
Рук широкое объятье.
Португея. Пистолет.

Помню все на цвет, на запах,
Помню, главное, на слух:
«Дан приказ — ему на запад...» —
Песня слышалась вокруг.

С этой песней на неделю
Прибыл он под отчий кров...
С этой песней скрипнул дверью,
Слышу скрип его шагов.

Скрип сапог живого брата,
Уходящего от нас, —
Дан приказ — ему на запад,
Дан приказ,
Приказ,
Приказ.

...Он успел из-подо Львова,
Первым принявшим грозу,
Написать, послать два слова:
«Был в бою. Стоим в лесу...»

Не узнать мне, что с ним случилось
Во втором его бою,
Может, после не осталось
Даже леса в том краю...

Не воротится назад он,
Слишком столько долгих лет.
Дан приказ — ему на запад...
Португея... Пистолет...

День поэзии 1972

Борис ПАСТЕРНАК

1890—1960

Зимняя ночь

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы,
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени:
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол,
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

День поэзии 1956

Рассвет

Ты значил все в моей судьбе,
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о тебе
Ни слуху не было, ни духу.

И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я твой завет
И как от обморока ожил.

Мне к людям хочется, в толпу,
В их утреннее оживленье.
Я все готов разнести в щепу
И всех поставить на колени.

И я по лестнице бегу,
Как будто выхожу впервые
На эти улицы в снегу
И вымершие мостовые.

Рисунок художницы Е. Пастернак.

Везде встают огни, уют,
Пьют чай, торопятся к трамваям,
В течение нескольких минут
Вид города неузнаваем.

В воротах вьюга вяжет сеть
Из густо падающих хлопьев,
И, чтобы вовремя поспеть,
Все мчатся, недоев, недопив.

Я чувствую за них, за всех,
Как будто побывал в их шкуре,
Я таю сам, как тает снег,
Я сам, как утро, брови хмурю.

Со мною люди без имен,
Деревья, дети, домоседы.
Я ими всеми побежден,
И только в том моя победа.

День поэзии 1956

Ночь

Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье.

Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда.

Всем корпусом на тучу
Ложится тень крыла.
Блуждают, сбившись в кучу,
Небесные тела.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный Путь.

В пространствах беспредельных
Горят материки.
В подвалах и котельных
Не спят истопники.

В Париже из-под крыши
Венера или Марс
Глядят, какой в афише
Объявлен новый фарс.

Кому-нибудь не спится
В прекрасном далеке
На крытом черепицей
Старинном чердаке.

Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда!

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну, —
Ты вечности заложник,
У времени в плену!

День поэзии 1957

Из цикла «Старые мастера»

Магдалина

I

Чуть ночь, мой демон тут как тут,
За прошлое моя расплата.
Придут и сердце мне сосут
Воспоминания разврата,
Когда, раба мужских причуд,
Была я душой бесноватой
И улицей был мой приют.

Осталось несколько минут,
И тишь наступит гробовая.

Но раньше, чем они пройдут,
Я жизнь свою, дойдя до края,
Как алавастровый сосуд,
Перед тобою разбиваю.

О, где бы я теперь была,
Учитель мой и мой Спаситель,
Когда б ночами у стола
Меня бы вечность не ждала,
Как новый, в сети ремесла
Мной завлеченный посетитель.

Но объясни, что значит грех,
И смерть и ад, и пламень серный,
Когда я на глазах у всех
С тобой, как с деревом побег,
Срослась в своей тоске безмерной.

Когда, твои стопы, Исус,
Оперши о свои колени,
Я, может, обнимать учусь
Креста четырехгранный брус
И, чувств лишаясь, к телу рвусь,
Тебя готовя к погребенью.

II

У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи
Обмываю миром из ведерка
Я стопы пречистые твои.

Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слез.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распутившихся волос.

Ноги я твои в подол уперла,
Их слезами облила, Исус,
Ниткой бус их обмотала с горла,
В волосы зарыла, как в бурнус.

Будущее вижу так подробно,
Словно ты его остановил.
Я сейчас предсказывать способна
Вещим ясновиденьем сивилл.

Завтра упадет завеса в храме,
Мы в кружок собьемся в стороне,

И земля качнется под ногами,
Может быть, из жалости ко мне.

Перестроятся ряды конвоя,
И начнется всадников разъезд.
Словно в бурю смерч, над головою
Будет к небу рваться этот крест.

Брошусь на землю у ног распятыя,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятъя
Ты раскинешь по концам креста.

Для кого на свете столько шири,
Столько муки и такая мощь?
Есть ли столько душ и жизней
в мире?
Столько поселений, рек и рощ?

Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до воскресенья дорасту.

Рождественская звезда

Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было младенцу в вертепе
На склоне холма.

Его согревало дыханье вола.
Домашние звери
Стояли в пещере,
Над яслями теплая дымка плыла.

Доху отряхнув от постельной трухи
И зернышек проса,
Смотрели с утеса
Спросонья в полночную даль пастухи.

Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе
И небо над кладбищем, полное звезд.

А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей площадки

В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.

Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и бога,
Как отблеск поджога,
Как хутор в огне и пожар на гумне.

Она возвышалась горячей скирдой
Соломы и сена
Средь целой вселенной,
Встревоженной этою новой звездой.

Растущее зарево рдело над ней
И значило что-то,
И три звездочета
Спешили на зов небывалых огней.

За ними везли на верблюдах дары.
И ослики в сбруе, один малорослей
Другого, шажками спускались с горы.

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдаль все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.

Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепье цветной мишуры...

...Все злей и свирепей дул ветер
из степи...
...Все яблоки, все золотые шары.

Часть пруда скрывали верхушки ольхи,
Но часть было видно отлично отсюда
Сквозь гнезда грачей и деревьев верхи.

Как шли вдоль запруды ослы и верблюды,
Могли хорошо разглядеть пастухи.

На I съезде советских писателей. Слева направо: Жан Ришар Блок, Илья Эренбург, Борис Пастернак, парашютистка Нина Камнева, Паоло Яшвили, Иван Рахилло, Илья Сельвинский и Николай Тихонов.

Гамлет

Тут даких я вогне на погосити.
Пунисонсь к дверному кляку,
Я люблю в далеком отголоске,
Что случится на моей веку.

На море наставил утра поги
Могла быть кажд на ося.
Если только можно, авда отсе,
Таку эту мне прохеси.

Я люблю тебя долгий утра поги
И мирай согласен эту роль.
Но сегодня идет другая драма,
И на этом раз мне убол.

Но предуман распорядок дешетий
И неожиданный конеч пути.
Я - одна, все то нет в дари суде -
Жизнь продина - не поле перези

уверенней разжатая рука,
добрее уходящая строка.
Иду на дно
и не иду ко дну...
Так две реки
сливаются в одну,
чтоб, растворившись в море
навсегда,
плыла освобожденная
вода.

День поэзии 1975

Тридцать лет спустя

Если б душа
отделялась от тела,
сколько бы чаек
ко мне прилетело.
Сколько бы ласточек
в окна влетало.
Сколько б коней
в дом тропу протоптало.
Если б душа
отделялась от тела,
я не ходил бы тайком
на Пастера,
в дом, где живут
все друзья неживые.
Где не лежат
и цветы полевые.
Может, потом
и случится такое,
там, за неслышной
подземной рекою,
на перевозе,
где лодочник желтый
знает, зачем
и откуда пришел ты.
Но на земле
не случается чуда.
Тот, кто погиб,
не приходит оттуда.
Были юнцами.
Не стали старше.
Тех, что погибли,
считаю храбрее.

Может, осколки их
были острее?
Может, к ним пули
летели быстрее?!
...Дальше продвинулись.
Дольше горели.
Тех, что погибли,
считаю храбрее.

День поэзии 1975

Я старею, и снятся мне травы...

Я старею, и снятся мне травы,
а в ушах то сверчки, то шмели.
Но к чему наводить переправы
на оставленный берег вдали!
Ни продуктов, ни шифра, ни грязи
не хочу ни сейчас, ни потом.
Мне сказали:
— Взорвете понтон
и останетесь в плавнях для связи. —
...И остался один во вселенной,
прислонившись к понтону щекой,
восемнадцатилетний военный
с обнаженной гранатной чекой.
С той поры я бегу и бегу,
а за мною собаки по следу.
Все — на той стороне. Я последний
на последнем своем берегу.
И гудят, и гудят провода.
Боль стихает. На сердце спокойней.
Так безногому снится погоня,
неразлучная с ним навсегда.

День поэзии 1975

Сергей ПОДЕЛКОВ

* * *

Горы оседают —
недра раздаются,
реки высыхают —
русла остаются.

Степь. Пожар играет.
Пламя. Космы выютя.
Травы выгорают —
корни остаются.

Осень. Солнце тает
в небе, как на блюде.
Птицы улетают —
гнезда остаются.

Глухо лес вздыхает,
тучи вдаль несутся.
Листья опадают —
ветви остаются.

Люди жить мечтают,
над землею гнутся.
Люди умирают —
песни остаются.

День поэзии 1956

Герб города Костромы

Стрежень Волги в лазоревом свете.
Из рассветной глубокой дремы,
будто из сновиденья столетий,
выплывает к нам герб Костромы.

Вот он, вот — как гулливое диво —
ярый, борзый варяжский корабль,
золотососенная обшива,
золотая на парусе рябь.

А на нем — древнерусский ваятель —
впереди — взгляд орла сотворил
и раскрытые миру объятья
двух резных расправляемых крыл.

А на нем — семь гребцов
складнорослых,
семь певцов, семь бойцов удалых,
маховые пернатые весла
поднимаются враз, в один дых.

И по стрежню крутыми рывками
он летит, вьются пены волчки,
он как мысль — напряжен под руками,
он как песнь — в горловине реки.

Не сюда ли баскаки рысили,
шляхта шла и фашисты рвались?
Соловьинная слава России,
близ тебя им и воздух тернист.

Волга, Волга, великая воля,
ты была от волненья бела,
жернова твоих волн размолоти
мысли хищные, сталь и тела.

Герб плывет. Нет ни круч, ни излучин,
волн пружинистых пенны следы,
и доносится поскрип уключин.
и серебряный клекот воды.

Герб плывет. Перекатно течение
к нам от прадедов через отцов,
и такое томит ощущение:
будто мы среди этих гребцов.

День поэзии 1969

Сергей ПОЛИКАРПОВ

* * *

Похвалялись синицы-сестрицы
Сине море шутя подпалить.
Похвалялись досужие птицы
Полыхалищем всех удивить.

А за спичками
Дело не стало.
А они подведут —
Не беда:
Есть кремь
И стальное кресало,
Доброхотов помочь —
Хоть куда!..

Похвалялись синички-сестрички...
В этой притче
В присловии суть:
Есть идея,
Есть море,
Есть спички,
Сделай дело —
Потом баламуть.

День поэзии 1974

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ**Павел Васильев**

Он пришел от Павлодара,
От полуденных степей,
Тяжесть песельного дара
Взяв из недр земли своей,

И еще —
над самой бровью —
На отчаянном челе
Отсвет,

высеченный болью
И любовью к той земле,
Где созвездья дикошары,
Луны словно табуны,
Кони — рыжие пожары,
Девы — княжеские сны.

В той земле,
Густой и пенной,
В синь,
в овсы,
в ржаной сугрев,
Яблоня над ним запела
Песню Жизни нараспев.

И в рубахе той атласной,
Ярмарочный и хмельной,
Он в Москве, на Пресне Красной,
Песню ту пустил волной.

Песню ярую,
со звоном,
Что раздольна и пышна,
По российским перегонам
Стенькой Разиным пошла.
И орала слева,
справа,
Кто незлоблив, кто лукав:
Словно князь пирует Павел,
Так же дик и златоглав.
Так же тих вдруг и осенен,
Листья славы расшвыряв,
Только грустный взгляд олений
Свой оставив у дубрав...

Павел,
Павел,
Грозный Павел,
Все чумное отменя,
Век лишь светлое оставил
От громадного Тебя.

Так на ветках черных яблонь,
Отгоревших на ветру,
Белый снег космат и ярок
На пронзительном свету.

День поэзии 1971

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

* * *

Под небом родины любимой
какой же русский не привык
жить с песней, не переводимой
ни на какой другой язык;
добро и зло судить пристрастно,
качать и строить сгоряча
и перекраивать пространства
по мерке своего плеча;
и мучиться неизъяснимой
тоской по вольности иной —
под небом родины любимой
и на земле своей родной?

День поэзии 1971

Зимняя гостья

Дом в снегу, и дорога зальдела,
и слабеет по-зимнему свет.
Вот и птица ко мне залетела
по законам недобрых примет.

По законам недоброй природы
ищет птица тепла и зерна:
не нужны ей простор и свобода —
нужен кров для голодного сна.

Ты зачем у меня поселилась,
нагнетая тревогу и грусть?
Все уже в моей жизни случилось,
я уже ничего не боюсь.

Ничего для меня не осталось,
лишь тебя накормить, обогреть,
чтобы ты за меня попыталась
и летать, и гнездиться, и петь.

День поэзии 1972

Черный хлеб

I

Вот он лежит — диетический, серый! —
правнук черняшки военной поры.

Ржавый, несытный, он символом веры
нас освящал: тяжелы и мокры
в карточной общесоюзной дележке
были краюшки его и ломти.

Все призабылось: нехватка одежды,
лед на подошвах, мозоли в горсти...

Но почему, почему, почему же
холод военный во мне не иссяк
и тыловою, сиротскою стужей,
как недоед, затаился в костях?

Сам я живу — все грядущим, грядущим,
сам все пекусь — о живом, о живом...
Что же забота о хлебе насущном
остью топорщится в слове моем?

Что же теперь со стыда не сгораю
я от привычки, что душу мне жгла, —
и машинально, как в детстве, собираю
хлебные крошки в кулак со стола?

II

Насущный хлеб не сух, не сладок,
но искони необходим.

Мы ни подтекста, ни загадок
не ищем в нем, когда едим.
Он прост и ясен, как основа
для жизни сердца и ума,
как изначальнейшее слово,
да и как родина сама.

Но, разрезая утром булку,
я слышу, как проходит вздох
по Хлебникову переулку —
по средостению эпох,
по всероссийской вечной пашне,
что с терпеливостью зерна
день завтрашний и день вчерашний
на все сплотила времена.

И только позднею догадкой
я к вечной тайне приобщен,
что привкус хлеба кисло-сладкий
и вздох из глубины времен —
не что иное, как основа
для жизни сердца и ума,
как почва для родного слова,
да и как родина сама.

День поэзии 1979

Борис ПРИМЕРОВ

* * *

Повыше подняться мне бы,
Туда, где, не ведая сна,
Зеленым напористым небом
Меня окружает весна!
Увидеть нашествие мая,
Бесчисленных ливней набег
И вспомнить себя — и растаять
На солнце, как мартовский снег.

Ручьи зашумят голосисто,
И ветры сойдутся в садах
На первых доверчивых листьях
Сыграть о непрожитых днях.
Пахучие вешние силы
Проснутся, когда в синеву
Дождя расторопные вилы
Взметнут молодую траву!

И буду я в запахах мая,
Все росы до капли собрав,
Из тела душой убывая,
Цепляться за головы трав!

День поэзии 1973

Александр ПРОКОФЬЕВ

1900—1971

Художнику

Сосна большая, корабельная
Стучится в небо, как в окно,
Березка рядом акварельная,
Бери ее на полотно.

Бери беленую, российскую
С ее зеленою волной,
Сейчас на ней синицы цвинькают,
Бери, лелеянную мной.

Бери, коль хочешь быть обрадован,
С ее волшебной стороной,
Да нарисуй ее под радугой,
Да, если можно, под двойной!

И с той сосною корабельною,
А чтобы стало все милей,
То, если можно, с колыбельною
Вечерней песнею моей.

День поэзии 1966

В один адрес. Лапти

Кто сказал, что плохо,
Если много пишется?
Это после вздоха,
Что дела не движутся
У него, прилежного,
У него, премудрого,
И такого нежного
И такого нудного!
В дудочку б ему гудеть,
В красном бы углу сидеть
Да вполглаза
(из-за скромности!)

На девушек глядеть!
Девушки в ладошки бьют,
Девушки ему поют:
«Ой, ты, Ванюшка-Иван,
Нерасстеганный кафтан.

Ваню девушки любили,
Кашей масляной кормили...»
Где уж, где уж тут творить,
Зелье в три огня варить.
На стене висят два лаптя.
Дальше надо ль говорить?..

День поэзии 1966

* * *

Ох, и круто, ох, и круто
Замесил народ слова,
Как пошли они заречьем
Поначалу да сперва,

Как вошли они в долину,
В чернотал и в краснотал, —
Туча с тучею сошлись,
Гром, что спал, —
Зарокотал!

Ох, и круто, ох, и круто
Замесил народ слова,
Сразу стала называться
Синевою — синева,

И — люблю — сверкнуло любо
И осталось на устах
Для того, чтоб кровь горела
В расцелованных местах!

Ох, и круто, ох, и круто
Замесил народ слова,
Как найду слова-находки, —
Так кружится голова.

На огне их обжигая,
И храню их, и граню,
А потом в народ гоню,
А потом в народ гоню!

День поэзии 1966

Фотография 30-х годов.

Кочерга

Пиита славный, друг мой старый,
Я думал, ты совсем затих,
А ты опять погнал отару
Через луга стихов моих.

Мне нравится, когда ты в гневе,
Твоим заботам нет числа,
И ты орлом сидишь на древе
Познания добра и зла!

Мне нравится, когда ты ласков,
Когда ко всем предельно мил,
Но мнится мне: ты строишь глазки,
Как кошка мышке.
О зоил!

Мне нравится — отнюдь не ново
Скажу тебе и не солгу, —
Мне нравится, как в строчку слово
Ты ставишь, будто кочергу!..

День поэзии 1966

Татьяна РЕБРОВА

* * *

В заморозки
 почерневший бурьян,
Как серебро старинное, светится
В сердце моем.
 Так шумит океан
В ракушке,
 какая не сразу заметится.

Темное платье и черный платок.
Яркие розы горят по сатину.
Я на отцовской могиле цветок
Точно такой же вчера посадила.

Родина сердце мое утолит
В жажде и жертвы, и крестной муки.
Будь же я проклята, коль утомит
Звездный мой час крестьянские руки.

Ты меня спеть как-нибудь попроси.
Что ты целуешь мне пальцы и слезы!
Ты ли не знал,
 как чисты на Руси
Женщины, мужество, хлеб и березы.

Ежели ты затоскуешь во мгле
Вдруг о Полярной звезде над колодцем,
О копнах сена,
 о журавле,
Спящем в траве за лесным болотцем,
Вспомни меня,
 и возьми мою
Судьбу, как раковину,
 и слушай,
Как ветер свищет в родном краю,
Как лошадь грезит над лунной лужей.

День поэзии 1980

Павел РАДИМОВ

1887—1967

Родина

Деревья в инее, а снега вовсе нет.
Зима задумалась у столбовой дороги.
Радимов Павел я, художник и поэт,
Советский гражданин и человек
 нестрогий.

В Коломенском краю свой написал сонет,
Бродя вблизи Оки, где берега пологи,
Где протекла пора моих ребячьих лет,
Где ездил много раз, усевшись на дроги.

Я помню, помню вас, поемные луга!
Вот на реке паром, вот Лóвцы, Белоомут,
Вот бричка ямщика и с кóлкольцем дуга,

Вот Горки на Яру и под горою омут.
Внизу ж стоят стога и зелени нет края.
Дай ширь твою вдохнуть, о сторона
 родная!

День поэзии 1957

Николай РУБЦОВ

1936—1971

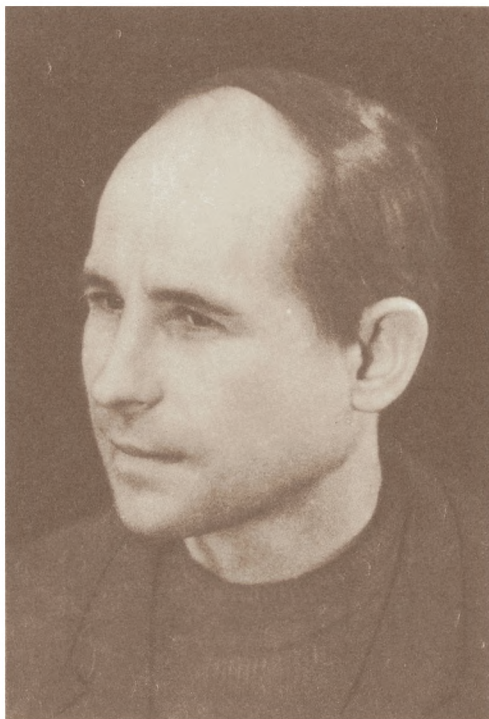
* * *

Загородил мою дорогу
Грузовика широкий зад.
И я подумал: «Слава богу!
Село не то, что год назад».

Теперь в полях везде машины
И не видать плохих кобыл,
И только вечный дух крушины
Все так же горек и уныл.

И резко, словно в мегафоны,
О том, что склад забыт и пуст,
Уже не каркают вороны
На председательский картуз!

Идут, идут обозы в город
По всем дорогам без конца,
Не слышно праздных разговоров,
Не видно праздного лица...

День поэзии 1966

*Фото Н. Лаврентьева. Публикуется впервые.***У размытой дороги**

Грустные мысли наводит порывистый ветер.
Грустно стоять одному у размытой дороги.
Кто-то в телеге по ельнику едет и едет.
Позднее время — спешат запоздалые дроги,
Плачет звезда, леденея, над крышей сарая...
Вспомни, о родина, праздник на этой дороге, —
Шумной гурьбой под луной мы катались, играя,
Снег освещенный летел вороному под ноги!
Бег все быстрее... Вот вырвались в снежное поле,
В чистых снегах ледяные полынные воды,
Мчимся стрелой... приближаемся к праздничной школе...
Славное время — души моей лучшие годы!
Скачут ли свадьбы в глуши потрясенного бора,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик, над селеньем,
Льется ли чудное пение детского хора, —
О моя жизнь! На душе не проходит волненье.

Нет, не кляню я мелькнувшую мимо удачу,
 Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы, —
 Что ж я стою у размытой дороги и плачу?
 Плачу о том, что прошли мои лучшие годы...

День поэзии 1968

Последняя ночь

Был целый мир зловещ и ветрен,
 Когда один в осенней мгле
 В свое жилище Дмитрий Кедрин
 Спешил, вздыхая о тепле...

Поэт, бывало, скажет слово
 В любой компании чужой —
 Его уж любят, как святого,
 Кристально чистого душой!

О, как жестоко в этот вечер
 Сверкнули тайные ножи!
 И после этой страшной встречи
 Не стало кедринской души...

Но говорят, что и во прахе
 Он все вставал над лебедой,
 Его убийцы жили в страхе,
 Как будто это впрямь святой,

Как будто он во сне являлся
 И так спокойно, как никто,
 Смотрел на них и удивлялся,
 Как перед смертью: — А за что?

День поэзии 1969

Посвящение другу

Замерзают мои георгины,
 И последние ночи близки.
 И на комья желтеющей глины
 За ограду летят лепестки.

Нет! Меня не порадует — что ты! —
 Одинокая странствий звезда.
 Пролетели мои самолеты,
 Просвистели мои поезда,

Прогудели мои пароходы,
 Проскрипели телеги мои...
 Я пришел к тебе в дни непогоды,
 Так изволь, хоть водой напои!

Не порвать мне житейские цепи,
 Не умчаться, глазами горя,
 В пугачевские вольные степи,
 Где гуляла душа бунтаря.
 Не порвать мне мучительной связи
 С долгой осенью нашей земли —
 С деревцом у сырой коновязи,
 С журавлями в холодной дали...

Но люблю тебя в дни непогоды
 И желаю тебе навсегда,
 Чтоб гудели твои пароходы,
 Чтоб свистели твои поезда!

День поэзии 1969

* * *

Кружусь ли я в Москве бурливой
 С толпой знакомых и друзей,
 Пойду ли к девушке красивой
 И отдохну немного с ней,

Несусь ли в поезде курьерском
 От всякой славы и обид
 И в настроенье очень мерзком
 Ищу простой, сердечный быт,

Засну ли я во тьме сарая,
 Где сено есть и петухи,
 Склоню ли голову, слагая
 О жизни грустные стихи,

Ищу ль предмет для поклоненья
 В науке старцев и старух, —
 Нет, не найдет успокоенья
 Во мне живущий адский дух!

Когда, бесчинствуя повсюду,
 Смерть разобьет мою судьбу,
 Тогда я горсткой пепла буду...
 Но дух мой вылетит в трубу!

День поэзии 1972

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

* * *

Я уехал
 от весны,
 от весенней кутерьмы,
 от сосулечной,
 апрельской,
 очень мокрой
 бахромы.
 Я уехал от ручьев,
 от мальчишеских боев,
 от нахохлившихся почек
 и нахальных воробьев,
 от стрекота сорочьего,
 от нервного брожения,
 от головокружения
 и прочего,
 и прочего...
 Отправляясь в дальний путь,
 на другой конец страны,
 думал:
 «Ладно!
 Как-нибудь
 проживем и без весны.
 Мне-то в общем
 все равно —
 есть она
 или нет ее.
 Самочувствие мое
 будет неизменным...»

Но...
 За семь тысяч верст,
 в Тиксї,
 прямо среди бела дня
 догнала
 весна меня
 и сказала:
 — Грязь меси! —
 Догнала, растеребя,
 в будни ворвалась
 и в сны.

Я уехал
 от весны,
 я уехал
 от тебя...

Я уехал в первый раз
 от твоих огромных глаз,
 от твоих горячих рук,
 от звонков твоих подруг,
 от твоих горячих слез
 самолет меня
 унес.

Думал:
 «Ладно!
 Не впервой!
 Покажу характер свой.
 Хоть на время
 убегу...»

Я ведь сильный,
 Я — смогу...»
 Я не мерил высоты.
 Чуть видна земля была...
 Но увидел вдруг:
 вошла
 в самолет летящий
 ты!
 В ботах,
 в стареньком пальто...
 И сказала:
 — Знаешь что?
 Можешь не убегать!
 Все равно у тебя из этого
 ничего не получится...

День поэзии 1957

Винтики

Время
 в символе разобраться.
 Люди — винтики...
 Люди — винтики...
 Сам я винтиком был!
 Старался!
 Был безропотным.
 Еле видимым.
 Мне
 всю жизнь за это
 расплачиваться!
 Мне себя, как пружину,
 раскручивать.
 Верить веку.

* * *

Да, ты бесчестным не был никогда,
Но честность тоже разная бывает,
И если доброты ей не хватает —
Она всего лишь мертвая вода.

День поэзии 1966

* * *

Разум и совесть, отец и мать.
Есть кому песню благословлять.
Если в согласье они живут, —
В путь несмышленную не пошлют.
Научат, как ложь по глазам узнать,
Разум и совесть, отец и мать.
Если ж согласья меж ними нет —
Смутной уйдет она в белый свет.
Примет в пути, что остер, как нож,
Ложь за правду, правду за ложь.
Будут напрасно назад ее звать
Разум и совесть, отец и мать.
Разум и совесть, отец и мать —
Вместе им радоваться и горевать.

День поэзии 1966

Григорий САНИКОВ

1899—1969

Ленин и Уэллс

Внимателен и откровенен,
в суждениях неопровержим,
беседовал с Уэллсом Ленин,
растерянным, но не чужим.
То замыкался на мгновенье,
то вдруг улыбчив, то суров,
развеивал недоуменья
у автора «Борьбы миров»,

И тот дивился, озаренный,
на собеседника в Кремле,
на то, как он над разоренной
страной, простирающейся во мгле,

волнуясь, зажигал светила
высоковольтного огня
и шурился: глаза слепила
Россия завтрашнего дня.

День поэзии 1960

Владимир САВЕЛЬЕВ

* * *

За друзей вступающийся пылко,
напряженный от зрачков до скул,
он судьбою,
выкованной в ссылках,
по державным путам полоснул.

И, не шаг чеканя — канонаду,
проступил
в российском далеке
человек решительного склада
в повидавшем виды пиджаке.

Конники взлетали на курганы,
корабли сигналили в туман,
и качались древние берданы
на плечах сибирских партизан.

И пожары
ополночь знобило,
зубчато кидая вкривь и вкось,
точно окровавленные вилы,
темень пропоровшие насквозь.

И от слов,
на митингах не стертых,
содрогались дали загранич.
И дворцы выплакивали стекла
из своих готических глазниц.

Да, в томах,
что под обложкой твердой
багровеют у моей стены,
каждая строка,
как шнур бикфордов,
угрожает взрывом тишины.

И не зря мечтаю я о чуде...
 Но свершись науки колдовство,
 чтоб продлить часы его, —
 и людям
 вновь отдаст он все до одного.

А верни к истокам — и в порыве
 повторит почти без перемен
 тот же путь от шалаша в Разливе
 к Мавзолею у старинных стен.

День поэзии 1970

Давид САМОЙЛОВ

Старик Державин

Рукоположения в поэты
 Мы не знали. И старик Державин
 Нас не заметил, не благословил.
 В эту пору мы держали
 Оборону под деревней Лодвой,
 На земле холодной и болотной
 С пулеметом я лежал своим.

Это не для самооправданья, —
 Мы в тот день ходили на задание
 И потом в блиндаж залезли спать.
 А старик Державин, думая о смерти,
 Ночь не спал и бормотал: «Вот черти,
 Некому и лиру передать!»

А ему советовали: «Некому?
 Лучше б передали лиру некоему
 Малому способному...»

А эти,
 Может, все убиты наповал!..»
 Но старик Державин воровато
 Руки прятал в рукава халата,
 Только лиру не передавал.

Он, старик, скучал, пасьянс
 раскладывал,
 Что-то молча про себя загадывал.
 (Все занятые по его годам!)
 По ночам бродил в своей мурмолке,
 Замерзал и бормотал: «Нет, сволочи!
 Пусть пылится лучше — не отдам!»

Был старик Державин лстец и скарעד,
 И в чинах, но разумом велик.
 Знал, что лиры запросто не дарят.
 Вот какой Державин был старик!

День поэзии 1962

* * *

Была туманная весна,
 И были нежные березы.
 О март-апрель, какие слезы!
 Во сне какие имена!

Туман весны, туман страстей,
 Рассудка тайные угрозы.
 О март-апрель, какие слезы —
 Спросонок, словно у детей.

Как корочку, хрустящий след
 Жуют рассветные морозы.
 О март-апрель, какие слезы —
 Названья и причины нет.

Вдали, за гранью голубой,
 Гудят в тумане тепловозы.
 О март-апрель, какие слезы!
 О чем ты плачешь? Что с тобой?

День поэзии 1969

Названья зим

У зим бывают имена.
 Одна из них звалась Наталья.
 И было в ней мерцанье, тайна,
 И холод, и голубизна.

Еленю звалась зима.
 И Марфою. И Катериной.
 И я порою зимней, длинной
 Влюблялся и сходил с ума.

И были дни, и падал снег,
 Как теплый ворс зимы туманной...
 А эту зиму звали Анной —
 Она была прекрасней всех.

День поэзии 1969

* * *

Мне снился сон. И в этом трудном сне
Отец, босой, стоял передо мною.
И плакал он, и говорил ко мне:
Мой милый сын, что сделалось с тобою!

Он проклинал наш век, войну, судьбу.
И за меня он требовал расплаты.
А я смиренно говорил ему:
— Отец, они ни в чем не виноваты!..

И думал я. И понимал вдвойне,
Как буду я стоять перед тобою
С таким же гневом и с такой же болью...
Мой милый сын, увидь меня во сне!

День поэзии 1972

* * *

Неужели всю жизнь надо маяться!
А потом
от тебя

останется —

Не горшок, не гудок, не подкова, —
Может, слово, может, полслова —
Что-то вроде сухого листочка,
Тень взлетевшего с крыши стрижа —
И каких-нибудь полглоточка
Эликсира,
который — душа.

День поэзии 1970

* * *

Мы не меняемся совсем.
Мы те же, что и в детстве раннем.
Мы лишь живем. И только тем
Кору грубеющую раним.

Живем взахлеб, живем вовсю,
Не зная, где поставим точку.
И все хоронимся в свою
Ветшающую оболочку.

День поэзии 1980

Михаил СВЕТЛОВ

1903—1964

Спичка

Неотвязчива сила привычки,
бесконечно манит тепло...
Огонек сжучает по спичке,
огоньку без нее тяжело.

И стоит среди леса осина,
ей на спички пойти предстоит.
Как пристанище блудного сына,
беспроходная чаша шумит.

Я желаю и присно и ныне
быть родителем огоньков.
Я желаю, подобно осине,
в сотни втиснуться коробков.

Чтоб носили меня, зажигали,
чтобы я с человечеством был,
чтоб солдат на коротком привале
от меня, от меня прикурив.

День поэзии 1960

Дождь

Дождь идет. Пустячный дождь идет.
Он — осенний, он — обыкновенный.
Дождь идет. И человек идет.
Он, как этот дождь, — обыкновенный.

Старость, торопить тебя не будем!
Ты придешь немного погоды...
Мне не бурю донести бы людям,
Донести бы капельки дождя.

Я люблю природу, звезды, тучи,
Небо наверху, земля внизу.
Ходит Блок, а рядом ходит Тютчев,
По обочине и я ползу.

Твердо знаю: как мой век ни бурен,
Мне земля видна во все концы.
Не тебе, мой друг Степан Халтурин,
Мне взрывать бы Зимние дворцы.

Фото Ал. Лесса.

На спине висит походный ранец,
Выстрел из старинного ружья...
Кто же настоящий итальянец —
Гарибальди или я?

Снова, снова, снова, снова
Юность на меня глядит в упор,
Коммуниста Якова Свердлова
Так мне не хватает до сих пор!

Задыханье, а не передышка!
Нужно, чтоб опять ко мне пришел
Большевик ли старый иль мальчишка,
Только что вступивший в комсомол.

Ежедневно утро оживает,
Ежедневно, что ни говори,
День грядущий людям раскрывает
Свой волшебный занавес зари.

Что нам дождь, он ничего не значит,
Он — обыкновенная вода,
Пусть осенние дожди поплачут,
Я заплачу знаете когда?
День поэзии 1962

* * *

Никому не причиняя зла,
Жил и жил я в середине века,
И ко мне доверчивость пришла —
Первая подруга человека.

Сколько натерпелся я потерь,
Сколько намолчались мои губы!
Вот и горе постучалось в дверь,
Я его как можно приголубил.

Где-то рядом мой последний час,
За стеной стучит он каблуками...
Я исчезну, обнимая вас
Холодеющими руками.

В вечность поплывет мое лицо,
Ни на что, ни на кого не глядя,
И ребенок, выйдя на крыльцо,
Улыбнется: — До свиданья, дядя!
День поэзии 1963

В больнице

Ну на что рассчитывать еще-то?
Каждый день встречаются, провожают...
Кажется, меня уже почетом,
Как селедку луком, окружают.

Неужели мы безмолвны будем,
Как в часы ночные учреждение?
Может быть, уже не слышно людям
Позвоночного столба гуденье?

Черта с два, рассветы впереди!
Пусть мой пыл как будто остывает,
Все же сердце у меня в груди
Маленьким боксером проживает.

Разве мы проститься захотели,
Разве «Аллилуйя» мы споем,
Если все мои сосуды в теле
Красным переполнены вином?

Все мое со мною рядом, тут,
Мне молчать года не позволяют.
Воины с винтовками идут,
Матери с детишками гуляют.

И пускай рядами фонарей
Ночь несет дежурство над больницей, —
Ну-ка, утро, наступай скорей,
Стань, мое окно, моей бойницей!

12 апреля 1964 г.

День поэзии 1964

* * *

Выйди замуж за старика,
Час последний — он недалек.
Жизни взбалмошная река
Превращается в ручеек.

Даже рифмы выдумывать лень,
Вместо страсти и ожиданий,
Разукрашен завтрашний день
Светлячками воспоминаний.

Выйди замуж за старика!
За меня! Вот какой урод!

Не везде река глубока —
Перейди меня тихо вброд.

Там на маленьком берегу,
Где закат над плакучей ивой,
Я остатки снов берегу,
Чтобы сделать тебя счастливой.

Так и не было, хоть убей,
Хоть с ума сойди от бессилья,
Ни воркующих голубей,
Ни орлов, распластавших крылья.
1962

День поэзии 1965

Владимир СЕМАКИН

* * *

Отпуржила зима-белоснежица —
ни пушинки в ее рукаве.
Кто-то шустрый резвится и нежится,
копошится в траве-мураве.

На лугу он сегодня главенствует,
знать не зная про зимнюю грусть.
Пусть прогреется, пусть поблаженствует,
пострекочет, потешится пусть.

Пусть насытится медом по горлышко,
если проголодается вдруг,
он, пока что не знающий горяшка,
как заласканный бабушкин внук.

День поэзии 1975

Навсегдашний камень

Памяти матери

I

Ни морщинки еще
на лбу,
но уже — ни живинки в теле.
Ты покачивалась в гробу,
словно девочка в колыбели.

Помню холмики и кресты,
фотокарточку чью-то в нише.
А кладбищенские цветы
были ростом с меня
и выше.

Чей-то вздох:
«Больно сын-то мал...»
И никто не щунял мальчонку.
Я по кладбищу
побежал
за лимонницею вдогонку.

По-ребячески лопоух,
замер там,
где зияла яма...
Я тебя с той минуты вслух
окликать разучился, мама.

А легко ли пришлось мальцу,
как он выжил — не на авось ли?
Я остался лицом к лицу
перед всем, что изведаль после.

А остался я, твой родной,
в мире грозном и многоликом,
пред мальчишеством и войной,
перед счастьем и перед лихом.

А беда-то не мать родна́
и не мед из лесной колоды...
Как ты смела среди бела дня
да в твои молодые годы?!

Подрасту, наберусь ума
и друзей заведу,
но вскоре
похоронками в их дома
понагрят за горем горе.

Напластуеться боль на боль,
и удар за ударом — в душу.
Боль на боль —
позабуду, что ль,
тех парней
и тебя, роднушу?!

В сердце места живого нет,
а побитое место бóлько.
После столького — не секрет —
я живучестью жив, и только,

жив живучестью потайной —
так под камнем
родится Кама.
Никому — лишь тебе одной
как-нибудь я поплачусь, мама.

2

«Кинь земли!»
Я и рад кидать...
Кто-то — в слезоньки: «Несмышлениш,
ты же маму,
родную мать,
ты же счастье свое хоронишь...»

Кто-то гладил, жалел меня...
Я не знал их — родня ли, кто ли...
Как ты смела средь бела дня,
по своей ли по вольной воле?!

На сыновью мою беду
ты уснула, да так уснула,
что просыпа уже не жду,
хоть земля
изведись от гула,

хоть изной на семи ветрах,
хоть сожмись она вся во жмульку,
хоть рассыпья она во прах,
хоть сварись она вся в сосульку —

в чертов палец,
когда с небес
низвергаются струи молний...
Вот и Кама. А где же лес —
тот, кладбищенский?
Где же холмик?

Иль застроили тот погост?
Или русло спрямила Кама?
У кого разузнать?
У звезд?
У людей уже поздно, мама.

Сколько раз я ни прилетай,
нет надежды и ни на волос, —
лишь за кликами птичьих стай
примерещится мне
твой голос.

Вдоль Урала — лесная синь,
и бок о бок с тобою — Кама.
Вековечнее всех святынь
этот Каменный Пояс,
мама.

Где б ни жил, я повсюду знал:
ты со мной, если я с Прикамьем.
Так уж вышло,
что весь Урал
стал твоим навсегдашним камнем.

...Мне пора — на аэропорт.
Спи, родимая, дорогая...
А лимонница — порх да порх, —
та же самая
иль другая?
День поэзии 1980

Владимир СЕМЕНОВ

Я видел, как солдаты умирали

Опять — война? Забыть уж не пора ли
О ней? — твердят иные мудрецы.

Я видел, как солдаты умирали —
Совсем еще зеленые юнцы.

В уста, — в миг вожделенного привала,
Впервые в жизни, на краю села, —
Не девушка, а смерть их целовала, —
Она ведь тоже женщиной была.

Им землю бы пахать, идти по свету,
В веселую глядеть голубизну,
А мы их зарывали в землю эту —
В холодный мрак, в сырую глубину.

А им творить бы, им работать, строя
Ту жизнь, что намечалась впереди.
Но руки их — для вечного покоя —
Мы складывали молча на груди.

День поэзии 1976

Игорь СЕВЕРЯНИН

1887—1941

Наболевшее...

Нет, я не беженец и я не эмигрант, —
 Тебе, родительница, русский мой талант,
 И вся душа моя, вся мысль моя верна
 Тебе, на жизнь меня обрекшая страна!..
 Мне не в чем каяться, Россия, пред тобой:
 Не предавал тебя ни мыслью, ни душой,
 А если в чуждый край физически ушел,
 Давно уж понял я, как то нехорошо...

Страх перед голодом за мать и за семью
 Заставил родину меня забыть мою,
 А тут вдобавок роковая эта лень,
 Так год за годом шел, со днем сливался день.
 Домой вернуться бы: не очень сладко тут.
 Да только дома мой поступок как поймут?
 Как объяснят его? Неловко как-то — ах,
 Ведь столько лет, ведь столько лет я был в бегах!

Из ложной гордости, из ложного стыда
 Я сам лишил себя живящего труда —
 Труда строительства — и жил как бы во сне,
 От счастья творческой работы в стороне.
 Мне не в чем каяться, и все же каюсь я:
 Меня не ценят зарубежные края.
 Здесь вдохновенность обрекается на склеп.
 Здесь в горле застревает горький хлеб.

Я смалодушничал, — и вот мне поделом:
 Поэту ль в мире жить, пригодном лишь на слом?
 За опрометчивый, неосторожный шаг
 Уже пришиблена навек моя душа.
 И уж не поздно ли вернуться по домам,
 Когда я сам уже давным-давно не сам,
 Когда чужбина доконала мысль мою, —
 И как, Россия, я тебе и что спою?

Усть-Нарова
 26 октября 1939 г.

День поэзии 1965

Петр СЕМЫНИН**Гроза**

Вначале тополь кинулся к окну,
 Прося пустить его, как деда, в кухню,
 Когда, в три неба молнию загнув,
 Косматый гром над самым домом ухнул.

Потом и небо, и земля, и день,
 И все, что мчалось мглы и воя комом,
 Вдруг захлебнулось в яростной воде,
 Ударившей из медных трещин грома.

И только старый тополь за окном,
 Один, как Ной, оставшись во вселенной,
 Едва прикрыт бобыльим зипуном,
 Просился в кухню, кланяясь смятенно.

Оттуда пахло хлебной тишиной,
 И небоглазый — лет пяти — мальчонка,

Бесштаный, перепачканный золой,
 На подоконнике сидел тихонько.

Он улыбался смутно, как во сне.
 Потом привстал и тоненькой рукою
 Отдернул вниз задвижку на окне
 И распахнул его навстречу вою.

Вот это было весело, когда
 Совсем-совсем озябший старый тополь
 Ввалился в кухню, испугав кота,
 И — весь в дожде — залопотал,
 захлопал.

Но мальчика, промокшего до пят,
 Уже в постель тащила мать, ругая.
 А буря, злясь, что хлещет невпопад,
 Над кухней грохотала не смолкая.

День поэзии 1956

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

1899—1968

Анри Руссо

Из старой тетради

Да существует на земле всякий утконос!
 (Детенышей рожают все, а он яйцо снес.)
 Все мыслят через красоту достичь иных высот,
 А этот краской на холсте всему ведет счет:
 Уж если дуб, то все листья у дуба сочтены;
 Уж если парк, сомненья нет — все пары учтены;
 Уж если даже ягуар, то, в сущности, ковер;
 Поэт — и тот с гусиным пером, чуть-чуть не крючоктвор,
 А муза его — типичная мамаша лет сорока,
 Которая знает свой тариф: пятьдесят сантимов строка.
 Висят картины под стеклом. На каждой номерок.
 Подходит критик. Говорит: — Какой нам в этом прок?
 Я понимаю — примитив. Вот, например, Гоген.
 А это ж бог бездарности. Наивность в степени «эн». —

Ах, что за судьбы у иных мастеров пера...
 Руссо погиб. Но осознать его давно пора.
 Вы припечатали его под маркой «примитив».
 А что, как вдруг страданием пронизан каждый мотив?
 А что, как вдруг Анри Руссо плюет на мир буржуа,
 На музу вашу продажную, без паруса, как баржа,
 На вашу романтику дохлую, без яркости и когтей,
 На вашу любовь, где парочки и нет совсем детей,
 На ваши пейзажи дражайшие, где в штампеле каждый
 лист...

А что, как вдруг Анри Руссо — великий карикатурист?
 Схвативши цивилизацию, он с маху ее — в гроб,
 Палитрой своей, как выстрелом, пальнувший
 в собственный лоб!

Париж, 1936
 День поэзии 1956

Дуэль

Дуэль... Какая к черту здесь дуэль?
 На поединке я по крайней мере
 Увидел бы перед собою цель
 И, глубину презрения измерив,
 Как Лермонтов. бы, мог ударить вверх
 Или пальнуть в кольчужницу, как Пушкин.
 Но что за вздор сходитья на опушке
 И рисковать в наш просвещенный век!
 Врагу сподручней просто кинуть лассо,
 Желательно тайком, из-за стены,
 От имени рабочего-де класса,
 А то и православной старины.
 Отрадно видеть, как он захлебнется,
 Вот этот ваш прославленный поэт,
 И как с лихой осанкой броненосца
 Красиво тонет на закате лет.
 Бушприт его уходит под волну,
 Вокруг всплывают крысы и бочонки,
 Но, подорвавшись, он ведет войну,
 С кормы гремя последнею пушчонкой.
 Кругом толпа. И видят все одно:
 Старик могуч. Не думает сдаваться.
 И потому-то я иду на дно
 При грохоте восторженных оваций.
 Дуэль... Какая к черту здесь дуэль!

День поэзии 1966

Фото Я. Хелемского.

И мрамор лейтенантов —
 Фанерный монумент —
 Венчанье тех талантов,
 Развязка тех легенд.

За наши судьбы (личные),
 За нашу славу (общую),
 За ту строку отличную,
 Что мы искали ошупью,
 За то, что не испортили
 Ни песню мы, ни стих, —
 Давайте выпьем, мертвые,
 Во здравие живых!

День поэзии 1956

Чужой дом

Я в комнате, поросшей бытием
 чужим,
 чужой судьбиной пропыленной,
 чужим огнем навечно опаленной.
 Что мне осталось?
 Лишь ее объем.

Мне остаются пол и потолок,
 но пол не я в смятении толоч
 и потолок не на меня снижался,
 не оставляя
 ни надежд, ни шансов.

Ландшафт, который ломится в окно,
 не мной засмотрен
 и не мной описан.
 В живой квадрат я до сих пор не вписан,
 хотя живу шесть месяцев. Давно.

Когда уеду, здесь натрут полы,
 сотрут следы кратчайшего постоя,
 и памятью крепчайшего настоя
 немедля брызнут стены и углы.

И дух его, вернувшийся домой,
 немедленно задушит запах мой.

День поэзии 1970

Самый старый долг

Самый старый долг плачу:
 с ложки мать кормлю в больнице:
 что сегодня ей приснится?
 Что со стула я лечу?
 Я лечу, лечу со стула.
 Я лечу,
 лечу,
 лечу...

Ты бы, мамочка, соснула.
 Отвечает: — Не хочу.

Что там нынче ни приснишь,
 вся исписана страница
 этой жизни.
 Сверху — вниз.
 С ложки
 мать
 кормлю в больнице.

Но какой ни выйдет сон —
 снится маме утомленной:
 это он,
 это он,
 с ложки
 некогда
 кормленный.

День поэзии 1975

Осенний отстрел собак

Каждый заработок благороден.
 Каждый приработок в дело годен.
 Все ремесла равны под луной.
 Все профессии — кроме одной.

Среди тысяч в поселке живущих,
 среди пьющих, среди непьющих,
 не беруших в рот ничего, —
 не находится ни одного.

Председателю поссовета
 очень стыдно приказывать это,
 но вдали, километрах в шести,
 одного удастся найти.

Вот он: всю систему пропорций
я в подробностях рассмотрел!
Негодяй, бездельник, пропойца,
но согласен вести отстрел.

А курортные псы веселые,
вежливые бесхозные псы,
от сезонного жира тяжелые,
у береговой полосы.

Эти ласковые побирушки.
Доля их весьма велика —
хоть по капле с каждой кружки,
хоть по косточке с шашлыка.

Кончилась страда поселковая.
И пельменная, и пирожковая,
и кафе «Весенние сны»
заколочены до весны.

У собак не бывает историков.
В бывшем баре
у бывших столиков
скачут псы
в свой последний день.

Их уже накрывает тень
человека с тульской винтовкой,
и с мешком,
и с бутылкой в мешке,
и с улыбкой — такой жестокой,
и с походкой такой — налегке.

День поэзии 1976

Валентин СИДОРОВ

* * *

Пуškai повторяются доли,
И нивы, и рощи, и сад,
Пусть русские наши глаголы
Минувшие дни воскресят.

Пусть в мареве знойного лета
Проглянет вдруг сумрак лесной.
Ну что из того, что все это
Стократно изучено мной.

И что в голубое забвеньё
Сто раз погружался мой дух!
Еще не насытил я зреньё,
Еще не наполнил я слух.

В просторах себя растворяю
И, право, ничуть не боюсь,
Что, русский глагол повторяя,
Сто раз я еще повторюсь...

День поэзии 1978

* * *

Опять во власти горя своего.
Опять на всю вселенную в обиде.
Опять мой взгляд не видит ничего.
И в самом деле: что он может видеть?

Печалуюсь о собственной судьбе,
Оцепеневшим и застывшим взглядом
Как различишь в мелькающей толпе,
Что кто-то плачет и страдает рядом?

И не очнуться от своих тревог,
И не понять в недвижную минуту,
Что я бы мог, легко и просто мог
Помочь без промедления кому-то.

Хотя бы мыслью (только и всего!),
Не омраченной никакою тенью.
Хотя бы тем, что спрячу от него
Свою досаду и свое смятенье.

День поэзии 1973

* * *

Затихает далекий транзистор.
Мгла бесшумно в овраг улеглась.
Небо звездное влажно и чисто
И открыто для слуха и глаз.

И, приветливо щурясь и морщась,
Словно мастер иль инженер,
Ночь включает на полную мощность
Голос чисел и музыку сфер.

День поэзии 1975

2. Знамя

От знамен не прикуривают,
И не пугают над ними,
И около них.

И не шмонают - если пробито.

Из пробитого знамени кровь не уходит,
Не надо его блантавать!

Плохо его держат в руках
оно не удержит
от потери крови.

Кровь уходит ~~(вниз)~~

Когда бросают на землю.

А когда, выкося ~~кулаком~~
обвернут

возле того потклетка

~~знамя~~ оно не будет
в обиде.

И пятни крови оно
на себе не боится.

Кровь - не грязь.

И убитого, ~~знамя~~

есть - правда - герой -
~~знамя~~ накрыть,

не кадо.

Кадо

оно не позволят.

Потому что знамя

нужно использ.

Знамя дан
не позволят
оно знамя дан
знамя знамя.

Григорий Симо

Из Ираклия Абашидзе*Эдуардасу Межелайгису*

Казалось бы, разум
Холодный и грозный
Планетой Земля
Безвозвратно владеет.
А все-таки с ним
И поспорить не поздно,
Когда красота
Нас за сердце заденет!

Время пристрастно
К кисти Пикассо,
Время пристрастно
К кисти Матисса...
Но где-то под этим —
Незримая трасса,
Где время вступает
На путь прагматиста.

И если сосуд
Всех сокровищ — рассудок,
То, может быть, побоку —
Все, что не дельно?
Но станут ли жить
Хоть в течение суток
Сердце — отдельно?
Разум — отдельно?

Казалось бы, просто,
Научно, бесспорно
Во времени вычислить
Место поэта.
Но он, проходя
Между белым и черным,
Живет как загадка,
А не как анкета!

И голос поэту
На то и дается,
Чтоб крикнуть о том,
Что забыли мы сами:
Жизнь — жизнью!
Любовью — любовь остается!
Очаг — очагом!
Небеса — небесами.

Одною шкалой
Человека не мерят.
Для разума с сердцем
Нет веса, нет меры!
И в разум без сердца —
Люди не верят.
И сердцу без разума —
Тоже нет веры.

И через столетье,
Как единоверцы,
Мы скажем в конце
Двадцать первого века:
Да здравствует
Мыслящее сердце!
Да здравствует
Бьющийся ум человека!

День поэзии 1979

Ярослав СМЕЛЯКОВ

1913—1972

* * *

Приснилось мне, что я чугунным
стал —
мне двигаться мешает пьедестал.

Рука моя трудна мне и темна,
и сердце у меня из чугуна.

В сознании, как в ящике, подряд
чугунные метафоры лежат.

И я слежу за чередой дней
из-под чугунных сдвинутых бровей.

Вокруг меня деревья все пусты —
на них еще не выросли листья.

У ног моих на корточках с утра
самозабвенно лазит детвора.

А вечером, придя под монумент,
толкует о бессмертии студент.

...Когда взойдет над городом звезда
однажды ночью — ты придешь сюда.

Все тот же лоб, все тот же синий
взгляд,
Все тот же рот, что много лет назад.

Как поздний свет из темного окна,
я на тебя гляжу из чугуна.

Недаром ведь торжественный металл
мое лицо и руки повторял.

Недаром скульптор в статую вложил
все, что я значил и зачем я жил.

И я сойду с блестящей высоты
на землю ту, где обитаешь ты.

Приблизюсь прямо к счастью своему,
рукой чугунной тихо обниму.

На выпуклые грозные глаза
вдруг набежит чугунная слеза.

И ты услышишь в парке под Москвой
чугунный голос, нежный голос мой.

1946

День поэзии 1956

Первая получка

Как золотящаяся тучка,
Какую сроду не поймать,
Мне утром первая получка
Сегодня вспомнилась опять.

Опять настойчиво и плавно
Стучат машины за стеной,
А я, фабзавучник недавний,
Стою у кассы заводской.

И мне из тесного оконца
За честный и нелегкий труд
Еще те первые червонцы
С улыбкой дружеской дают.

Мне это вроде бы обычно,
И я, поставив росчерк свой,

С лицом насильно безразличным,
Ликуя, их несущу домой.

С тех пор не раз, — уж так
случилось,
Тут вроде нечего скрывать, —
Мне в разных кассах приходилось
За песни деньги получать.

Я их писал не то чтоб кровью,
Но все же времени черты
Изображал без суесловья
И без дешевой суеты.

Так почему же нету снова
В день гонорара моего
Не только счастья заводского,
Но и достоинства того?

Как будто занят пустяками
Средь дел суровых и больших,
И вроде стыдно жить стихами,
И жить уже нельзя без них.

День поэзии 1957

Фотография 30-х годов.

I

Предраcсветного ждет луча
Небо зимнее, заводское.
Школа имени Ильича
Расположена под Москвою.

Эта школа недавних дней,
Небогатая, небольшая —
Не какой-нибудь там лицей,
Не гимназия никакая.

Нету львов у ее ворот,
Нет балконов над головою.
Ставил стены ее народ,
С Ильичевскою простотою.

Но о тесных твоих цехах,
О твоем небогатом здании
Сохранилось у нас в сердцах
Дорогое воспоминанье

Ты назад тому двадцать лет —
или то еще раньше было?! —
Вам давала тепло и свет,
Жизни правильной нас учила.

Баллада Волховстроя

Сюда с мандатом из Москвы
приехали без проездных
в казенных кожанках волхвы
или в шинельках фронтowych.

А в сундучках у них лежат
пять топоров и пять лопат.

Тут без угара угоришь
и всласть напаришься без дров.
Пять топоров без топорищ
и пять лопат без черенков.

Но в эти годы сущий клад
пять топоров и пять лопат.

Так утверждался новый рай,
а начинался он с того,
что люди ставили сарай
для инструмента своего.

И в нем работники хранят
пять топоров и пять лопат.

Когда Ильич в больших снегах
ушел туда, где света нет,
и свет померк в его очах, —
отсюда хлынул общий свет.

Я слышу, как они стучат, —
пять топоров и пять лопат.

День поэзии 1969

Калмык

Хоть я достаточно привык,
но снова голову теряю,
когда мне Пушкина калмык
благоговейно повторяет.

Те незабвенные слова,
как духи музыки и света,

не потеряли волшебства
от гордой тщательности этой.

Считает, видно, мой джигит
в своей простительной гордыне,
что Пушкин впрямь принадлежит
степному воздуху полыни.

Что житель русских двух столиц
не озарялся их огнями,
а жил, седлая кобылиц
или беседуя с орлами.

И с непокрытой головой,
играя на своей свирели,
шел за кибиткой кочевой
между тюльпанами апреля.

С таким я слушаю стараньем,
так тихо ахаю в ответ,
как будто полного Собранья
на полке не было и нет.

Как словно мне все это внове
и я в Тригорском не бывал,
не пил фетяску в Кишиневе,
в Одессе устриц не глотал.

И с осторожностью веселой
для ожидающих веков,
пока он спал, я утром с полу
не собирал черновиков.

Как будто я из церкви тоже
не выносил на паперть прах
и гроб мучительный рогожей
не я укутывал в саях.

Читай еще, пастух степной.
Я чтение это не нарушу.
От повседневности такой
мне перехватывает душу.

Как сердце бедное унять?
Скорей бы пушкинская сила
его наполнила опять
или совсем остановила.

Звучит средь сосен и снегов
до потрясения сознания
то исполнение стихов,
как исполненье предсказанья.

День поэзии 1972

**Надпись на книге
литературного критика**

Стою я резко в стороне
от тех лирических поэтов,
какие видят только Фета
в своем лирическом окне.

Я не полезу бить в набат,
я не охрипну, протестуя, —
пусть тратят перья, коль хотят,
на эту музыку пустую.

Но не хочу молчать сейчас,
когда радетели иные
и так и сяк жалеют нас,
тогдашних жителей России.

То этот молодец, то тот,
то в реферате, то в застолье
слезу напрасную пролет
над нашей бедною юдолюю.

Мы грамотней успели стать,
терпимей стали и умнее,
но не позволим причитать
над гордой юностью своею.

Ее мы тратили не зря
на кирпичи и на лопаты,
и окупилась те затраты,
служебной прозой говоря.

В предгрозовую пору ту
и на Днестре, и на Урале
мы сами нашу доброту
от мира целого скрывали.

И, как в копилке серебро,
не без трагических усилий,
свое духовное добро
для вас до времени копили.

Быть может, юность дней моих,
стянув ремень рабочий ту же,
была не лучше всех других,
но уж конечно и не хуже.

День поэзии 1972

Поздняя благодарность

Ты, несказанная страна
дождей и зорь, теней и света,
не сохранила имена
своих дописьменных поэтов.

Поклон им низкий до земли
за то одно, что в оны годы
они поэзию ввели
в язык обычный обихода.

Тому пора воздать хвалу,
кто без креста и без купели
дал имя грозное орлу
и имя тайное свирели.

Я, запоздняясь, благодарю
того, кто был передо мною
и кто вечернюю зарю
назвал вечернею зарею.

Того, кто первый услышал
капель апреля, визг мороза
и это дерево назвал
так уповательно — березой.

Потом уже, уже потом
сюда пришел Сергей Есенин
отогреть разбитым ртом
ее озябшие колени.

День поэзии 1972

Лев СМЕРНОВ

* * *

Человек пришел в этот дольний мир
Не затем, чтоб выть на звезду в ночи,
А затем пришел, чтобы справить пир,
Золотой испечь каравай в печи.

От железа он соловья спасет
И не даст пропасть родникам живым.
От медвяных трав, от пчелиных сот
Отведет рукой ядовитый дым.

Журавлиху он не спугнет с гнезда
Колесом своим, шестерней своей,
И когда в руках заблестит звезда,
Не взомнит себя всех отцов мудрей.

Не по книге он свой построит дом,
Золотую дверь не запрет на ключ:
Будет тайна жить под стенным углом —
Еле слышный скрип укрошенных туч.

Не построит жизнь он себе во вред,
В красный угол он не посадит смерть.
Не распашет холм, не растратит свет,
Не развеет прах, не разымет твердь.

День поэзии 1979

Сергей СМЕРНОВ

Родине

Не стремлюсь красоваться ретиво
И во всем —

отвергаю отбой.

Я работник агитколлектива,
Учрежденного
лично тобой.

Персонально друзей выбираю
И не всех приглашаю к столу.
Обстановка
переднего края
Мне дороже позиций в тылу.

Поощряли меня
 и ругали, —
 Формируется твой рядовой.
 И тобою врученных регалий
 Мне,
 ей-богу,
 хватает с лихвой.

И покуда совсем не устану,
 Буду
 в деле
 видней и видней.
 Буду службу нести по уставу
 Добровольца сегодняшних дней.

Буду в космос готовиться даже,
 По-земному сердечен и строг, —
 Рядовой
 довоенного стажа,
 Командир наступательных строк.

День поэзии 1966

Насчет предупрежденья

*Когда спортсмен на ковре борется ниже
 своих возможностей, судья выносит ему
 предупреждение за пассивность.*

Такого не произносилось
 При мне,
 и вдруг услышал я:
 — Предупрежденье
 за пассивность! —
 Выносит
 мастеру
 судья.

Выносит приговор атлету
 За то, что борется не так, —
 Необходимой страсти нету,
 Нет —
 ни приемов, ни атак.

А раз такое положение —
 Забудь о первенстве в борьбе,
 Того гляди,
 что поражение
 Зачтут
 Пассивному
 Тебе...

Нет,
 опаси меня, всевышний,
 От этой участи борца.
 Хочу, без робости излишней,
 Во всем
 бороться до конца.

Еще душа не износилась.
 И, верный делу своему,
 Предупрежденья за пассивность
 Не принимал
 и не приму!

День поэзии 1973

Альенде и Неруда

Мне боль и скорбь
 Радируют оттуда,
 Что Чили
 Не растоптана врагом.
 И не ушли
 Альенде и Неруда,
 А держат строй
 И действуют кругом.
 Их ни террор, ни смерть
 не разлучили.
 Они в строю,
 Бесшумны и нужны.
 И с ними —
 вся непокоримость Чили,
 Как меч,
 до срока
 спрятанный в ножны!

День поэзии 1975

Юрий СМЕРНОВ

1933—1978

Монтажник

На снаряжении ажурном,
Под облаками,
Ты не в новехонькой тужурке,
Как на плакате.

Домой идешь ты в чем получше,
А тут заплаты.
Не против выпить ты с полочки —
Когда зарплата.

Но серебристая антенна
Буравит небо!
Ты над Землей, где у Антея
Шалили нервы.

На высоте у полубога
Тряслись колени,
А ты в безбрежье голубого —
В своей тарелке!

День поэзии 1962

Алексей СМОЛЬНИКОВ

12 апреля 1961 года

...И когда, метеору подобно,
Распорол он огнем полнебес,
Вдруг внизу проступили подробно
Желтостепье, озера и лес.
И поплыли, сдвигаясь и тая,
Латки пашен, степные колки,
Точно лента в траве голубая,
Заблестела излука реки.
«Волга? Только б не в воду...» —
мелькнуло.

Но уже набегала Земля,
Будто руки навстречу тянула,
Как ладони подставив поля.

Он не видел, как жухлой стернею —
Лица в небо — по полю бегут
На зависший уже над землею
Марсианский его парашют,

На пятнистый, в окалине рыжей
Внепланетный космический шар.

Он лишь помнил, спускаясь все ниже,
Про последний о землю удар...

Был, наверно, и вправду он странен
В одеянии цвета огня,
В том скафандре

инопланетянин,
Вдруг среди бела явившийся дня.
Он стоял близ упавшего шара,
Словно вышел птенец из яйца,
И лишь ветер дышал в него шало
За стеклом, не касаясь лица.
Где он?

Поле какое-то рядом.
Одаль женщина. Девочка с ней...
Как тревожно следят они взглядом.
Не спугнуть бы — сорвутся, ей-ей.
— Свой, товарищи, свой! — закричал он,
Торопливо сорвав гермошлем.

Но она на колени упала,
Та крестьянка, робея совсем.
Уж давно рокотал над планетой
Левитана ликующий бас,
Но она и не слышала это,
Выгнав в поле теленка как раз.

Лишь увидела шар этот странный
И диковинный этот полет.
— Свой я, свой! Как зовут-то вас?
— Анной... —

А сама и с колен не встает.
А сама все глядит: улынулся.
К ней подходит...

— Да кто ты такой?
— Я — Гагарин. На землю вернулся.
Я из космоса, Анна, я свой!..

Где-то в поле пылила трехтонка,
Где-то несся к нему вертолет.
А Гагарин смотрел на теленка
И смеялся: свершился полет!

— Ну, так где же я сел-то хоть, Анна?

— Да Смеловка вон там, у леска.
Закружил ты меня, окаянный!

Ну, пойдем уж, налью молочка...—
 Но Гагарин стоял среди степи.
 Пахло почками, влагой, стерней,
 И ручьишки весеннего лепет,
 Как бубенчик, звенел над землей.
 Он звенел в той лошине весенней,
 Не заботясь нимало в тот час,
 Что уже до окраин Вселенной
 Эта песня его понеслась.

День поэзии 1976

Ирина СНЕГОВА

1922—1975

* * *

За сосны солнце опускается,
 Чуть золотится сквозь кусты,
 Лучами тонких трав касается,
 Прощаясь издали, — как ты
 Оно идет, не остановится,
 Открыв ворота темноты.
 Минута — и оно становится
 Воспоминанием, — как ты.

День поэзии 1956

* * *

Разомкнулось удушьё асфальта,
 И дохнула в нас на верхогуре
 Мастерская художника Фалька
 В подчердачной прохладе и хмури,
 Где ребрятся, век полкам доверя,
 В хвост полотна. И лица и травы
 Как тома, или тени в Преддверье,
 Или очередь у переправы.
 Но когда обращают их к свету,
 К вам — смотрите — как с окон короста!
 Мастерская... А мастера нету.
 Мастерство да не знает сиротства.
 Сквозь коричневость с серым — оттенок
 Розов, желт. И серебрян, и скрытен.
 Не дает и не ищет оценок,
 Только просит: смотрите, смотрите!
 Гость отметил: «Да, пластика с темой
 Не в конфликте... Локальность

сюжета...»

Вы смотрите! — содвинула стены
 Многоугольная комната эта.
 Где нелепость — рассестся, судача,
 Перед тишью холстов этих тусклых,
 Где так славно жила неудача,
 Покровительница искусства...
 Над Москва-рекой, на голубятне,
 Где не знали морей по колено,
 Где, сочувствием кисти объята,
 Вздох и стебель уходят от тлена.
 Где сам Фальк,

как Ламанчский идальго,

На стене, близ Некрасовой Ксюши...
 В мастерской у художника Фалька
 Тишина. Я ее не нарушу.

День поэзии 1976

Другу

И белый свет — не свет,
И задыхаясь дышишь?
Э, друг, каких клевет
За жизнь не переслышишь!

Заряд в заряд, подряд...
Иди, не жди идиллий.
Каких поклепов, брат,
На нас не возводили!

Со скуки мрет дурак,
Пойми, певец, создатель, —
Ты должен слышать, как
В глушь постучался дятел,

Как шорхнул и отсох
Последний лист на вишне,
Ты должен слышать вздох,
Ничьим ушам не слышный,

И век, и белый свет,
Успей им власть напиток!
А клевета клевет —
Презри!.. Оставь — тупице.

День поэзии 1976

Марк СОБОЛЬ

Костя

На восток,
на дальние раскаты,
два солдата шли путем одним...
Шли из окруженья два солдата:
Костя впереди,
а я за ним.

Помню — речка.
В стынущую воду
сунулся, да плавать не могу.
Я сижу и жду на берегу
час, другой...
А Костя ищет брода.

Пуля повстречалась на пути.
Пошатнулся я.
А он с размаху
на груди своей рванул рубаху —
грудь мою бинтом перекрестил.

Реки, чащи, топи да озера...
Сил не стало.
Свет в глазах зачух.
Чуть живой
из плена и позора
вышел я — у Кости на плечах.

Я не друга вспоминаю — брата:
фронтной — побольше, чем родной.
Шли из окруженья два солдата:
я за Костей,
он передо мной.

Что же нынче сердце не на месте?
Может, слух — ошибкою, не в счет,
может, просто ложные известья,
будто Костя
стал совсем не тот,

Будто, переняв нехитрый опыт,
сильным лстя,
а слабого дробя,
надо — он товарища утопит,
утверждая одного себя.

И собратьям — память коротка! —
руку не пожмет,
не скажет «здрасьте»...
Если б мог —
самой советской власти
подал бы два пальца свысока.

Быть не может!
Верю — и не верю.
У меня, у каждого из нас
были в жизни горькие потери.
Т а к терять — труднее во сто раз!

До сих пор минувшее когда-то
снится мне...
И вот путем одним
вновь идет — воюют два солдата:

Костя впереди,
а я за ним.

Снова речка.
Никакого брода.
Плавать не умею.
И тогда
он меня рывком толкает в воду —
о, какая темная вода!

Или не вода, а просто ночь,
даль степей ракета осветила...
Ранен я —
и нету Константина,
я один —
и некому помочь.

От любви, от горечи, от злости
наяву мне трудно и во сне...
С кем идешь,
за что воюешь, Костя?
Я хочу, чтоб ты ответил мне.

День поэзии 1956

Владимир СОКОЛОВ

* * *

Когда смеются за спиной,
Мне кажется, что надо мной.

Когда дурное говорят
О ком-то ясного яснее,
Потупив угнетенно взгляд,
Я чувствую, что покраснею.

Да, да. Как будто что украв,
Как будто жду разоблаченья,
Как перекрасившийся граф,
Скрывающий происхождение.

А если тяжкий снег идет
И никому в метель не выйти,
Не прогуляться у ворот,
Мне хочется сказать: простите.

Но я хитрец. Я берегу
Сознание того, что рядом

На москворецком берегу
Есть дом ее с крутым фасадом.

Она, не потупляя взгляд,
Когда метель недвижно ляжет,
Придет ко мне и тихо скажет,
Что я ни в чем не виноват.

День поэзии 1965

* * *

Мчатся тучи...

«Натали,
Наталья,
Ната...»

Что такое, господа?
Это, милые, чревато
Волей божьего суда.

Для того ли русский гений
В поле голову сложил.
Чтобы сонм стихотворений
Той же
Надобе
служил?

Есть прямое указанье,
Чтоб ее нетленный свет
Защищал стихом и дланью
Божьей милостью поэт.

День поэзии 1966

Венок

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поет за него.

Как он ликует божественно
Там, где у розовых верб
Тень твоя, милая женщина,
Нежно идет на ушерб.

Истина ненаказуема.
Ты указала между.
Я ни о чем не скажу ему,
Я ни о чем не скажу.

Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.

День поэзии 1966

* * *

Ты говоришь, что все дела:
Тянуться вверх, идти на дно.
Но ты со мною не пила
Мое печальное вино.

Мне интересен человек,
Не понимающий стихов,
Не понимающий, что снег
Дороже замши и мехов.

И тем, что — жизнью обделен! —
Живет, лишь гривной дорожа,
Мне ближе и понятней он,
Чем ты, притвора и ханжа.

Да и пишу я, может быть,
Затем лишь — бог меня прости, —
Чтоб эту стенку прошибить,
Чтоб эту душу потрясти.

День поэзии 1977

Чуть-чуть есенинское

Синь да облако... Сияя,
Лес таит свои пути,
Это Русь моя родная,
Углич, Тверь, Москва, Путивль.

Лес, рябинами разгроздьясь,
Предлагает свой размах...

Я ведь знаю, отчего здесь
Ключья сена на ветвях,

Это узкие проселки,
Где проехали года.
Это ели, это елки,
Новогодние всегда.

Над рекой стоят чертоги,
В чистом инее мосты.
Я ведь здесь не по дороге,
Не до дня, не до черты.

Я ведь все-таки крестьянин,
Если глубже поглядеть...
Я большой любовью ранен —
Хлеб, земля, железо, медь.

Храмы, белые от стужи,
Розовые от зари,
Невысокие снаружи
И огромные внутри.

День поэзии 1978

Владимир СОЛОУХИН

Волки

Мы — волки.
И нас,
По сравненью с собаками, мало.
Под грохот двустволки
Год от году нас убывало.

Мы, как на расстреле,
На землю ложились без стона.
Но мы уцелели,
Хотя и стоим вне закона.

Мы волки,
Нас мало,
Нас, можно сказать, единицы.
Мы те же собаки,
Но мы не хотели смириться.

Вам блюдо похлебки,
Нам проголодь в поле морозном,

Зверинные тропки,
Сугробы в молчании звездном.

Вас в избы впускают
В январские лютые стужи.
А нас окружают
Флажки роковые все туже.

Вы смотрите в щелки,
Мы рыщем в лесу на свободе.
Вы в сущности — волки,
Но вы изменили породе.

Вы серыми были,
Вы смелыми были вначале,
Но вас прикормили,
И вы в сторожей измельчали.

И лстить, и служить
Вы за хлебную корочку рады.
Но цепь и ошейник —
Достойная ваша награда!

Дрожите в подклети,
Когда на охоту мы выйдем!

Всех больше на свете
Мы, волки,
Собак ненавидим.

День поэзии 1966

Лозунги Жанны д'Арк

Звучал с непонятной силой
Лозунг ее простой:
За свободу Франции милой,
Кто любит меня — за мной!

Драпают пешие воины,
Смешался конников строй,
А она говорит спокойно:
Кто любит меня — за мной!

Знамя подьмет белое,
Его над собой неся,
Как будто идет за девою
Сзади Франция вся.

Истерзана милая Франция,
Проигран за боем бой.
Уже бесполезно драться...
Кто любит меня — за мной!

Шестнадцати лет девчонка,
Носительница огня,
Сменила свою юбочку
На латы, меч и коня.

Свершая святое дело,
За ударом неся удар,
Едет нежная дева,
Железная Жанна д'Арк.

В стане британцев паника,
В стане британцев вой,
А она поднимается, ранена, —
Кто любит меня — за мной!

Конечно, мне лучше было бы
Цветы собирать в лесу,
Но гибнет Франция милая,
И Францию я спасу.

Девчонка я, мне бы все же —
Жених, ребятишки, дом.
Но если не я, то кто же?
Если не я — никто.

Будут изгнаны бритты,
Все как один уйдут.
Только те, что убиты,
Смогут остаться тут.

Хрупка я, но бог поможет,
Дух укрепляя мой.
Если не я, то кто же?
Кто любит меня — за мной!

В чем силы ее источник,
Загадка не решена.
Но все исполнилось в точности,
Как сказала она.

Победа — ее награда.
Как молния, меч сверкал.
С Орлеана снята осада,
Коронован в соборе Карл.

А дальше? Позор мужчинам.
 Людям стыд и позор.
 Суд заседает чинно,
 В Руане горит костер.

Британцы или бургундцы,
 Епископы или князья,
 Девчонку мучить? Безумцы!
 Отвагу судить? Нельзя!

А что же Франция милая?
 Где же она была?
 С легкостью изменила,
 Походя предала.

И Карл, коронованный Жанной,
 Где же тогда он был?
 Король, как это ни странно,
 Первым руки умыл.

А эти зеваки, толпы
 Вокруг костра на ветру,
 Почему не бросились, чтобы
 Спасти из огня сестру?

Конечно, каре, охрана,
 Войско во всей красе.
 Но если бы ради Жанны
 Бросились сразу все?

В больших городах и малых,
 В селах и деревнях,
 В харчевнях и пышных залах,
 Пешими, на конях?

Трусусь? Рабы обмана?
 Горем сердца полны?
 Не вас ли спасала Жанна,
 Бросаясь в костер войны?

Люди, сделайте милость,
 Пока не померк еще взор.
 Одна за всех — получилось.
 Все за одну... Позор!

Вечером под золою
 Нашли в углях палачи
 Сердце ее, как живое,
 Только что не стучит.

Сердце бросили в Сену,
 Чтобы стереть и след.
 С тех пор прошло постепенно
 Полтысячи с лишним лет.

Слава ее окрепла.
 И там, где в беде народ,
 Дева встает из пепла,
 На помощь она идет!

Тогда всех других дороже
 Лозунг, зовущий в бой:
 Если не я, то кто же?
 Кто любит меня — за мной!

День поэзии 1976

Валентин СОРОКИН

Забывтый страх

Она стоит, из камня и гранита,
 Как будто поднимаясь на носках,
 Гробница,
 бренной славою повита,
 Затеряна в барханистых песках.

А было время: прямо у порога
 Из-под верблюжьих вздыбленных горбов
 Расшвыривала бурная дорога
 От жажды обезумевших рабов.

Ощеренно подавленные лица,
 Плескающие гневаами глаза.
 Что их вело,
 желанье поклониться
 Тому, кто мир таранил, как гроза?

Кто в черный час,
 зверином сдвинув брови,
 Во имя власти, похоти и грез
 Страну отцов убил и обескровил
 И в честь свою он статуи вознес.

Что их вело, кликушный голос горя,
 Огонь страданий и тоска ночей,

Народных слез кочующее море,
Упавший стон за спины палачей?

Что их вело, страшашая известность,
Проклятье, жуть иль поколений зло?
...Желтеют дюны, и мертвеет местность,
И ни куста, ни птицы!

Что вело?

Ужели престолюдин-забияка
Конфузливо осмыслил наконец,
Как поусох до мумии вояка,
Его судьбы слепой головорез?

Да, человек природою обучен
Презреть того,

чьа нечиста рука,
И отомстить забвеньем неминучим
Хотя бы даже и через века.

День поэзии 1973

Семен СОРИН

Эсминец

Не в запас — на переплавку списанный,
Ожидал у пирса свой черед.
Но сказал сквозь зубы штатский
с лысиной:
— Старая калоша, но сойдет...

И на борт пошла, полезла с хохотом
С киноаппаратами орда.
Всяко было — сносно или плохо там,
Так — травы до смерти! — никогда.

Пусть одежду скинули стилижную,
Всунуться во флотскую спеша, —
Под тельняшкой хлопчатобумажною
Стыла сухопутная душа.

А какой красавчик смотрит с мостика —
Близко бы таких не подпускать!
Ручку телеграфа дергать бросьте-ка,
Это же не воду вам спускать!

Эх, куда бы лучше не с красивыми —
С прежними, с кем плавал — будь здоров!
Оробел под кинообъективами
Истребитель вражьих крейсеров.

Да еще актриса в куртке кожаной —
Тут помянешь в гневe всех родных.
Жаль, без женщин фильмы не положены,
Сборы, говорят, малы без них.

Мчался на попавших в поле зрения,
А теперь раз пятьдесят на дню
Дуги интенсивного горения
Заставляют вздрагивать броню.

Худо, брат, но требуют — лавируешь,
Даже подставляешь бок волне.
Но зачем ты, лысый черт, нервируешь —
Кажешь четверть правды о войне?

Наплевать, товарищи хорошие,
Как и что подумает слюнтяй.
Называй хоть старую калошею,
Только правду крупным планом дай!

Тяжко привыкать к киношным фокусам,
Коль на штучки-дрючки не мастак.
И вздыхал, и вздрагивал всем корпусом,
Если что с машиною не так.

До чего ж дотошные киношники:
То посемафорь, то погуди.
Ладно, нажимайте, полуночники,
Цель его святая — впереди.

Помнит он «Ташкент» — эсминец
тониущий,
Помнит нефть, горевшую вокруг,
Помнит не дождавшиеся помощи
Факелы взметнувшиеся рук.

Пусть не совладать с судьбою старящей,
Он, с грядущим на одной волне,
Погибая, воскрешал товарищей,
Что лежат на черноморском дне.

День поэзии 1973

Анатолий СОФРОНОВ

* * *

Есть беспокойство осенью в природе, —
Ветра гудят, и листья прочь летят,
И в горной затаившейся породе
Закованные духи говорят.

Они молчали целый год, вбирая
Мороз и холод, зной и теплоту, —
Теперь, в горах, под тучами, играя,
Хотят набрать былую высоту.

Но дождь их бьет и не пускают корни,
К земле их давит темный небосвод.
И встречный ветер на тропинках горных
Им к перевалам выйти не дает.

Но, все преграды отражая грудью,
К вершинам вырываются они, —
И первый звук их всю окрестность будит
И зажигает в маяках огни.

1956

День поэзии 1971

* * *

Да, не просто сходятся мужчины,
Зрелые, со шрамами, в летах.
Здесь нужны особые причины
И особый привкус на губах.

Видеть мир, цветы его и травы
Без каких бы ни было прикрас;
Каждый раз, не мудрствуя лукаво,
Дружбу сохранять не напоказ.

Где же эти светлые глубины?
Бьют откуда эти родники?
Да, не просто сходятся мужчины,
С беззащитным сердцем мужики.

Жесткие порою, не узнаешь,
Не прочтешь, что думают они;
От молчанья больше понимаешь,
Слов не выжмешь, как ты ни тяни!

Да, не просто сходятся мужчины,
Зрелые, со шрамами, в летах!
Здесь нужны особые причины
И особый привкус на губах!

1959

День поэзии 1971

Легенда о русском дубе

Стоит дубок... Ему сто лет,
Но он к земле еще не гнется;
Ему еще износа нет,
Бессмертным в людях он зовется.

Чтоб были все довольны им,
Сказать нельзя, меж нами;
На зависть он растет другим,
Уходит вглубь корнями.

Казалось бы, смотри на дуб,
Любуясь русской статью!..
Да нет же! Кто-то точит зуб
И шлет ему проклятья.

За что про что? За красоту?
За мужество? За силу?
За то, что он вбирает ту,
Что мы зовём Россией.

И ходят, ходят мудрецы
И про себя толкуют:
Чтоб русский дуб отдал концы —
Всадить бы дрянь какую.

Нашли гнильцо, червей нашли,
Не земляных, а с ядом;
Сверлили долго глубь земли,
С корнями вышли рядом.

И в самый корень червяков
Без счету засадили,
И вновь землей среди бугров
У дуба корни скрыли.

Давайте, черви, корни все
Травите и грызите,
Чтобы в предельной полосе
Погибло все в транзите.

Чтоб ветви все и всю кору
И дуба ствол могучий
В одну бездонную дыру
Вогнал бы этот случай.

Такие эти мудрецы,
Как куры с петухами...
Да только не сошлись концы
У мудрецов с червями.

Сражались корни под землей
Все больше, все упорней;
Земли родной за слоем слой —
И сохранились корни...

Но бой не кончен. Мудрецам
Дуб этот снится:
Чтоб он погиб, чтоб рухнул сам,
Как бы в полете птица.

Они найдут других червей
И выведут гибриды,
Такие, что иных милей
Казаться будут с виду.

Но чем теснее корни те,
Чем плодотворней соки, —
Тем крепче дуб на высоте,
Могучий дуб. высокий.

Пусть не надеются они,
Что победить сумеют, —
Сожгут их страшные огни
И ветры их развеют.

День поэзии 1979

Николай СТАРШИНОВ

* * *

Зловещим заревом объятый,
грохочет дымный небосвод.
Мои товарищи-солдаты
идут вперед
за взводом взвод.

Идут, подтянуты и строги,
идут, скупые на слова.

А по обочинам дороги
звонит трава,
шумит листва.

И от ромашек-тонконожек
мы оторвать не в силах глаз.
Для нас,
для нас они, быть может,
цветут сейчас
в последний раз.

И вдруг, неведомо откуда
попав сюда, зачем и как,
в грязи дорожной — просто
чудо! —
пятак.

Из желтоватого металла,
он, как сазанья чешуя,
горит,
и только обметало
зеленой окисью края.

А вот — рубли в траве примятой,
но здесь никто их не берет...
Мои товарищи-солдаты
за взводом взвод
идут вперед.

Все жарче вспышки полыхают.
Все тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают
и ничего не продают.

День поэзии 1957

* * *

Памяти Алексея Фатьянова

Пусть былое ворвется в беседы...
Хоть оно порастет быльем,
Каждый год накануне Победы
Мы солдатские песни поем...

Не случайно совсем, не впервые,
До поры отложивши дела,
Соберутся твои рядовые
У накрытого другом стола.

Снова, песню военную грянув,
Словно новый возьмут перевал.
Тут и выйдет Алеша Фатьянов,
Запевала из всех запевал.

Не его ли в глухом чернолесье
Надрывались всю ночь соловьи?
Не его ли широкие песни
Были самые наши,
Свои?

Меж солдат уживались бывалых,
Пробирались по топям болот,
Согревали на кратких привалах,
Шли в рядах марширующих рот...

Ничего, что сегодня мы седы,
Мы упрямо стоим на своем:
Каждый год
Накануне Победы
Те прекрасные песни
Поем...

День поэзии 1976

Природе

Видно, чего-то мы перемудрили,
Стали чего-то не понимать:
Все покоряли тебя — не покорили,
Как же такое — родную мать?!

И не за эти ли притязанья,
И не за этот ли вздорный нрав
Нам посылаешь ты в наказанье,
Деток зарвавшихся покарав,

То разрушительнейшие сели,
То суховей — острей, чем нож,
То небывалым еще доселе
Землетрясением как тряхнешь!..

Разве забыли мы, что мы были,
Были и есть у тебя в долгу?..
Я вот от грохота и от пыли
Каждой весной в леса бегу.

И от мышинной возни позорной,
От обстановки сверхделовой...
Я умываюсь водой озерной
И упиваюсь водой ключевой.

Все, что завистливо и спесиво,
Ты меня учишь — не принимать...
Вот и поклон тебе, и спасибо,
Слышишь, спасибо, природа-мать!..

День поэзии 1978

Дмитрий СУХАРЕВ

* * *

Давайте умирать по одному —
От хворостей своих, от червоточин,
От храбрости — не знаю уж там точно,
Какая смерть положена кому.

Так деды уходили в мир иной,
Окружены роднею и почетом.
Давайте, люди, уходить не чохом.
Я не хочу, чтоб сын ушел со мной.

А злобных и безумных — их в тюрьму,
Замки потяжелей, построже стражу!
К чему нам, люди, умирать всем сразу?
Давайте умирать по одному.

Да не свершится торжество огня.
Мы смертны, люди, — но неистребимы!
Пускай траву переживут рябины.
Пускай мой сын переживет меня.

День поэзии 1962

* * *

Вспомните, ребята, поколение людей
В кепках довоенного покроя.
Нас они любили,
За руку водили,
С ними мы скандалили порою.

И когда над ними грянул смертный гром,
Нам судьба иное начертала —
Нам, непризывному,

Сестра

* * *

Посреди самой войны-разрухи —
 Будто лучик на землю проник.
 Маленькие зябнущие руки,
 Полушубка белый воротник.

День поэзии 1978

30 апреля 1945 года

Провал окна. Сползла на мостовую
 Тень, что копилась долго на дворе.
 Поставлены орудья на прямую,
 И вздрагивает дом на пустыре...

Завален плац обломками и шлаком,
 Повисли рваных проводов концы.
 На этот раз в последнюю атаку
 Из темных окон прыгают бойцы.

День поэзии 1978

Какие быть там могут разговоры,
 Что все страдали, воевали — все...
 Он мерз в окопах, он влезал на горы,
 Он ртом сожженным припадал к росе.

Недоедая и в снегу по пояс,
 Недосыпая и по грудь в воде,
 Минуты за себя не беспокоясь,
 Высокой он доверился звезде.

И вышел с боем не к одной границе,
 Густую на земле развеял тьму.
 Что может с правдой эту сравниться!
 Он спас тебя... Так поклонись ему.

День поэзии 1978

Алексей СУРКОВ

* * *

И кажется мне иногда,
 Что живу я на свете четыреста лет,
 Что четыреста раз в ноябре замерзает вода,
 Что четыреста раз опадал с наших вишен цвет.

И вспомнится мне иногда,
 Что промчалась вся жизнь от войны к войне,
 Что с детства, как тень, по пятам ходила Беда
 И Надежда светила в потемках безвременья мне.

И кажется мне иногда,
 Что четыреста бездн пустотой обрывались у ног
 И сквозь заросли лет не прорвался бы я никогда,
 Если б жизни не верил и был на земле одинок.

Снова снег белым пухом засыпал сухую траву.
 Снова воду покрыла стеклянная корочка льда.
 Что бы там ни случилось, до главного дня

доживу —

Вот что кажется мне иногда.

День поэзии 1957

* * *

Я дверь распахну, пойду на крыльцо,
И молодость ветром овеет лицо.

Я вижу ее среди беспорядка
Идущих не в ногу маршевых рот.
Упрямо бьет по бедру лопатка,
До крови шею натерла скатка,
Плечо натрудил ручной пулемет.

Я помню, как спуск нажимал впервые,
Как черная кровь обожгла висок,
Как вили пыль кнуты огневые,
Как люди, теплые и живые,
Валились трупами на песок.

Я помню, как писарь наш осторожно
Считал потери, число к числу,
Как ливнем стали хлестали ножны,
Как было нашим сердцам невозможно
Привыкнуть к этому ремеслу.

И как мы все-таки привыкали
Стрелять, рубить и носить рубцы.
И радость больше была едва ли,
Когда нас впервые в разведку звали
Всей ротой признанные храбрцы.

Дыханье юности нашей знойно.
Ей Ленин подал команду: «В ружье!»
Вернись она вновь, позови беспокойно,
Я тысячу раз повторю ее.

День поэзии 1957

Бессонница

1

Как с возрастом свыкаться не легко —
Ступени лестниц не считать вприпрыжку,
Пить вместо цинандалы молоко,
Таить в груди проклятую одышку.

Носить маститости постылый чин,
Сомнительное седины величье

И за китайской грамотой морщин
Былое не угадывать обличье.

Друзей старинных узнавать едва,
Не ввязываться в споры, как обычно.
И каждый день выслушивать слова,
Что ты, конечно, выглядишь отлично.

2

Все кажется, что мускулы крепки,
Что сердце гонит кровь по-молодому,
Но возраст инеем покрыл виски,
И, как ни тщишь, не будет по-иному.

И все не переделаешь дела,
И сном, как прежде, не сотрешь
усталость.
Порадуйся, что прежнего тепла
Хоть капелька еще в душе осталась.

За осенью всегда идет зима.
Таков закон. Оспаривать не будем.
Лишь только бы не выжить из ума,
Не стать в конце дороги в тягость людям.

3

Вот август подоспел вослед июлю.
Пошли дожди. Отхлынула жара.
Что ж, старина, позолотить пилюлю
Приспела долгожданная пора.

Не радость старость. Это, в общем, верно.
И будто в воздухе не тот озон.
Но разве все вокруг темно и скверно?
И вешать нос на квинту есть резон?

Да, молодость крылата и задорна.
Да, зрелости под силу все дела,
Но мудрых мыслей золотые зерна
Судьба в награду старости дала.

День поэзии 1979

Арсений ТАРКОВСКИЙ

* * *

Чем больше лет ложится мне на плечи,
Тем очевидней смертный мой удел:
Я гражданин державы русской речи,
И русской музе я в глаза глядел.

Такая сила есть в моем народе,
Что лег я нищим и поэтом встал.
И счастлив тем, что я не в переводе,
А в подлиннике Ленина читал.

День поэзии 1957

* * *

Тот жил и умер, та жила
И умерла, и эти жили
И умерли; к одной могиле
Другая плотно прилегла.

Земля прозрачнее стекла,
И видно в ней, кого убили
И кто убил: на мертвой пыли
Горит печать добра и зла.

Поверх земли мнутся тени
Сошедших в землю поколений;
Им не уйти бы никуда
Из наших рук от самосуда,
Когда б такого же суда
Не ждали мы невесть откуда.

День поэзии 1976

* * *

Почему, скажи, сестрица,
Не из райского ковша,
А из нашего напиток
Захотела ты, душа?

Человеческое тело
Ненадежное жилье,
Ты влетела слишком смело
В сердце тесное мое.

Тело может истомиться,
Яду невзначай глотнуть,
И потянешься, как птица,
От меня в обратный путь.

Но когда ты отзывалась
На призывы бытия,
Непосильной мне казалась
Ноша бедная моя.

Может быть, и так случится,
Что, закончив перелет,
Будешь биться, биться, биться —
И не отомкнут ворот.

Пой о том, как ты земную
Боль, и соль, и желчь пила,
Как входила в плоть живую
Смертоносная игла,

Пой, бродяжка, пой, синица,
Для которой корма нет,
Пой, как саваном ложится
Снег на яблоневый цвет,

Как возвысилась пшеница,
Да побил пшеницу град...
Пой, хоть время прекратится,
Пой, на то ты и певица,
Пой, душа, тебя простят.

День поэзии 1976

* * *

Меркнет зрение — сила моя,
Два незримых алмазных копыя.
Глохнет слух, полный давнего грома
И дыхания отчего дома.
Жестких мышц ослабели узлы,
Как на пашне седые волны,
И не светятся больше ночами
Два крыла у меня за плечами.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,

Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть.
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.

День поэзии 1978

* * *

Просыпается тело,
Напрягается слух:
Ночь дошла до предела,
Крикнул третий петух.

Сел старик на кровати,
Заскрипела кровать.
Было то при Пилате,
Что теперь вспоминать.

И какая досада
Сердце точит с утра?
И на что это надо —
Горевать за Петра?

Кто всего мне дороже,
Всех желаннее мне?
В эту ночь от кого же
Я отрекся во сне?

Крик идет петушинный
В первой утренней мгле
Через горы-долины
По широкой земле.

День поэзии 1978

Николай ТАРАСОВ

1918—1976

Из цикла стихов «Стадион»

1. Воспоминанье о футболе

Небо снизу
и небо сверху.
Перевернутый небосклон.
Из потоков
дождя и света
вырывается стадион.

Как на глянцевом мокром фото,
довоенный идет футбол.
И совсем молодой
Федотов
забывает свой первый гол.

Я смотрю на него
как на бога.
Мяч позвякивает и трава.
И оранжевая футболка
с солнцем, спрятанным в рукава.

Все исканья
оставив втуне,
стадион замыкает круг.
На Восточной его трибуне
я болею
за «Металлург».

Довоенные стынут дали.
Довоенный оркестр гремит.
Довоенный футбол в ударе.
Штанга крестится и гудит.

У истории на довольствии
от далеких ворот ключи.
И качаются, как в авоське,
все федотовские мячи.

2. Братья Знаменские

Между таймами
тайной бора
просквозив стадион до дна,
за высокой волной футбола
шла их яростная волна.

И когда они —
брат на брата —
налегке огибали век,
выраженьем
годов тридцатых
был их нервный
и длинный бег.

Помню ветер
и помню флаги
в самом дыме сороковых.

И, как в бронзе,
 в летящем шаге —
 два их имени роковых.

Был в их беге железный стимул,
 горький привкус
 и славы дым.
 В «Красном спорте» —
 их вечный снимок.
 И текстовка моя под ним.

День поэзии 1975

Враги

Их укрывали
 Злоба и мгла.
 Они убивали
 Из-за угла.
 Огнем и железом
 Мучили нас.
 Из черных обреза
 Целили в глаз.
 Бандитская шашка
 Свистела, как бич.
 Раненный тяжко,
 Упал Ильич.

Людмила ТАТЬЯ НИЧЕВА

1915—1980

Самолет, похожий на Икара

Маленький,
 Отважный —
 В небе хмуром
 Он над Красной площадью
 Летел.
 На него с улыбочивым прищуром
 Ленин
 Завороженно глядел.
 Как ваятель
 В камне неприметном
 Открывает чудо красоты,
 Ленин видел
 В самолете этом
 Реактивных лайнеров черты.
 Тех, что в клубах
 Пламени и пара
 Мчатся вдаль,
 Не ведая преград...
 Самолет,
 Похожий на Икара,
 Завершал торжественно
 Парад.

День поэзии 1969

Дуло нагана,
 Выстрел в упор...
 Во мне эта рана
 Болит до сих пор.
 Годы минули,
 Но боль велика.
 Вошла эта пуля
 В нас
 На века.
 Хватило нам сил
 Отчизну сберечь.
 Врагов не щадил
 Карающий меч.
 Мы не забыли
 Шакальи шаги...
 Враги у нас были.
 Были враги!

День поэзии 1969

* * *

Как стремительно мчатся года! —
 Будто с гор вихревые потоки.
 На припае чистейшего льда
 Обозначились строгие сроки.
 Я в презимье своем вихревом
 Не ищу улетевшие стаи.
 И дела оставлять на потом
 Хоть с трудом,
 Но уже отвыкаю.
 И отнюдь не от скупости чувств
 Дорожу я любимым из мгновений.
 А грядущее видеть учусь
 Свежим взглядом
 Других поколений.
 В этом мне и пример,
 И указ
 Прозорливость Октябрьского
 Гимна...
 Что свершится при нас
 И без нас —
 Все едино
 И все неотрывно!

День поэзии 1977

Александр ТВАРДОВСКИЙ

1910—1971

Памяти Гагарина

Ах, этот день двенадцатого апреля,
 Как он пронесся по людским сердцам.
 Казалось, мир невольно стал добрее,
 Своей победой потрясенный сам.

Какой гремел он музыкой вселенской,
 Тот праздник, в пестром пламени знамен,
 Когда безвестный сын земли смоленской
 Землей-планетой был усыновлен.

Жилец Земли, геройский этот малый
 В космической посудине своей
 По круговой, вовеки небывалой,
 В пучинах неба вымахнул над ней...

В тот день она как будто меньше стала,
 Но стала людям, может быть, родней.

Ах, этот день, невольно или вольно
 Рождавший мысль, что за чертой такой—
 На маленькой Земле — зачем же войны,
 Зачем же все, что терпит род людской?

Ты знал ли сам, из той глухой Вселенной
 Земных своих достигнув берегов,
 Какую весть, какой залог бесценный
 Доставил нам из будущих веков?

Почуял ли в том праздничном угаре,
 Что, сын Земли, ты у нее в гостях,
 Что ты тот самый, но другой Гагарин,
 Чье имя у потомков на устах?

Нет, не родня российской громкой знати,
 При княжеской фамилии своей,
 Родился он в простой крестьянской хате
 И, может, не слышал про тех князей.

Фамилия — ни в честь она, ни в почесть,
 И при любом — обычная судьба:

Подрос в семье, отбегал хлебопечец,
А там и время на свои хлеба.

А там и самому ходить в кормильцах,
И не гадали ни отец, ни мать,
Что те князья у них в однофамильцах
За честь почтут хотя бы состоять.

Что сын родной, безгласных зон
разведчик,
Там, на переднем космоса краю,
Всемирной славой, первенством
навечным
Сам озаглавит молодость свою.

И неизменен жребий величавый,
На нем горит печать грядущих дней.
Что может смерть с такой поделать
славой?
Такая даже неподсудна ей.

Она не блекнет за последней гранью,
Та слава, что на жизненном пути

Не меньшее, чем подвиг, испытанье, —
Дай бог еще его перенести.

Все так, все так. Но где во мгле забвенной
Вдруг канул ты, нам не подав вестей,
Не тот венчанный славою нетленной,
А просто человек среди людей;

Тот свойский парень, озорной и милый,
Лихой и дельный, с сердцем не скупым,
Кого еще до всякой славы было
За что любить, — недаром был любим.

Ни полуслова, ни рукопожатья,
Ни глаз его с бедовым огоньком
Под сдвинутым чуть набок козырьком...

Ах, этот день с апрельской благодатью.
Цветет ветла в кустах над речкой
Гжатью,
Где он мальчонком лазил босиком...

День поэзии 1968

А. А. Сурков, Ю. А. Гагарин и А. Т. Твардовский.

Из лирики разных лет

Эти стихотворения вошли в первую большую посмертную публикацию произведений
Александра Твардовского («День поэзии 1972»).

К портрету Пушкина

Земля, рождавшая когда-то
Богатырей в глухом селе.
Земля, которая богата
Всем, что бывает на земле;

Земля, хранившая веками
Заветы вольности лихой,
Земля, что столькими сынами
Горда передо всей землей;

Земля, где дружба всех наречий
Так нерушима и тепла,
Где правда жизни человечьей
Впервые на землю пришла;

Земля, где песни так живучи,
Где их слагает и поет
Сам неподкупный, сам могучий,
Сам первый песенник — народ, —

Земля такая не могла ведь,
Восстав из долгой тьмы времен,
Родить и нынче гордо славить
Поэта меньшего, чем он...

1937

* * *

Велика страна родная,
Так раскинулась она,
Что и впрямь — война иная
Для нее как не война.

Но в любой глухой краине,
Но в любой душе родной
Столько связано отныне
С этой, может, не войной.

Пусть прибитый той зимою
След ее травой порос
И прибой залива моет
Корни сосен и берез,

Пусть в тот край вернулись птицы,
И пришло зверье в леса,
И за старую границей
День обычный начался, —
Там...

Там, в боях полубезвестных,
В сосняке болот глухих,
Смертью храбрых, смертью честных
Пали многие из них...

1940

* * *

Война, война. Любой из нас,
Еще живых людей,
Покуда жив, запомнил час,
Когда узнал о ней.

И как бы ни была она
В тот первый час мала,
Пускай не ты — твоя жена
Все сразу поняла.

Ей по наследству мать ее
Успела передать
Войны великое чутье,
А той — другая мать...

1942

* * *

Под вражьем тяжким сапогом
Стонала мать-земля.
И бомбы, вспучив чернозем,
Дырявили поля...

И были той земли сырой
Края обожжены.
И кто-то первый был герой
И мученик войны.

В крови, в пыли шептал без сил,
Уже шептать не мог.

Фотография 1940 года.

Уже не жить — попить просил,
Воды один глоток.

А где вода? И так умрет.
К тому и привыкать...
И это знала наперед
Его старуха мать.

1942

* * *

В жизни война дорожной
По случайности возможной
Завернуть в родимый край —
Не желай.

Не желай. С тебя довольно.
Сыт, солдат. Душа полна.
Лучше тещи хлебосольной
Всюду потчует война.

Дым, щебенка, головешки,
Рваной жести скорбный стон,
Бедных беженцев тележки
Всюду есть — из горла вон.

Или ты в краю родимом
Надышаться этим дымом
Захотел? Зачем, земляк?
Злей не будешь — зол и так.
1944

* * *

Беда откроется не вдруг,
Она сперва роднится с вами,
Как неизбежный недосуг
За неотложными делами.

Дела, дела, дела, дела —
Одно, другое руки вяжет.
Их слава жизни придала —
А славу надобно уважить.

Дела зовут туда, сюда,
И невдомек еще поэту,
Что это исподволь беда
Пришла сживать его со свету.
1947

* * *

В сторожке на даче
Живу я, хозяин,
С Ефимовной-бабкой
И верным Мазаем.

Читаю унылые
Толстые книжки.
По пояс в снегу
Собираю дровишки.

Все стежки пургой
Замело у сторожки.
Друзья ни ногой,
И водки — ни крошки.

Старуха на кухне
Бормочет печально —
Не мил ее сердцу
Очаг натуральный.

Осиновый хворост
Пускает слезу,
А бабка привыкла:
— Весь век на газу.

Мазаю завывает
Весь день из-под клетки,
А нужды справляет
В моем «кабинете».

Он службу свою
Выполняет с тоской —
Балованный, порченный
Пес городской.
1947

* * *

За озером — будто страна
Другая была — отдаленная,
Где жители — юность одна,
Ничем и никем не стесненная.

Где юности полный простор,
Не ждут тебя к ужину завидно.

Ни старших, ни вдовых сестер,
Кому это было бы завидно.

А если все это и есть,
Тем слаще гуляется до ночи...

1951

* * *

У новоселов в Казахстане
Среди степного ковыля
Лежит в раскрытом чемодане
Наследник, соской шевеля.

К стене привязанная крышка,
Никелированный замок.
Лежит, сопит себе парнишка,
Катая глазки в потолок.

Честь честью все — опрятно, строго —
Постель, простынка на груди.
Что ж, чемодан! — мальцу дорога
Еще какая впереди!

1955

День поэзии 1972

Из «муравской тетради»

В архиве А. Твардовского сохранилась рабочая тетрадь 1934—1935 годов, периода создания поэмы «Страна Муравия». В сборнике «День поэзии 1977» были впервые опубликованы наброски из этой тетради. Здесь воспроизводятся некоторые страницы этой публикации

Выезд¹

Как говорится, не с добра
На неизвестный срок
Молчком уехал со двора
Никита Моргунок.

Когда бы ехал на базар —
Повел бы разговор.
Когда бы в гости — бабу взял,
Когда бы в лес — топор.

Собрал кошелку да армяк,
Детярку подвязал.
Гадай как хочешь, так ли, сяк, —
Хозяин не сказал.

Занес вожжу, бочком присел
И тронул Моргунок.
И след зеленый по росе
До поворота лег.

Пошли привычные места
На много верст кругом.
Кусты, поля. И стук моста,
Как скрип дверей, знаком.

Глазам тепло, теснит в груди —
Себя не перемог.
А на дороге впереди
Сидит и ждет Волчок.

— Домой, — кнутом ему грозят,
Кричат — и нипочем.
Вернется будто бы назад —
И снова за конем.

Тогда Никита поманил:
— Волчок, Волчок, Волчок! —
И, не слезая, что есть сил
Кнутом его ожег.

Волчок залился у колес
И брюхо поволол.
И подогнал, дуги от слез
Не видя, Моргунок.

¹ В тетради пометка автора: «Проба начала».

Когда в безвестности до сучка
Ник в забвении тн, и тоб,
Творимъ свой землесъ вьскн,
Завесной свой хранишь слезы;
Товаришь подлн свой надежн,
В тани заметаютъ давно,-
Тн можешь быть болячки и средн,
Усталости, - счастья все равно

И кушетъ кудой неждетъ пороже -
Клеветы фок, обидитъ езд,
И кушетъ гранитъ ребу тлэжн,
Награено, можешь быть, колнуд. -

Тн слышимъ эго и кл слышимъ
В забвенияхъ миломъ дурд:
Тн часомъ тн сидишь и ишишь,
Тн занималшь парад.

И все е равно в зломъ часе -
Твод Каршава, свой Берлин,
И слава, что еще е занесо,
И тн на свете не один...

... беда придетъ вилку пошу... (а б.)

12.11.50

А. А. Вяздовскн

* * *

Собачий лай стоял окрест,
Крик, гомон в поздний час.
Не едут воры ночью в лес —
Не нужен стал запас.

Про все дела, про двор, про скот
Хозяин позабыл.
То на ночь уходил на сход,
То смертным поем пил.

И места не было в дому:
Досталось одному
За прадедов и правнуков
Решать вопрос ему.

* * *

...Отец большой лошажник был,
Сбивался на коня.
Лет пять копил,
Коня купил...
Век не забуду дня.

Сидим вот так, глядим — ведет,
В чем дело — не поймем.
А конь то задом упадет,
То рухнет передком.

Отец нагнется, обоймет,
Поставит передок.
А конь тогда, наоборот,
Сидит без задних ног.

Выходит, помню, дед во двор,
На лошадь ту глядит в упор.
Взглянул, вздохнул: едрит-кудрит...
— Ты дай ей в морду! — говорит.

А конь стоит, не ест, не пьет,
Подует ветер — упадет.

Отец на чурке у крыльца
Присел. Кругом народ.
Трясутся плечи у отца,
Как маленький ревет...

* * *

Посыпанные иголочками,
На холмике у реки
Под елочками-сосеночками
Песчаные бугорки.

Лежат там старые жители,
Махнув на весь свет рукой.
Жизни они не видели
И знать не знают другой.

День поэзии 1977

Николай ТИХОНОВ

1896—1979

Говорят ленинградцы

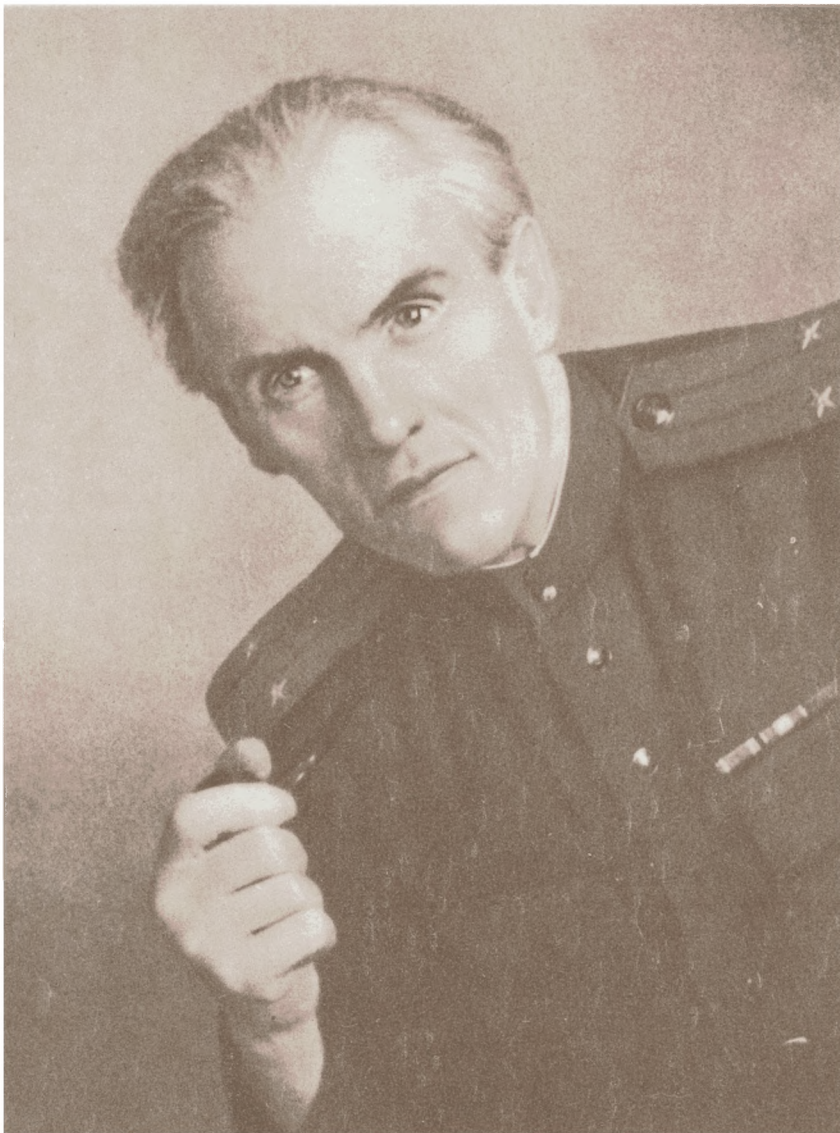
Чего бы нам пророки ни вещали,
Но перед кем мы ни были в долгу,
Исполнили, как деды завещали, —
Мы Ленинград не отдали врагу!

Легенды снова сделали мы былью,
А враг наш был смертелен, но не нов,
Мы первые его остановили
В Европе, потрясенной до основ.

Лишь четверть века мирно миновало,
А кажется, уже прошли века,
И Ленин так же, как тогда — сначала, —
Нам с башни говорит броневика.

Гремят салюты и веселий струны,
Лежат снега светлее серебра,
А белой ночью комсомолец юный
О подвигах мечтает до утра...

День поэзии 1969

Фотография 1943 года.

* * *

Какое уже на войне любованье?
Великая тяжесть труда,
Дорог и сражений чередованье,
Могилы, из жести звезда.

Но мы понимали того генерала,
Что крикнул в смертельном аду,
Увидев в атаке народ свой бывалый:
— Смотри, молодцами идут!

День поэзии 1969

Надписи на стенах рейхстага

(май — 1945 год)

Еще горячкой боя сердце билось,
А в мир уже вступала тишина,
Как будто время здесь остановилось,
Не веря вдруг, что кончилась война.

Под арками обугленного свода,
В какой-то первозданной тишине,
Солдаты величайшего похода
Расписывались прямо на стене.

Рейхстагова развалина дышала
Всем перегаром битвы мировой,
И в ней звучнее всякого хорала
Пел хор имен, растущих, как прибой.

Он пел, взлетая над огнем и кровью,
Перед войны поверженной лицом,
Как будто осеняя изголовьё
Последних умирающих бойцов.

Открыто все свое писали имя,
Чтоб знали люди будущих времен,
Что подвиг сей, свершенный
всеми ими,
Во имя человечества свершен!

День поэзии 1975

* * *

Я видел, как Город Ветров засыпает,
Становится тих он и нем,
Как музыка улиц нестройная тает
И вдруг замирает совсем.

Так в час, не доступный ни шуму,
ни стуку,
Смотрел я на город на берегу,
И видел я в небе простертую руку
Бессменного стража Баку.

И мне показалось той тихою ночью,
Когда я стоял и смотрел из окна,
Как будто бы статуя бурей клокочет —
И — Киров — зовется она.

И сила той бури бессмертна на свете,
Ее потушить не смогли,
А руку он поднял в сердечном привете
Всем труженикам земли.

День поэзии 1976

Сосны Пицунды

Пицундские сосны, я видел вас
Во всей первозданной красе,
Когда вы стояли в полдневный час
На пустой песчаной косе.

И черный буйвол — древний убух —
Из моря, прям и высок,
Словно Юпитер из пен голубых,
Выходил на белый песок.

И солнце он нес на рогах, и мне
Казался мира отцом,
А белые лилии в тишине
Вокруг стояли кольцом.

И тишина звенела в ушах;
Казалось, место нашли,
Чтоб здесь человечья встречалась
душа

С бессмертной душой земли.

А дни, как волны, теряют след,
За вестью уносят весть,
Не счесть вам реликтовых ваших лет,
И мне своих лет не счесть.

Что ж, сосны Пицунды, в далекий час
Шумела и наша весна,
И буйвол, и лилии были у нас,
Была и своя тишина.

В стране же, что старостью мы зовем,
Живет со мной моря кусок,
Те дни, куда мы в сновиденьях идем,
То солнце, те сосны, песок...

День поэзии 1972

Николай ТРЯПКИН

* * *

Когда мой дед оплакивал коня,
Что пал в извозе,
Он целый день топтался у плетня
В согбенной позе.

И сам он был, пожалуй, не живей,
И кричал сдуру...
И пропил он с коняги у дровней
Гнедую шкуру.

А снег бурел, светлели облака.
Стога чернели...
И вдруг удар — не стало старика
К страстной неделе!

И он сошел, навеки просветлен,
Во всем холщовом.
И восходил на горочку «фордзон»
С железным словом.

И все поняли, что всему свои
Даются сроки...
Пусть для нас поют, как соловьи,
Ремни и блоки.

А ты теперь — в далеком далеке,
Дедок Микула!
И снова скачешь на своем гнедке
Во дни загула.

И уж не ты ли с вышних тех дорог,
Да в час грозовой,
Да в той телеге шпаришь, как пророк —
Илюха новый?!

А я, как шур, сiju у камелька
С клубком преданья,
И до меня родного лошака
Доходит ржанье.

День поэзии 1968

* * *

Сколько выпито горячих самоваров
На лужайках, по харчевням и в гостях!
Сколько помнится разливистых базаров,
Что гремели на районных площадях!

Сколько топано в коричневой кожанке
Да с гармоникой за правое плечо!
И кричали нам все ярманки-гражданки,
То на «чи» они кричали, то на «чо».

И скрипели все речные перевозы,
И все пальцы нажимали на басы,
А девчонки только ахали, занозы,
Примеряя заграничные часы.

Ах ты курочка-цыпурочка с Калуги!
Ах ты кралечка со всею Костромой!
Не хотите ли — сыграю буги-вуги?
Это, знаете ль, из Африки самой.

Это всё потом раскусят ваши дочки,
Разлетевшись по новейшим городам.
Да и мы с тобой в столичном закуточке
Будем стариться, прекрасная мадам.

Заржавеют наши вары-самовары,
Присугреемся у газовой плиты.
Только вспомним про старинные базары,
Про веселые бубновые цветы;

Да споем про деревенские досуги
Да про вечер золотистый-золотой...
Не хотите ли — сыграю буги-вуги?
Это, знаете ль, из Африки самой.

День поэзии 1972

Вероника ТУШНОВА

1915—1965

* * *

Сто часов счастья...
 Разве этого мало?
 Я его, как песок золотой,
 намывала,
 собирала любовно, неумоимо,
 по крупнице, по искре,
 по капле, по блестянке,
 создавала его из тумана и дыма,
 принимала в подарок
 от каждой звезды
 и березки...
 Сколько дней проводила
 за счастьем в погоне
 на продрогшем перроне,
 в гремящем вагоне,
 в час отлета его настигала
 на аэродроме,

обнимала его, согревала
 в нетопленном доме.
 Ворожила над ним, колдовала,
 случилось, бывало,
 что из горького горя
 я счастье свое добывала.
 Это зря говорится,
 что надо счастливым родиться,
 надо только, чтоб сердце
 не стыдилось над счастьем трудиться,
 чтобы не было сердце
 лениво, спесиво,
 чтоб за малую малость
 оно говорило: «Спасибо!»
 Сто часов счастья,
 чистейшего, без обмана...
 Сто часов счастья!
 Разве этого мало?

День поэзии 1962

* * *

Гонит ветер
 туч лохматых клочья,
 снова наступили холода.
 И опять мы
 расстаемся молча,
 так, как расстаются
 навсегда.
 Ты стойшь и не глядишь вдогонку.
 Я перехожу через мосток...
 Ты жесток
 жестокостью ребенка,
 от непонимания жесток.
 Может, на день,
 может, на год целый
 эта боль мне жизнь укоротит.
 Если б знал ты подлинную цену
 всех твоих молчаний и обид!
 Ты бы позабыл про все другое,
 ты схватил бы на руки меня,
 поднял бы
 и вынес бы из горя,
 как людей выносят из огня.

День поэзии 1962

* * *

Не охладела, нет, —
скрываю грусть.
Не разлюбила, —
просто прячу ревность.
Не огорчайся,
скоро я вернусь.
Не беспокойся,
никуда не денусь.
Не осуждай меня,
не прекословь,
не спорь
в своем ребячестве
жестоком...
Я для тебя же
берегу любовь,
чтоб насмерть не изранил
ненароком.

День поэзии 1963

* * *

Ты не горюй обо мне, не тужи, —
тебе, а не мне
доживать во лжи,
мне-то никто не прикажет:
— Молчи!
Улыбайся! —
когда хоть криком кричи.
Не надо мне до скончанья лет
думать — да,
говорить — нет.
Я-то живу, ничего не тая,
как на ладони вся боль моя,
как на ладони вся жизнь моя,
какая ни есть —
вот она я!
Мне тяжело...
тебе тяжелей...
Ты не меня, — ты себя
жалей.

День поэзии 1964

Моисей ТЕЙФ

1904—1966

Леночка

Тут прибежала пионерка Лена,
Вся смуглая, как полотно Гогена,
С громадными глазами — до висков.
И, как луна над голубым селеньем,
Она склонялась с детским изумленьем
Над ворохом моих черновиков.
Мое перо как следует плясало
И голубые буквы писало,
Отобразив мысль поворот.
О, это было очень странно, право, —
Ведь я пишу не слева и направо,
Ведь я пишу совсем наоборот.

И девочка — глаза как две пироги —
Стояла долго на моем пороге
И думала, что я сошел с ума.
Ведь там, где у меня стояла точка,
У них в диктантах начиналась строчка —
И так велит грамматика сама...
А перышко отчаянно плясало
И голубым по белому писало,
Отобразив мысль поворот.
Как мог ребенку объяснить я в целом,
Что у меня на этом свете белом
Уж все давным-давно наоборот...

Перевод с еврейского Юнны Мориз

День поэзии 1962

Василий ФЕДОРОВ**Слепой**

Людей не видя пред собой,
Не соблазняясь в сквере лавочкой,
По улице идет слепой,
Потрагивая землю палочкой.

Его толкнут,
Пройдут вперед,
И тотчас, торопясь вмешаться,
Какой-то зрячий призовет
Быть чуткими и не толкаться.

Но слышу голос я его,
Негромкий в человечьем гуде:
— Толкайтесь!.. Это ничего...
Я буду знать,
Что рядом — люди!

День поэзии 1956

* * *

Мы постареем.
Может статься,
Мы слишком рано посеем,
Но мы, по совести признаться,
Претензий к жизни не имеем.

С отцами
Не были мы в ссоре,
Что приняли от них не рай.
Мы жили.
Радости и горя —
Всего нам было через край.

О, сколько нужно сил весенних,
Чтоб оказалось по нутру
При всех тяжелых потрясениях
Стоять на мировом ветру!

Через соленые моря
Людской крови,
И слез,
И пота
Мы путь прошли от букваря
До межпланетного полета.

И пусть нас недруги корят,
И пусть пророчат нам забвеньё.
Мы жили.
В поздних поколениях
Еще о нас поговорят.

День поэзии 1961

* * *

О Русь моя!..
Огонь и дым...
Законы вкривь и вкось...
О, сколько именем твоим
Страдальческим клялось!

От Мономаховой зари
Тобой — сочти пойдя —
Клялись цари и лжецари,
Вожди и лжевожди.
Ручьи кровавые лились,
Потоки слов лились.
Все, все — и левые клялись,
И правые клялись.

Быть справедливой
Власть клялась,
Не своевольничать в приказе.
О, скольких возвышала власть,
О, скольких разрушала власть
И опрокидывала наземь.

У ложных клятв
Бескрыл полет,
Народ — всему судья.
Лишь клятва Ленина живет,
Лишь клятва Ленина ведет,
Все клятвы перейдя.

Народ,
Извечный, как земля,
Народ с большой судьбой,
Все вековые векселя
Оплачены тобой.
Не подомнет тебя напасть,
Не пошатнешься ты,
Пока над властью будет власть
Твоей земной мечты.

День поэзии 1962

* * *

Прозябаю на ветру,
На миру, словам внимая.
Истин сверху не беру,
Я их снизу поднимаю.

Испытанья не страшны.
Чтобы светом возгораться,
Наши истины должны
Только снизу подниматься.

Истины не входят в стих
От общения с богами.
Нет, я каждую из них
Отрабатывал боками.

День поэзии 1974

На Парнасе

Потускнел,
Осиротел Парнас.
С юности стоявшие над нами,
Вы ушли, старейшины, и нас
Сделали до срока стариками.

Ваши троны
В честолюбье злом
Штурмовали неуки оравой.
Как птенцу бывает под крылом,
Было мне легко
Под вашей славой.

Слово,
А не звездный блеск венца,
Вашу правду не в угоду стилю
Я любить учился до конца,
Как умели вы любить Россию.

В дни
И ратных бед,
И в недород
Вы учили в назиданье плутням
Не по праздникам любить народ,
А по горьким и тяжелым будням.

Презирая легкое словцо,
Говорили вы без чертовщины,
Что Природа — Родины лицо,
Не прибавьте новые морщины.

Прорва дел!
Но как себя ни горбь,
Вряд ли будет чище век угарный.
У поэта мировая скорбь
В наше время
Стала планетарной.

Потускнел,
Осиротел Парнас.
В мудром слове бывшие отцами,
Вы ушли, старейшины, и нас
Не успели сделать мудрецами.

Между тем
Кипит раздоров ярь,
И уже — вы слышите ль, поэты:
По ночам космический звонарь
Глухо бьет
В колокола-планеты.

День поэзии 1980

Владимир ФИРСОВ

Колхозное такси

Эх, зима!
Зима — не лето,
Дело всем известное.
Прокачу до сельсовета
Жениха с невестою.
Сани.
Сена по колено.
Белый снег глаза слепит.
След саней усыпан сеном,
Снег под полозом скрипит.
Мчатся кони по морозу,
Кони косоглазые...
Приморозило березу
К молодому вязу!
Тает солнце в небе синем.
Ну-ка, кони, поскорей!
То ли пена,
То ли иней
На губах седых коней.
Эх, скорей бы уж до места!
Пролетаем улицей.
За моей спиной невеста
С женихом целуются...
Доля, доля!
В самом деле,
Доля горькая моя —
За последние недели
Оженились все друзья.
Эх ты, доля!..
Ну да ладно,

Ну да ладно —
 Выноси,
 Выноси меня, бесплатное
 Копытное такси!..
 А невеста ловит ветер
 И от счастья чуть жива,
 Хоть летит и не в ракете,
 А кружится голова!

День поэзии 1961

Полдень

Был полдень сух и безмятежно светел.
 Дремали клены в сонной тишине.
 И вдруг неожиданно
 Навалился ветер,
 И кринки загудели на плетне.
 Запел плетень,
 И это было гимном
 Языческому шествию грозы.
 И пыль кружилась над дорогой дымно,
 И звонко бились рыжие овсы.

И с первой каплей,
 С первым громом —
 Ливень
 Ударил в огороды и сады.
 Почти неуловимый запах лилий
 На землю опустился с высоты.
 И было видно,
 Как ручьи бежали,
 Скликая непоседливых ребят,
 Как у стогов
 Пугливо кони ржали
 И прятали под брюхо жеребят.
 Но как-то сразу стало тихо-тихо,
 Как будто и ни ливня, ни грозы.
 Над снегом зацветающей гречихи
 Остыли грома гневные басы.
 Молчали вербы, и молчали клены.
 И радуга,
 Упавшая в Десну,
 Глядела как-то очень удивленно
 На пахнущую небом тишину.

День поэзии 1965

Виктор ФЕДОТОВ

Баллада о ночном бомбардировщике

*Герою Советского Союза
 В. В. Решетникову*

Черный полог поднебесья до чего же бесконечным
 кажется, и нету края — сколько в небо ни гляди.
 Всюду звезды, всюду звезды, близок путь, что назван Млечным,
 городов чужих квадраты впереди.

Неизвестности навстречу мчит ночной бомбардировщик,
 на борту приборов стрелки лихорадочно блещут,
 но вот вспыхивают трассы разлетающихся точек —
 это рвет ночную темень разорвавшийся снаряд.

Опоздал фугас... На курсе боевом и с разворота
 сбросил метко штурман бомбы на чернеющий Берлин,
 прямо в логово фашистов, в их смердящее болото, —
 так он виделся в то время, этот город-исполн.

Позади огни пожаров. Вся в огне и высь ночная —
 отовсюду бьют зенитки, не спасет от них маневр.
 Загорелся пикировщик. Еле тянет, начиная
 разрушаться. Не хватило, не хватило всяких мер.

Протянув, насколько можно, до желанной точки взлета,
приказал корабль покинуть экипажу командир,
но не все могли оставить борт горящий самолета.
«Тяжело я ранен, Вася», — молвил штурман-бомбардир.

И тогда, штурвал чуть выбрав, стал подыскивать площадку
для посадки смелый летчик, чтоб жизнь друга сохранить,
как он сел и спас штурмягу — не припомнить по порядку,
впрочем, разве в этом дело, если правду говорить!..

Отгремела. Отпылала. Но грозит назад вернуться
злая буря...

В светлом штабе думу думает один
он, забыв о свежем чае, остывающем на блюде,
он — командующий станом стратегических машин.

День поэзии 1980

Герман ФЛОРОВ

Голубика

Голубика, голубица,
Ягода таежная,
Для чего тебе родиться
В этом бездорожии?

Для чего в краю лосином
Ты красуешься, растешь
И над пагубной трясинной
Гордо ягодки несешь?

Созреваешь втихомолку,
Чтоб попасть медведю в пасть!
Ты б к рабочему поселку,
Голубика, подалась.

Подоткнув шелка и ситцы,
Вольный промысел любя,
Сибирячки-молодицы
Собирают там тебя.

И руками, и совками
Сыплют вместе с говорком...
Тонут кони под вьюками,
По трясине мы идем.

Сбил с пути нас дождь угрюмый,
Стала тропка дном речным.
И бредет отрядом дума:
«Может, карты не точны?»

И глядит, глядит нам в лица
Синяя, тревожная
Голубика, голубица,
Ягода таежная.

Каплет с неба, каплет с веток,
Только мокрый бурелом.
Только слышно, в сопках где-то
По-медвежьи ухнул гром.

Только дальше углубиться
Нам мешает топкий мох.
Почему же, голубица,
Не растешь ты у дорог?

Есть дороги — загляденье! —
Кто не хаживал по ним?
Где-то рядом с днем весенним
Мы их в памяти храним.

Там холодными ночами
Не теснятся у костров.

Там мы, ягодка, встречали
Нашу первую любовь.

И теперь она искрится,
И теперь поет, маня, —
Сто веснушек да ресницы —
Вот и вся любовь моя!

Тонут кони, вязнут кони,
Над трясиной — синий свет!..
Как кедровка по-воронью
Прокричала нам вослед.

Как сумели мы пробиться,
Злые, осторожные,
Знаешь ты лишь, голубица,
Ягода таежная.

1954 г.

Верховье Лены.

День поэзии 1956

Илья ФРЕНКЕЛЬ

Безголосый

Не кто иной — я спел бы вам,
Но это невозможно:
Мой звонкий голос где-то там,
В теплушке замороженной,
За тридцать, за сорок лет —
Оттуда эха даже нет
Монархии низложенной.
И только хриплый голос мой,
Перебиваемый пальбой
И ею же, само собой,
На миллион помноженный,
Кричит: «Да здравствует! Долой!»
Не кто, как я, идет Москвой
Притихшей и встревоженной.

При мне винтовка «витерли»
Калибра несусветного.
И я иду. И все так шли —
Шагали наши патрули
До часа предрассветного.
А снег Москву одолевал,
Глухой, слепой, безмолвный,
Он глух, он слеп, он колдовал,
Всесильный и безвольный.

А мы входили на вокзал
И строились повзводно.
Товарный поезд подползал —
Так было нам угодно.
Грузились мы. Шипел свисток.
Нас дергало, качало.
И приставал сосед: — Браток,
Запел бы для начала...

Двадцатый год.
Двадцатый год.
И голый лед. И белый сброд.
Восьмушка хлеба — весь паек.
Патрон пяток. И все, браток.
Но я все песни начинал,
Ведь я был запевала...
Прокочевал, проночевал,
Пропел я звонкий голос мой:
Его — как не бывало.
Он там: в снегу, во тьме, в огне,
В теплушке замороженной.
Он и сейчас поет во мне,
Высокий и восторженный.

День поэзии 1962

* * *

Ни Корану, ни тем более Талмуду
Я не поклонялся и не буду,
А звезде Давида, а кресту
Пуговицу явно предпочту:
С виду невеличка, а попробуй
Совладай без пуговицы с робой.
Молнии, бывает, подведут, —
Так ведь молнии, а не Талмуд!

Хлопцы! Я иду своей дорогой,
Незамысловатой, но прямой.
Так держу, — и за моей кормой
Закипает след, заметьте, мой,
И меня не запугаешь тьмой —
Церковью, мечетью, синагогой.
Что со мной поделать, — я таков:
Супротивник веры и безверья,
Веток Палестины и штыков...

Извожу чернила, затупляю перья
Ради богохульственных стихов.

День поэзии 1966

Николай ФЛЕРОВ

* * *

Я отыскал твою могилу.
Она была и не была.
А рядом город, с детства милый,
Кричал, разрушенный дотла.

Кричал высокими печами,
Железом сорванных перил.
И только ангелы молчали
Над бронзой сбитых взрывом крыл.

А я стоял у дум во власти,
Не постигая одного —
Что ты и мертвый был причастен
Ко славе города всего.

День поэзии 1967

Иван ХАРАБАРОВ

1928—1969

* * *

Мне скоро тридцать.

В окна бьет рассвет
Холодными январскими лучами.
Мне скоро тридцать,

скоро тридцать лет;
Все чаще спать я не могу ночами.
И страшно открывать мне новый счет
Грядущих лет.

Как будто я открою
Его —

и сразу время потечет
Оттуда безвозвратною рекою!
Все чаще вспоминаю белый снег,
Свою деревню вдоль речного дола,
Все чаще вспоминаю санный след,
Меня уведший из родного дома.
Все думаю:

что я отвечу им —
За каждый день, который зря я
прожил,—
Сибирякам, таежникам моим,

Коль не свершу,
что я свершить был должен!
Что я отвечу самому себе —
Идущему с походною котомкой
В простор родных лугов, родных
степеней,—
Юнцу на фотографии далекой!
Мне скоро тридцать,
скоро тридцать лет;
Все чаще спать я не могу ночами.
Стучит тревожно в окна мне рассвет,
Как пальцами,
холодными лучами!

День поэзии 1969

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

* * *

Вот уже и лето на ушербе.
Ночь длинней. Но в этом нет беды.
Август — хлебодар и виночерпий —
Собирает злаки и плоды.

Вот уже уборка на исходе,
На подходе ранняя зима,
Но, как это водится в природе,
Осень заполняет закрома.

Тучи нависают все угрюмей,
Время старостью убелено.
Но с тобой — насыщенный хлеб раздумий,
Опыта крепчайшее вино.

Блеск весны, и летний жар, и осень
Вырастили этот снежный день.
Три прошедших времени возносят
Самую высокую ступень.

Как в ракете, так и в жизни тоже
Три ступени вовсе не предел.
Может, век для той четвертой
прожит,
Для зимы, для самых мудрых дел.

День поэзии 1973

Назым ХИКМЕТ

1902—1963

Элегия Шайтану

У собаки моей было имя Шайтан.
«Было» — не относится к ее имени,
С ее именем ничего не случилось,
Да и не была она на свое имя похожей.

Шайтанами бывают тираны,
Тираны же отличаются хитрою ложью,
Но тираны никогда не бывают и умными тоже,
Моя собака была умная.

В какой-то степени я сам убил собаку свою,
Не ухаживал, как надо, а она мне доверила.
Если ты не умеешь ухаживать, —
не сажай даже дерево.

Дерево, засохшее в руках у тебя, —
мучение для людей.
Ты скажешь — человек научится плавать только в воде.
Это правда.
Но если тонешь,
тонешь исключительно сам.

Уже которое утро я просыпаюсь,
Прислушиваюсь вокруг.
Никто мою дверь не царапает лапой.

Мне хочется плакать,
И я стыжусь того, что плакать я не могу.
Она была точно человек.
Большинство животных похожи на человека,
И к тому же — на хорошего человека.
Ее толстая шея перед дружбой склонялась в святой
простоте.
Ее свобода была в ее зубах и ногах.
Ее вежливость — в волосатом
длинном хвосте.

Мы друг без друга скучали.
О самых важных вещах говорила она:
О голоде, о сытости, о любви.
Но не дано ей было узнать тоску по отчизне.
Это коснулось меня.

Говорят, что поэта в рай поместили при жизни.
— Эх, где ты, страна моя, родина! — так он сказал.

Умерла.
Так, как вообще умирают в этом мире,
Будь то человек, или животное будь, или растение,
В воздухе, или в воде, на земле, или в постели,
В квартире,
Вдруг, ожидая, просматривая сны,
Так, как умирают в этом мире,
Как умру я,
Как умрем мы...

Сегодня тридцать восемь в тени.
В лес смотрю я с балкона.
Высокие красноствольные сосны видны,
Небо стальной голубой глубины.
Люди в поту,
Собаки с языками, свисающими на бегу,
К озеру спешат искупаться.
Тяжесть тел своих оставят на берегу,
Разделят с рыбами счастье.

День поэзии 1956

Перевел с турецкого М. Луконин

Старый вяз

Весь я в облаках, я весь пропитан морем.
Я старый вяз в парке Гюльхане,
Весь в ранах и сучьях.
Но об этом ни ты не знаешь, ни полиция не знает.

Я старый вяз в парке Гюльхане.
Моя листва плещется, плещется, как рыба в воде.
Моя листва — как шелковый платок, шелестящая, —
Сорви же, любимая, вытри слезы.
Моя листва — мои руки, у меня сто тысяч рук.
Ста тысячами рук я дотрагиваюсь до тебя,
до тебя и до Стамбула.

Моя листва — мои глаза. Всматриваюсь, удивленный.
Ста тысячами глаз люблюсь тобой и Стамбулом.
Мои листья бьются, бьются, как сто тысяч сердец.

Я старый вяз в парке Гюльхане.
Но об этом ни ты не знаешь, ни полиция не знает.

День поэзии 1957

Подстрочный перевод автора

Письмо Давиду Ойстраху

Вы были в Стамбуле.
Она была на вашем концерте.
Вы сделали счастливой
несчастную женщину.
Ее глаза
посмотрели на ваши пальцы,
как два зеленых листа
поднимаются к дождю.
В своем письме (она пишет):
«Я забыла
обо всем, слушая».

У нее
нечего забывать,
кроме горя.
«Я плакала, — пишет, —
мне хорошо сделалось».
«Мир, — пишет, — прекрасен,
и я спокойна».

Вы — единственный человек,
к которому я ревную,
мастер.

День поэзии 1957 *Подстрочный перевод автора*

Приезд Назыма Хикмета в СССР. 1951 год. На первом плане — Назым Хикмет, Н. С. Тихонов, К. М. Симонов, С. И. Кирсанов.

Евгений ХРАМОВ**Могила в Донском
монастыре**

Так и прожил он век свой нелегкий,
Вольнодумец, аббат, нелюдим,
Не прося чечевичной похлебки,
Первородством лишь сытый своим.

И листья сентябрей опадают
На плиту, на которой одно:
ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЧААДАЕВЪ.
Объяснений других не дано.

Так бы справиться с днями своими,
Чтоб, когда отзвенит колесо,
Оставалось одно только имя —
И оно объяснило бы все.

День поэзии 1970

* * *

Двадцать второго июня сорок первого года
На дачу, что мы снимали в это лето на Сходне,
Еще ничего не зная, съехалось все семейство:
Отцы, и дети, и внуки.
Стол был еще довоенный, праздничный, изобильный:
С мраморной ветчиною, веселым промытым луком,
Жирно блестящей семгюю, крутобокой редиской.
И довоенная водка добродушно желтела в графине.

И все за столом сидели.
Младшие — мы с сестрою,
Старшие — дед и бабка.
А посредине их дети, наши дядя и тетки с женами и мужьями:
Уже седой Петр Павлыч,
Еще не убитый Костя
И мамин брат дядя Саша со шпалами в алых петлицах.

...Сначала все было тихо, и все говорили негромко.
А после громче и громче и даже... развеселились.
Как будто что-то прорвалось, выяснилось, разрешилось!
Наверное, было жутко,
Жутко и непонятно жить с фашистами в мире,
А теперь все встало на место...

И отец мой — он был самый штатский, инженер-капитан запаса —
Померанцевой выпил и крякнул:
«Ну, через месяц — в Берлине!»

А впрямь до Берлина было
От новой границы рядом —
Пятьсот с небольшим километров,
Как раз на месяц похода...

День поэзии 1980

Дождя!) Не расправы страх,
 Не... — Но облака! но звоны!
 То Завтра на всех парах
 Проносится вдоль перрона

Пропавшего... Бог! Благой!
 Бог! — И в дымовую опушь —
 Как об стену... (Под ногой
 Подножка — или ни ног уж,

Ни рук?) Верстовая снасть
 Столба... Фонари из бреда...
 О нет, не любовь, не страсть,
 Ты поезд, которым еду

В Бессмертье...

14 октября 1923 г.
 Чехия

День поэзии 1976

Маяковскому

*В гробу, в обыкновенном темном костю-
 ме, в устойчивых грубых ботинках, подби-
 тых железом, лежит величайший поэт
 революции.*

(«Одnodневная газета»,
 24 апреля 1930 г.)

В сапогах, подкованных железом,
 В сапогах, в которых гору брал —
 Никаким обходом, ни объездом
 Не доставшийся бы перевал —

Израсходованных до сиянья
 За двадцатилетний перегон, —
 Гору пролетарского Синая,
 На котором предводитель — он,

В сапогах — двустопная жилплощадь,
 Чтоб не вмешивался жилотдел, —
 В сапогах, в которых, понаморщась,
 Гору нес — и брал — и клял — и пел, —

В сапогах и до и без отказа
 По невспаханности Октября,
 В сапогах почти что водолаза,
 Пехотинца, чище ж говоря:

В сапогах великого похода,
 На донбассовских, небось, гвоздях,
 Гору горя своего народа
 Стапятидесяти (Госиздат)

Миллионного... — В котором роде
Своего, когда который год:
 «Ничего-де своего в заводе!»
 Всех народов горя гóру — вот!

Так вот в этих — про его Рольс-Ройсы
 Говорок еще не приутих —
 Мертвый пионерам крикнул:
 Стройся!

В сапогах —
свидетельствующих.

1930

День поэзии 1967

Поэт и царь

I

Потусторонним
 Залом царей.
 — А непреклонный
 Мраморный сей?

Столь величавый
 В золоте барм.
 — Пушкинской славы
 Жалкий жандарм.

Автора — хаял,
 Рукопись — стриг.
 Польского края —
 Зверский мясник.

Зорче взглядися!
 Не забывай:
 Певцоубийца
 Царь Николая
 Первый.

2

Нет, бил барабан перед смутным полком,
 Когда мы вождя хоронили:
 То зубы царёвы над мертвым певцом
 Почетную дробь выводили.

Такой уж почет, что ближайшим
 друзьям —

Нет места. В изглавье, в изножье,
 И справа, и слева — ручищи по швам —
 Жандармские груди и рожи.

Не дивно ли — и на тишайшем из лож —
 Пребыть поднадзорным мальчишкой?
 На что-то, на что-то, на что-то похож
 Почет сей, почетно — да слишком!

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,
 Монарх о поэте печется!
 Почетно — почетно — почетно — архи-
 Почетно — почетно — до черту!

Кого ж это так — точно воры ворá
 Пристреленного — выносили?
 Изменника? Нет. С проходного двора —
Умнейшего мужа России.

Медон, июль 1931

День поэзии 1956

Читатели газет

Ползет подземный змей,
 Ползет, везет людей.
 И каждый — со своей
 Газетой (со своей
 Экземой!) Жвачный тик,
 Газетный костоед.
 Жеватели мастик,
 Читатели газет.

Кто — чтец? Старик? Атлет?
 Солдат? Ни чёрт, ни лиц,
 Ни лет. Скелет — раз нет
 Лица: газетный лист!
 Которым — весь Париж
 С лба до пупа одет.

Брось, девушка!
 Родишь —
 Читателя газет.

Кача — «живет с сестрой» —
 ются — «убил отца»!
 Качаются — тщетою
 Накачиваются.

Что́ для таких господ —
 Закат или рассвет?
 Глотатели пустот,
 Читатели газет!
 Газет: читай: клевет,
 Газет: читай: растрат,
 Что ни столбец — навет,
 Что ни абзац — отврат...

О, с чем на Страшный Суд
 Предстанете: на свет?
 Хвататели минут,
 Читатели газет!

— Пошел! Пропал! Исчез!
 Стар материнский страх.
 Мать! Гуттенбергов *пресс*
 Страшней, чем Шварцев *прах!*

Уж лучше на погост —
 Чем в гнойный лазарет
 Чесателей корост,
 Читателей газет!

Кто наших сыновей
 Гноит во цвете лет?
 Смесители кровей,
Писатели газет!

Вот, други, — и куда
 Сильней, чем в сих строках! —
 Что́ думаю, когда
 С рукописью в руках

Стою перед лицом
 — Пустее места — нет! —
 Так значит — *не лицом*
 Редактора газет —
 ной нечисти.

Париж, ноябрь 1935 г.

День поэзии 1956

Владимир ЦЫБИН

Смерть старика

Он слышит,
как, почуяв дождь,
корова снова беспокоится,
и думает:
«Скотина все ж,
а тоже у нее бессонница».
Он дышит тяжело и медленно,
хватается за левый бок
и смотрит в потолок,
уверенный,
что смерть и та бывает впрок!..
И думает:
«Был сухожил,
жил, только черта поминая,
и многих внуков пережил,
и все-таки вот помираю...
Кто постучится в ставень? Кто?
Вот если б можно —
по годочку
отдал бы каждому сыночку,
а мне-то столько лет на что?...»
Сто весен живший на веку,
сто изб поставивший в деревне,
он умирает, как деревья,
на правом высохшем боку.
И, чуя темноту несметную,
он стал щеками бел как мел.
«Вот жалко,
что рубаху смертную
я перед смертью не надел.
Вот годы прожил без остатка,
ни дня у жизни не моля!
Хоть жил с семьею не в достатке,
а все же как ей без меня?
Оставляю ей одну избушку,
где дождик крышу прохурил...»
И вдруг запахло жженой стружкой,
сосновым холодом стропил.
И вспомнил он свою жену,
что в сорок пятом похоронена, —
и сердце старое отворено
в ту,
отшумевшую войну!..
И, смертную почуяв грусть,

он удивленно потянулся
и к стенке тихо отвернулся
с последней мыслью:
«Отосплюсь!..»
А утром дым все плыл и плыл,
и мужики молчали чинно.
Дым белым
покрывал морщины
тому, кто столько лет мужчиной
единственным в деревне был...

День поэзии 1964

Травы детства

В день мой високосный
даль пахнет порою
пересыпью росной,
мятою сырою.
Большаком ли, тропкой,
а вернусь согреться
из чужбины теплой
я на травы детства...
Вот покинул грустно
большаки державы,
выбежали густо
мне навстречу травы.
— Опоздал ты! — в рани
тихо объявили.
Торопился к маме,
а пришел к могиле.

Все спешил,
став старше,
через век суровый —
вновь я опоздавший
к горести отцовой,
отдал сердце зною
и дорогам новым,
а пришел с виною
к двум крестам сосновым.

Боль моя стоуста,
горше нет на свете:
так же ли, неушто,
нас покинут дети?..

Дням не назвенеться,
если на закланье
отдан травам детства,
отдан травам рани.
Стало все иначе —
устремленный в отдаль,
мачехе-удаче
душу свою отдал.
Сиротой у славы
я покинул дали,
покачнулись травы:
— Кто ты? — не узнали.
Словно память воском
залепило ныне...
Уходил я — к веснам,
а вернулся к стыни.

По какому краю
грусть свою развею?
И совсем не знаю,
и совсем не верю —
не меня ль когда-то,
верящего в диво,
проводжала мята,
встретила — крапива.
Пусть меня встречают
в травах детства весны,
пусть не угасает
день мой високосный...

День поэзии 1979

* * *

Наверно, в том моя вина:
ни в чем не ожидая прока,
я создавал тебя из сна,
из влажного его натека.
И вот — прозрачнее стекла,
из ничего возникла зыбка,
по сновиденью потекла
новорожденная улыбка.
На боль заранее готов,
все отдав вещему мечтанью,
я создавал тебя из слов
нетерпеливою гортанью.
И, взят звучаньем этим в плен,
как будто вдвинут в эхо ливня,

своим дыханьем, нёбом, всем
ртом

осязал твое я имя.
И медленно в меня текло,
покамест в контурах неясных,
одушевленное тепло
забытых гласных и согласных.
Я создавал тебя из строк
тех, взбалмошных твоих записок,
из вздоха, что давно истек
и на губах прохладно высох,
из взглядов, брошенных враспыл,
из смутного листвы присловья,
из дрожи рук — подобьем крыл
закинутых за изголовье.

Я видел, как твои черты
возникли, проступили сиром
всем несогласьем красоты
с обыденным отличьем мира.
Из зыбкости тебя лепил,
из стыни и тепла по крохам
и все будил, будил, будил
своим нетерпеливым вздохом...

День поэзии 1979

Феликс ЧУЕВ

Батя

...Ты дал мне жизнь.

Не папа, не отец ты!
Есть имя Батя — это нам под стать!
Нам крылья
не даются по наследству,
но сыновья
обязаны летать.
В твоей кабине
над приборным раем
стою я,
от волнения сопя.
— А высоту
вот так мы набираем...
А ну, сынище,
ручку на себя! —
Я мало сделал.
Я так много прожил!

Но кажется,
по-прежнему расту
и с каждым днем
уверенней и тверже
твою
я добираю высоту.
Прощай, отец.
Сейчас уйдешь ты в фото —
все дальше,
дальше искорками глаз...
Есть на земле традиция пилотов:
пропеллер.
Фото.
Желтый плексиглас.

Ты столько подарил мне
после смерти,
быть может
даже больше, чем живой,
и потому все лучшее на свете
посмертно
закрепляю за тобой.
И все твое —
в минуты жизни эти
как вещее пожатие руки,
и потому, отец,
в твоём планшете
сейчас лежат мои черновики.
День поэзии 1963

Олег ЧУХОНЦЕВ

* * *

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано пред зорями?
(«Слово о Полку Игореве»)

Зычный гудок, ветер в лицо, грохот колес нарастающий.
Вот и погас красный фонарь — юность, курящий вагон.
Вот и опять вздох тишины веет над ранью светящейся,
И на пути с черных ветвей сыплется гомон ворон.

Родина! Свет тусклых полей, омут речной да излучина,
Ржавчина крыш, дрожь проводов, рокот быков под мостом, —
Кажется, все, что улеглось, талой водой взбаламучено,
Всплыло со дна и понеслось, чтоб отстояться потом.

Это весна все подняла, все потопила и вздыбила —
Бестолочь дней, мелочь надежд — и показала тщету.
Что ж я стою, оторопел? Или нет лучшего выбора,
Чем этот край, где от лугов илом несет за версту?

Гром ли гремит? Гроб ли несут? Грай ли висит над просторами?
Что ворожит над головой неугомонный галдеж?
Что мне шумит, что мне звенит издали рано пред зорями?
За семь веков не оглядеть, как же за жизнь разберешь?

Но и в тщете благодарю, жизнь, за надежду угрюмую,
За неуспех и за пример зла не держать за душой.
Поезд ли жду или гляжу с насыпи — я уже думаю,
Что и меня кто-нибудь ждет, где-то и я не чужой.

Напоминание об Ивике

Так вот, куда стремиться
За тридевять земель,
Когда в руке синица,
А в небе журавель!

Иду себе свободно
В родной Пелопоннес,
Как Ивик беззаботный
Через весенний лес.

Как хорошо дорогу
Прослушать посошком,
Шагая понемногу
С дудю и мешком.

Как радостно с пригорка
Висячий слушать гам
И легкодумно-зорко
Глядеть по сторонам.

А там, в зеленой шири, —
Дубравы да луга,
Коровы опустили
В траву свои рога.

Снопы лучей белесых
Клубят лесную тьму.
Воткну я в землю посох
И дудочку возьму.

Я горло ей продую
И выпущу из рук
Мелодию такую,
Как эти лес и луг.

А лес все гуще, гуще,
Все уже колея.
Вперед — в просвет цветущий
Иного бытия!

И так я заиграю,
Как истмийский флейтист.
И отзовется с краю
Опушки птичий свист.

Но что там? В хвойном мраке —
Все ближе, ближе — ах! —

Не птицы, два бродяги
С дубинками в руках.

Они посторонятся
И станут за сосной.
Своим ли приbedняться?
— Идемте! Кто со мной?

Они переглянутся
О чем-то о своем
И только улыбнутся,
Дубинки взяв: — Идем!

Один, другой и третий,
Все трое — напрямик.
— Друзья, Зевес свидетель,
Нам дудка проводник.

А грай в вороньих гнездах,
А столько воронья!
— Вы чувствуете воздух
Иного бытия?

А солнечные пятна!
А красные цветы!
И голос: — Мы-то ладно,
Но чувствуешь ли ты?

И словно шило, что ли,
Пронзило левый бок.
И выпали от боли
И дудка и мешок.

И что еще? Потемки.
Я охнул — и упал.
И кто-то в перепонки
Впотьмах застрекотал.

И заскрипел, и дрелью,
Буравящей сучок,
Засвиристел под дверью —
Так тоненько — сверчок...

Оставим объяснения.
Кто ведает о том,
Какие сновиденья
Перед последним сном?

Я мало жил — и много.
Там умер — здесь воскрес.
Но где она, дорога
В родной Пелопоннес?

А жизнь все безымянней,
И многие в тени.
И мы, будильщик ранний,
И мы с тобой одни.

Лишь рядом из поселка
Сосновый скрип глухой
Да поздняя поземка
По óпали сухой...

День поэзии 1973

* * *

...и дверь впотьмах привычную
толкнул —
а там и свет чужой, и странный гул —
куда я? где? — и с дикою догадкой
застолье оглядел невдалеке,
попятился — и шелкнуло в замке.
И вот стою. И ручка под лопаткой.

А рядом шум и гости за столом.
И подошел отец, сказал: — Пойдем.
Сюда, куда пришел, не опоздаешь.
Здесь все свои. — И место указал.
— Но ты же умер! — я ему сказал.
А он: — Не говори, чего не знаешь.

Он сел, и я окинул стол с вином,
где круглый лук сочился в заливном
и маслянился мозговой горошек,
и мысль пронзила: это скорбный сход,
когда я увидел блины и мед
и холодец из поросячьих ножек.

Они сидели как одна семья,
в одних летах, отцы и сыновья,
и я узнал их, внове узнавая,
и вздрогнул, и стакан застыл в руке:
я мать свою увидел в уголке,
она мне улыбнулась как живая.

В углу, с железной миской как всегда,
она сидела, странно молода,

и улыбалась про себя, но пятна
в подглазьях проступали все ясней,
как будто жить грозило ей, — а ей
так не хотелось уходить обратно.

И я сказал: — Не ты со мной сейчас,
не вы со мной, но помысел о вас.
Но я приду — и ты, отец, вернешься
под этот свет, и ты вернешься, мать!
— Не говори, чего не можешь знать, —
услышал я, — узнаешь — содрогнешься.

И встали все, подняв на посошок.
И я хотел подняться, но не мог,
хотел, хотел — но двери распахнулись,
как в лифте, распахнулись и сошлись,
и то ли вниз куда-то, то ли ввысь,
быстрей, быстрей — и слезы навернулись.

И всех как смыло. Всех до одного.
Глаза поднял, — а рядом никого,
ни матери с отцом, ни поминанья,
лишь я один, да жизнь моя при мне,
да острый холодок на самом дне —
сознание смерти или смерть сознанья.

И прожитому я подвел черту,
жизнь разделив на эту и на ту,
и полужизни опыт подытожил:
та жизнь была беспечна и легка,
легка, беспечна, молода, горька,
а в этой жизни я еще не прожил.

День поэзии 1976

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

Рождение брата

Послевоенный год. Закат,
Над миром — дым! На кухне — чад!
Соседки радостно галдят,
Что у меня родился брат.
Вздыхают. Шепчут осторожно:
— Родитель, правда, староват. —
Но я почти что безнадежный.
Я угасаю. Инфильтрат.

А я единственный. И вот
 В голодный год, в тревожный год
 Родился брат на всякий случай.
 Пускай вздыхают и галдят.
 А я везучий! Я живучий!
 А я плевал на них! Я рад,
 Что у меня родился брат.
 И вот о том, что в мир вступает,
 Мой брат отчаянно кричит.

А мир ликует и рыдает
 И весь в развалинах лежит.

День поэзии 1967

* * *

Год 52-й
 играет на трубе..
 Поет над головой
 в сиротской синеве.

Стена и двор пустой.
 Мелькнул осенний лист.
 В окне трубит отбой
 детдомовский горнист.

Так журавли трубят,
 когда в последний раз
 еще дубы горчат
 и бредит желтый вяз.

И мы летим во сне.
 Летим к себе домой
 в сиротской синеве
 над отчею землей.

День поэзии 1968

Белый старик

За Днепром на гороховом поле
 Повстречался мне белый старик.
 Я спешил и вопроса не понял.
 Он уздечкой тряхнул и поник.

Я у старой запруды рыбачил.
 Появился старик за спиной.
 — Ты коней моих часом не бачил?
 Один серый, другой вороной...

Я лугами домой возвращался,
 И опять мне старик повстречался.
 Жук ползет по запавшей щеке,
 И уздечка трясется в руке...

Ослабел его разум с годами.
 В доме нет ни жены, ни детей.
 Он все ходит и ходит полями.
 И все ищет, все ищет коней.

Постоит над безоблачной речкой,
 Потрясет допотопной уздечкой.
 И ответ не дослушает мой.
 — Один серый, другой вороной...

День поэзии 1977

Варлам ШАЛАМОВ

* * *

Я выходил на чистый воздух
 И возводил глаза горé,
 Чтоб разобраться в наших звездах,
 Предельно ясных в январе.

Я разгадал загадку эту,
 Я иероглифы постиг.
 Творенье звездного поэта
 Я перевел на наш язык.

Все записал я на коряге,
 На замороженной коре.
 Со мною не было бумаги
 В том пресловутом январе.

День поэзии 1967

* * *

Ощутил в душе и теле
 Первый раз за много лет
 Тишину после метели,
 Равномерный звездный свет.

Если б пожелали маги
 До конца творить добро,
 Принесли бы мне бумаги.
 Спички. Свечку. И перо.

День поэзии 1968

* * *

Я — северянин. Я ценю тепло.
Я различаю, где добро, где зло.

Мне нужен мир, где всюду есть дома,
Где белым снегом вымыта зима.

Мне нужен клен с опавшею листвою
И крыша над моею головою.

Я — северянин, зимний человек,
Я каждый день ищу себе ночлег.

День поэзии 1968

* * *

По старому следу сегодня уеду,
Уеду сквозь март и февраль,
По старому следу, по старому следу,
В знакомую горную даль.

Кончатся стежки мои снеговые,
Кончатся зимние сны,
И тают в реке, словно льдинки живые,
Слова в половодье весны.

День поэзии 1969

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

У памятника Дзержинскому

...Будто вышел он
из Комитета,
Отодвинув совещаний гул;
Будто встал под куполом рассвета
И в грядущий полдень заглянул;
Будто, бури выдержав и грозы,
Ленинскую зоркость сохраняя,
Он — такой большой, такой
из бронзы —
С пьедестала разглядел меня;
Все мои сомнения заметил,
Вникнул в очень сложные дела.
И его тревожное бессмертье
Я в тот миг яснее поняла.

Можно было б мягче жить
и проще,
Отступив всего на шаг, на пядь,
В госпиталь пойти, а не на площадь,
И навеки бронзовым не стать.
Быть с врагами не прямым,
как выстрел, —
Помнить в битвах, что и сам
раним.

Можно б...

Не ему. Не коммунисту.
И не вам, идущим вслед за ним.

День поэзии 1969

Прощание

Забавно, что день необъятно широкий
Стал узким, кинжальным лучом;
Что лес — как крыло черно-белой сороки,
Которой мороз нипочем;
Что все же ручей непокорно щебечет
Под тяжестью сонного льда;
Что в сердце живет ожидание встречи
(И даже неважно когда).
Забавно, что все же проносится ветер,
Что звездный костер не погас;
Что все-таки есть чудеса на планете, —
Что эти стихи — не про Вас.

День поэзии 1979

Людмила ЩИПАХИНА

Каракола

Раковина — карако́ла.
Дар глубин, виток природы.
Кто так крепко и надежно
Закрутил твою спираль?
Отчего, изнемогая
От сияющей свободы,
Ты хранишь в холодном чреве
Шум прибоя и печаль?

Став добычею обычной
Собирателя моллюсков,
Ты случайно не разбита
О прибрежную скалу.

И теперь на книжной полке,
Полированной и узкой,
Прижилась ты и прижалась
В предназначенном углу.

Каракола — мол, кораллы,
Колокольный звон далекий...
Королевою стихии
Ты, наверное, была.
Запятой на свитке моря.
Гостьей вечного потока.
Ослепительным мгновеньем,
Квантом света и тепла.

Подчиняя совершенство
Строгой прозе назначенья,
Через все перипетии
Ты была — очаг и кров.
Сквозь подводные течения,
Фосфоритные свеченья
И скупые излученья
Прародительских миров.

День поэзии 1979

Павел ШУБИН

1914—1951

У истоков легенды

*...Тогда рядовой Эрджигитов телом
своим закрыл амбразуру немецкого дзота.
«Фронтная правда». 13/X 1943 г.*

Огонь пред тобой, Эрджигитов,
Друзья пред тобой молодые.
И рощи — в стальной круговерти,
И куст облетает ракивов.
Ни поля, ни друга не выдав,
Ни русские рощи святые,
Навстречу победе и смерти
Поднялся Туйги Эрджигитов.

Века пред тобой, Эрджигитов,
Часы за тобой — прожитые.

И вечны мгновения эти
Пред логовом злобных бандитов,
Когда заворчали сердито
Свинцовые струи крутые,
Когда ты гасил их в предсердье,
В горячей крови, Эрджигитов!

Россия с тобой, Эрджигитов;
Леса за тобой — золотые,
И розовая даль на рассвете,
И губчатый мох малахитов,
И поле, что дымом повито,
Уходит в туманы седые,
К бессмертной и чистой легенде
О славе твоей, Эрджигитов!

1943

День поэзии 1974

* * *

Кипящая хлябь Данигала,
Атлантики бешеный рев,
Где юность моя пробегала
Дорогою белых ветров, —
Опять вы на гребнях отвесных
Меня вознесли до звезды,
И мачты на гневную бездну
Кладут за крестами кресты.

— Напрасно: не будет спасенья,
Молчи, не моли, не зови!..

Так вот она, повесть осенней
Последней и горькой любви!
Как просто и страшно, как близко
Конец под ночную волной!
Но все ж упоение риска
Еще на мгновенье — со мной,
И все же в моей еще власти
Любить, ничего не тая,
И ты, моя песня о счастье,
Последняя мука моя!

5.IV.47

День поэзии 1979

Павел Шубин у могилы Всеволода Багрицкого. Волховский фронт. 1942 год.

Степан ЩИПАЧЕВ

1899—1980

* * *

Когда бы недругами я
 Был перед Родиною оклеветан
 И отвернулись от меня друзья:
 Ни ободренья, ни привета,

Я б не согнулся от любой беды,
 Я б твердости просил не у металла:
 Ее мне ты дала бы... если б ты
 Любить и верить мне не перестала.

1951

День поэзии 1956

Ты мне признался как-то

Ты мне признался как-то: «Грешен,
 Успех у женщин мне не в труд,
 А вот наткнешься на орешек,
 Который зубы не берут, —
 И просветлеешь, пристыженный.
 Ведь если б не было таких,
 Что думали бы мы о женах,
 Когда мы далеко от них».

1945

День поэзии 1956

2017-й год

Я вижу утро в красной заре
 И красную дату в календаре,
 Знамена, что жарко румянят щекү
 Тому, кто рукой прикоснулся к древку.

Пусть долго друг друга сменять годам,
 Я внучек своих различаю там.

Я вижу трибуны у древней стены,
 Людей, что сегодня и не рождены,
 С пробившейся изморозью седины.

Пусть хищно нацелены клювы ракет,
 Я слышу то время, припав к строке.

День поэзии 1967

Стою у окна*Памяти А. Т. Твардовского*

Видать, серьезно на мороз
 Декабрь поворотил. Чисты
 Снежинки падают от звезд,
 Из той холодной высоты.
 Все ближе ночи к январю.
 Уже не раз, уже не два
 Я видел узкую зарю,
 В снегу приметную едва.
 Я не включил нарочно свет,
 Чтоб видеть ночь в белесой мгле,
 Уж не от звезд ли мне привет
 В морозных знаках на стекле?
 Мерцают близко их огни.
 Уж не к себе ль меня зовут?
 Кто знает, может, и они
 Не все меня переживут.
 Есть под стеклом метеорит.
 В музейной гулкой тишине
 Он мне о многом говорит,
 Он и о том напомнил мне,
 Что смерть звезды не смерть еще
 И прах ее не прах, когда
 Большой судьбы ведут расчет
 Не световые ли года,
 Когда, и мертвая, земле
 Звезда все так же дарит свет.
 В морозных знаках на стекле
 Не от нее ль прочтут привет?
 Сужу об этом без затей.
 Пусть покажусь кому-то прост,
 Как жить — учусь я у людей,
 Как умирать — учусь у звезд.

19 декабря 1971 г.

День поэзии 1972

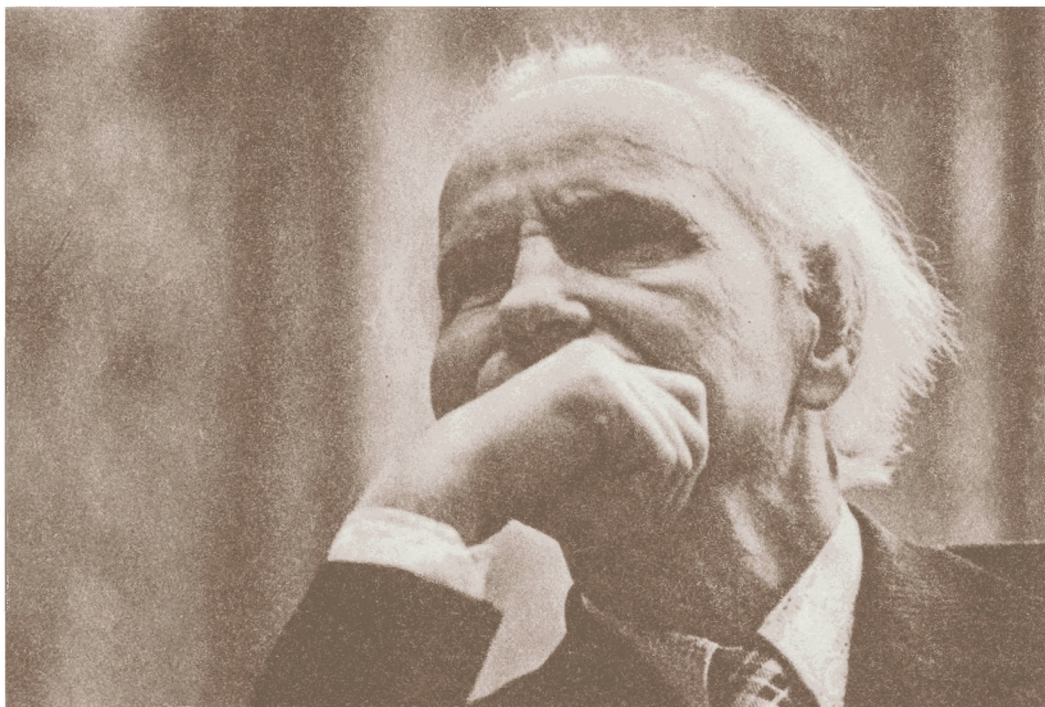
Если б я мог!

Перед вершинами снеговыми
Встану и, как ни гляжу,
Сам себе перед ними
Малым пригорком кажусь.

Вдруг просветлею и в строки
Мысль отливаю, граю.
Самодовольство
На долгой дороге
Как-то и тут не коснулось меня.

Если б я мог
Из солнца, из трав, из земли
Слово создать,
Душу в него вселить,
Чтобы с ним люди
Радовались, горевали,
Беды одолевали,
Не уставали
На любом перевале...
Если б я мог!

День поэзии 1978

Илья ЭРЕНБУРГ

1891—1967

* * *

Скребет себя на пепле Иов,
И дым глаза больные выел,
А что здесь было — нет его.
И никого, и ничего.
Зола густая тихо стынет.
Так вот она, его пустыня.
Он отнял не одно жильё —
Он сердце обобрал мое.

Сквозь эту ночь мне не пробраться.
Зачем я говорил про братство?
Зачем в горах звенел рожок?
Зачем я голос твой берег?
Постой. Подумай. Мы не знали.
В какое счастье мы играли?
Нет ничего. Одна зола
По-человечески тепла.

1943

День поэзии 1962

* * *

Ты помнишь — жаловался Тютчев:
«Мысль изреченная есть ложь».
Ты не пытался думать — лучше
Чужая мысль, чужая ложь.
Да и к чему осьмушки мысли?
От соски ты отвык едва,
Как сразу над тобой нависли
Семипудовые слова.

И было в жизни много шума,
Пальбы, проклятий, фарсов, фраз.
Ты так и не успел подумать,
Что набежит короткий час,
Когда не закричишь дискантом,
Не убежишь, не проведешь,
Когда нельзя играть в молчанку,
А мысли нет, есть только ложь.

1957

День поэзии 1962

* * *

Крылья выдумав, ушел под землю,
Предал сон и погасил глаза.
И, подбитая как будто, дремлет
Сизо-голубая стрекоза.
Света не увидит Персефоне,
Голоса сирены не унять,
К солнцу ломкие, как лед, ладони
В золотое утро не поднять.
За какой хлопочешь ты решеткой,
Что еще придумала спеша,
Бедная больная сумасбродка,
Хлопотунья вечная душа?

День поэзии 1971

* * *

Мы жили в те воинственные годы,
Когда, как джунглей буйные слоны,
Леса ломали юные народы
И прорывались в сон, истомлены.
Такой разгон, такое непосредство,
Что в ночь одну разгладились межи,
Растаял полюс, будто иней детства,
И замерли, пристыжены, стрижи.
Хребту приказано, чтоб расступиться,
Русло свое оставила река,
На север двинулись полки пшеницы,
И розы зацвели среди песка.
Так подчинил себе высокий разум
Лёт облака и смутный ход корней,
И стала ночь, обглоданная глазом,
Еще непостижимей и черней.
Стихи писали про любви уловки,
В подсумок зарывали дневники,
А женщины рожали на зимовке,
И уходили в море моряки.

День поэзии 1971

* * *

Я знаю, будет золотой и долгий,
Как мед густой, непроходимый полдень,
И будут с гирями часы на кухне,
В саду гудеть пчела и сливы пухнуть,

Рисунок Пабло Пикассо. 1948 год.

Опходна

О как мне будет трудно умирать,
На полном вдохе оборвать дыхание!
Не укладываться —
Пожидать,
Боясь не выдержу возможных —
Рассчитываюсь.

Незнаю, клином когда летит у нас.
Мне никогда Земле не будет тужою:
Ильсьею любви до срока не сбегу
И на сиротамъ останавливаюсь.

Ни отъезда не завершил пути.
Как недалеко каскадная осень!
Летит миссия...
Куда уже там летит —
Ее по свету шалью, ветер поет.

Потери сердца людей не видны,
Но вожак-бывше в зверь ступит все равно.
Ни от своей,
Ни от чужой вины
Не отпечатаешь,
А долги все те же.

Болит ли ширь?
Куда себя девать
От осели соседний и утенок?
О как мне будет трудно умирать!
И трюках
Кельсе
Известь
Утенок...

Александр Яшин в родной деревне Блудново на Вологодчине.

В СБОРНИКЕ «ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 1956—1981. ИЗБРАННОЕ»

УЧАСТВУЮТ:

Асеев Н. (стр. 5), Адалис А. (6), Антокольский П. (7), Алигер М. (10), Анциферов Н. (12), Ахматова А. (13), Ахмадулина Б. (17);

Балин А. (21), Балашов Э. (21), Бауков И. (22), Берггольц О. (22), Берестов В. (24), Белинский Я. (24), Благинина Е. (24), Боков В. (25), Брагин А. (27), Блынский Д. (28), Букин Н. (29), Бялосинская Н. (29);

Ваншенкин К. (29), Валиков Г. (31), Васильев П. (32), Васильев С. (33), Васильева Л. (34), Вегин П. (36), Вергелис А. (36), Винокуров Е. (37), Викулов С. (38), Вознесенский А. (39), Волошин М. (43), Высоцкий В. (44);

Глазков Н. (46), Глушкова Т. (47), Говоров А. (48), Голубков Д. (48), Гончаров В. (49), Городецкий С. (49), Гордиенко Ю. (50), Грибачев Н. (51), Гудзенко С. (52);

Дагуров В. (54), Дементьев А. (55), Дмитриев О. (55), Долматовский Е. (57), Доризо Н. (58), Дрофенко С. (59), Дружинин П. (59), Дриз О. (60), Досталь А. (60), Друнина Ю. (61);

Елисеев Е. (62), Евтушенко Е. (63), Евсеева С. (67);

Жаров А. (67), Железнов П. (67), Жигулин А. (68);

Зенкевич М. (69), Злотников Н. (69), Заболоцкий Н. (70), Завальнюк Л. (73);

Ивнев Р. (75), Исаев Е. (76), Инбер В. (79), Исаковский М. (79), Искандер Ф. (81);

Казаква Р. (82), Казанцев В. (83), Карпеко В. (84), Кашежева И. (85), Кафанов А. (85), Казин В. (85), Квливидзе М. (81), Кедрин Д. (88), Кирсанов С. (90), Ковалев Д. (92), Ковальджи К. (93), Коваленков А. (93), Коган П. (94), Кобзев И. (94), Козловский Я. (95), Коренев А. (96), Корин Г. (96), Котляр Э. (96), Костров В. (97), Кронгауз А. (98), Кочетков В. (99), Кочетков А. (100), Кузмин М. (101), Кудрейко А. (104), Кузнецов В. (105), Кузнецов Ю. (105), Кузнецова С. (106), Куняев С. (107), Кулемин В. (108), Кульчицкий М. (108), Кузовлева Т. (109);

Лапин Б. (109), Левин Г. (110), Лазарев В. (110), Левитанский Ю. (111), Лифшиц В. (113), Луговской В. (114), Лисянский М. (119), Леонович В. (120), Луконин М. (120), Львов В. (124), Львов М. (124), Ляпин И. (126);

Максимов М. (126), Майоров Н. (127), Мандельштам О. (128), Марков А. (130), Марков С. (131), Мартынов Л. (135), Маршак С. (139), Матве-

ева Н. (140), Матусовский М. (142), Мурзиди К. (143), Мориц Ю. (146), Михалков С. (147), Наровчатов С. (149), Николаев А. (152), Некрасова К. (153), Николаевская Е. (155);

Озеров Л. (155), Орлов С. (156), Окуджава Б. (157), Ойслендер А. (159), Ошанин Л. (159);

Павлинов В. (160), Панченко Н. (161), Петровых М. (162), Передрев А. (163), Пастернак Б. (165), Поженя Г. (171), Поделков С. (172), Поликарпов С. (173), Поперечный А. (174), Преловский А. (174), Примеров Б. (175); Прокофьев А. (176);

Реброва Т. (178), Радимов П. (178), Рубцов Н. (179), Рождественский Р. (181), Рыленков Н. (184);

Санников Г. (185), Савельев В. (185), Самойлов Д. (186), Светлов М. (187), Семакин В. (190), Семенов В. (191), Северянин И. (192), Сикорский В. (193), Семинин П. (194), Сельвинский И. (194), Слуцкий Б. (196), Сидоров В. (198), Симонов К. (199), Смеляков Я. (201), Смирнов Л. (206), Смирнов С. (206), Смирнов Ю. (208), Смольников А. (208), Снегова И. (209), Соболев М. (210), Соколов В. (211), Солоухин В. (212), Сорокин В. (214), Сорин С. (215), Софронов А. (216), Старшинов Н. (217), Сухарев Д. (218), Субботин В. (219), Сурков А. (220);

Тарковский А. (222), Тарасов Н. (223), Татьяничева Л. (224), Твардовский А. (225), Тихонов Н. (232), Тряпкин Н. (235), Туркин В. (236), Тушнова В. (237), Тейф М. (238);

Федоров В. (238), Фирсов В. (240), Федотов В. (241), Флоров Г. (242), Френкель И. (243), Флеров Н. (244);

Харабаров И. (244), Хелемский Я. (244), Хикмет Н. (245), Храмов Е. (248);

Цветаева М. (249), Цыбин В. (253);

Чув Ф. (254), Чухонцев О. (255);

Шкляревский И. (257), Шаламов В. (258), Шевелева Е. (259);

Щипахина Л. (259), Шубин П. (260), Щипачев С. (262);

Эренбург И. (264);

Яшин А. (266).

Составители:
Евгений Михайлович ВИНОКУРОВ
Виктор Сергеевич ФОГЕЛЬСОН
Владимир Дмитриевич ЦЫБИН

ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1956—1981

Избранное

М., «Советский писатель», 1982, 272 стр.
План выпуска 1981 г. № 221

Редактор

Г. Г. Валиков

Художественный редактор

В. В. Медведев

Технический редактор

Т. С. Казовская

Корректоры

Т. Н. Гуляева

и *Л. К. Фарисеева*

ИБ 2728

Сдано в набор 04.05.81. Подписано к печати 08.01.82.
А08604. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 19,89. Уч.-изд. л. 24,45. Тираж 100 000 экз. Заказ № 217. Цена 2 р. 90 к. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

2 p. 90 к.

